

А. И. Матвеева

СОЦИАЛЬНОЕ ПАРТНЕРСТВО: ЦЕЛЬ ИЛИ СРЕДСТВО

Монография

Казань
Издательство «Бук»
2016

УДК 35.088.8

ББК 88.52

М33

Ответственный редактор:

К. Н. Любутин, заслуженный деятель науки Российской Федерации,
доктор философских наук, профессор
Уральского федерального университета (г. Екатеринбург)

Рецензенты:

С. Н. Некрасов, доктор философских наук, профессор,
зав. кафедрой философии Уральской государственной
сельскохозяйственной академии, почетный работник высшего
профессионального образования России, действительный член
Академии военно-исторических наук (г. Екатеринбург);

В. М. Русаков, доктор философских наук, профессор,
зав. кафедрой философии и культурологии
Института международных связей (г. Екатеринбург)

Матвеева, А. И.

М33 **Социальное партнерство: цель или средство:** монография /
А. И. Матвеева. — Казань: Изд-во «Бук», 2016. — 180 с.

ISBN 978-5-9908020-5-6

В монографии исследуются проблемы аксиологического поля духовной социализации, структура и содержание различных фаз процесса личностной социализации, морфология социального взаимодействия. Обосновывается положение о духовной доминанте в системе социального взаимодействия и процесса социализации личности как ключевого условия ее целостности и эффективной самореализации.

Монография предназначена для ученых, преподавателей, аспирантов и студентов гуманитарных специальностей высших профессиональных учебных заведений.

УДК 35.088.8

ББК 88.52

ISBN 978-5-9908020-5-6

© Матвеева А. И., 2016

ВВЕДЕНИЕ

Феномен социального партнерства возникает в процессе снятия дихотомии между сотрудничеством и конкуренцией. Данный феномен интерпретируется как переходное состояние личности и общества от духовной узости и слепоты к духовной состоятельности и зрелости. Выявляются специфика перспективы развития духовной социализации личности в контексте совершенствования системы социального партнерства.

В настоящей работе рассмотрены принципы и морфология самой социализации, в которой духовное основание, как мы пытаемся доказать в настоящей работе, играет первостепенную роль. И здесь социализация личности рассматривается в контексте социального взаимодействия людей, которые, как известно, являются не только духовными существами (наделенными душой, сознанием, интеллектом и т. д.), но и существами социальными (общающимися и взаимодействующими). А коли так, то весь пафос исследования направлен на осмысление механизмов актуализации духовности в социальной практике человека, в системе социального взаимодействия людей. Ведь сколько не говори о духовности и не формируй ее, но если личность не овладела социальными технологиями по ее актуализации, осуществлению, опредмечиванию, сама духовность будет оставаться должным, но не сущим, потенциальной, а не реальной, интенцией, а не действительностью.

Глава 1

ФЕНОМЕН СОЦИАЛЬНОГО ПАРТНЕРСТВА В КОНТЕКСТЕ ДУХОВНОГО САМООПРЕДЕЛЕНИЯ ЛИЧНОСТИ

Духовное самоопределение личности происходит в определенной институциональной среде. Институциональное направление в исследовании проблемы социального партнерства предполагает его трактовку как специфического социального института. В связи с этим необходимо, прежде всего, определиться с теоретико-методологическими подходами к исследованию феномена социального партнерства в системе социальных отношений и трактовкой самого понятия «*социальный институт*».

Институциональная теория изначально возникла и развивалась как оппозиция традиционным теоретико-методологическим подходам в гуманитарных исследованиях. Главное направление институционального анализа было связано со стремлением преодолеть прежний формализм в толковании сущности социальных отношений. Поэтому институционализм традиционно рассматривается как «бунт против формализма» [327]. Известно, что М. Вебер (1864–1920) связывал необходимость институционального анализа социальных отношений с социальным (общественным) разделением труда. Отличая *социальное* разделение труда от *технического* разделения труда, он выделял два типа социального разделения труда: разделение труда между *автономными* субъектами деятельности и между полностью *самостоя-*

тельными субъектами деятельности [188, с. 63–64]. В связи с этим и система отношений между разными субъектами деятельности может рассматриваться в двух аспектах: как *конкуренция* и как *партнерство*.

В современной литературе также считается, что «определяющей причиной возникновения, функционирования и развития социальных институтов выступает потребность процесса разделения труда, а в более общем плане — процесса дифференциации человеческой деятельности и общественных отношений» [11, с. 166–167].

Вместе с тем хотелось бы сразу обратить внимание на обстоятельство, которое упускается из виду многими исследователями истории и теории институционализма. Процесс общественного разделения труда может осуществляться двояко: стихийно или планомерно. Представители прежнего институционализма и современной неoinституциональной теории исходят как раз из стихийного характера процесса общественного разделения труда. Поэтому возникновение социальных институтов они объясняют двояко: с одной стороны, такие институты также появляются вроде бы стихийно, вслед за стихийным процессом общественного разделения труда. А, с другой стороны, такие институты трактуются как результат сознательной практики людей, что опровергает первый тезис. Поэтому институциональному анализу изначально присуща некоторая дихотомия в определении природы происхождения социальных институтов.

Осознанное и планомерное регулирование процесса общественного разделения труда в современных условиях, к сожалению, уступило место стихийному его развитию. Глобальная конкуренция, ставшая едва ли не главным фактором в развитии системы социальных отношений и определяющая тип (конкурентный) социального взаимодействия, а также институт частной собственности — вот два ключевых фактора, детерминирующих современное состояние и содержание большинства социальных институтов. Это сказывается и на характере институционального анализа, в том числе и на понимании сущности социальных институтов.

Существует ряд теоретико-методологических подходов к трактовке данного понятия. Первый подход связан с пониманием социальных институтов как некоей *целостности* разноуровневых компонен-

тов, включая субъект деятельности, предмет деятельности, ее средства и результаты. Такое расширительное понимание социальных институтов затрудняет выявление критериев, которые позволяют конституировать социальные явления в качестве социального института. Вторым подход можно назвать атрибутивным, поскольку его представители пытаются выделить некий интегративный критерий, свойственный всем социальным институтам и позволяющий отличить социальные институты как таковые от других социальных образований. В качестве интегративного критерия используются такие атрибуты, как организация, системность, нормативность и т. д.

В западной литературе под институтами подразумеваются «правила игры» в обществе, или, выражаясь более формально, созданные человеком ограничительные рамки, которые организуют взаимоотношения между людьми» [271, с. 17].

В отечественной литературе социальные институты трактуются как «организованная система связей и социальных норм, которая объединяет значимые общественные ценности и процедуры, удовлетворяющие основным потребностям общества» [388, с. 143].

Различают *формальные* и *неформальные* социальные институты. «К формальным институтам относят законы, писанные правила; к неформальным — обычаи, неписанные нормы и общепринятые условности» [156, с. 5]. При этом почему-то не выделяют зрелые социальные институты и незрелые, т. е. те, которые только лишь находятся в стадии их формирования. В условиях перехода того или иного общества от одной социально-политической и социально-экономической системы к другой такие «переходные» формы социальных институтов являются наиболее распространенными, а их незрелый характер обуславливает противоречивость и достаточно острую конфликтность развития «переходных» обществ.

Само понятие «институционализм» появилось в 1918 г. Его ввел У. Гамильтон, который определял социальный институт как «распространенный способ мышления или действия, запечатленный в привычках групп и обычаях народа». Тем самым, изначально социальный институт трактовался как *неформальная* норма поведения людей, обусловленная традициями, обычаями и привычками. Эту идею развил

другой американский исследователь, экономист и социолог Т. Веблен. В 1899 г. он опубликовал свою книгу «Теория праздного класса. Экономическое изучение институтов», в которой рассматривал проблему естественного отбора институтов. Институт праздного класса — рантье — рассматривается автором как естественное проявление законов хищнического паразитизма, задерживающее (тормозящее) развитие общества [72]. Важно отметить то обстоятельство, что социальный институт в трактовке Т. Веблена представляет собой такое социальное образование, которое может играть как положительную, так и отрицательную роль в развитии общества. При этом причины появления новых социальных институтов и отмирания старых автор связывал с «общественными» условиями.

Вместе с тем, начиная с представителей американского институционализма, в литературе проводится различие между понятиями «*институт*» и «*институция*». Под «*социальным институтом*» все чаще начинают понимать некие структуры, социальные образования, создаваемые и функционирующие на основе общих базовых интересов и потребностей их участников. Главное отличие такой трактовки социальных институтов состоит в их субъектном понимании и объективации. Под «*институциями*» же подразумевают определенные правила и нормативные установки, которые выступают в качестве мотивов деятельности социальных образований. При этом «институция» может быть объективирована, но, сама по себе, она бессубъектна. Подобно одежде на человеке. Она может характеризовать его поведение, но если «нет человека — нет проблемы». Так, Н. Смелзер отмечал: «Одной из важных черт института является его соответствие «социальной потребности». Люди, видимо, не могут существовать без коллективных объединений-общностей и обществ, которые сохраняются в течение длительного времени. Эта тенденция, наверное, обусловлена биологической зависимостью людей друг от друга, преимущественно сотрудничеством и разделением труда в целях выживания по сравнению с усилиями отдельных индивидов, а также друг с другом на основе символической коммуникации» [328, с. 79].

Вряд ли можно согласиться с «биологической» трактовкой сотрудничества и разделения труда, которую предлагает Н. Смелзер.

К тому же «коллективистские» объединения-общности могут складываться и на базе различных интересов и потребностей, по принципу дополняемости (Н. Бор). И «символическая коммуникация» тут не объясняет природы таких локальных социумов. С другой стороны, далеко не все социальные образования складываются в силу сугубо биологической зависимости между людьми. Распад семей и массовые разводы как раз свидетельствуют о недостаточности одних только физиологических или биологических оснований для сохранения таких социумов. Да и вряд ли достаточным для понимания их природы и сущности было бы называть семьи или коллективы, социальные группы или государственные структуры только *социальными институтами*. Поэтому, с нашей точки зрения, более последовательным и перспективным в научном плане выглядит понимание социального института как системы ценностей (ценностных ориентаций), определяющих деятельность тех или иных общностей людей. Именно фактор общности (полного единства или частичного совпадения и т. д.) превращает то или иное социальное образование в социальный институт. А его организация служит лишь условием его функционирования подобно тому, как система кровообращения или организация высшей нервной деятельности служит условием жизнедеятельности человека.

В. Ванберг в своей книге «Правила и выбор в экономической теории» предложил интересную классификацию таких социальных институтов («правил игры»). Правила поведения он разделил на: 1) наследуемые, 2) естественно данные и 3) приобретенные, передаваемые через культуру. Последние, в свою очередь, он подразделил на: а) личные и б) социальные, а социальные правила — на а) формальные и б) неформальные. К разряду формальных правил автор относил «частное» и «общественное» (публичное) право. Однако, как справедливо отмечает Р. Нуреев, эта классификация не лишена недостатков. «Ограниченность этой классификации проявляется в том, что она не показывает взаимосвязь и взаимовлияние различных типов правил. Реальная жизнь богаче этой схемы, поскольку правила постоянно изменяются, модифицируются, а не находятся в застывшем состоянии. Например, неформальные социальные нормы формализуются, закрепляются в праве; не подкрепленные санкциями формаль-

ные правила трансформируются в неформальные и т. д». [156, с. 56]. Об этом же пишет и Ю. П. Андреев: «Рассматривая социальные институты как своеобразную форму опредмечивания деятельности и общественных отношений, мы тем самым ставим их в зависимость от последних. Но и сами институты не индифферентны к сложившимся в обществе видам деятельности и общественным отношениям, которые они «обслуживают» [11, с. 168]. Таким образом, авторы обратили внимание на переходный, трансформационный характер многих социальных институтов.

Обратимся к нормативной стороне вопроса, а именно к нормативной основе такого социального института, как социальное партнерство. В общем виде данный феномен обладает всеми необходимыми атрибутами социального института. В его структуре можно выделить субъект, объект и саму связь. Очевидно, что социальное партнерство — это некая общность людей. Вместе с тем за социальной формой следует видеть и конкретное содержание, которое состоит в определенных нормах (правилах) социального взаимодействия всех участников системы социального партнерства. Сегодня понятие «социальное партнерство» является во многих отношениях новым и мало изученным. Фундаментальные научные исследования по этой проблематике только начинают появляться. И это, безусловно, негативно сказывается на практическом решении вопросов, связанных с совершенствованием трудовой и социальной политики.

В Трудовом кодексе РФ дано следующее определение понятия «социальное партнерство»: «Социальное партнерство — система взаимоотношений между работниками (представителями работников), работодателями (представителями работодателей), органами государственной власти, органами местного самоуправления, направленная на обеспечение согласования интересов работников и работодателей по вопросам регулирования трудовых отношений и иных непосредственно связанных с ними отношений» [364, с. 47]. Очевидно, что это определение весьма размыто, не конкретно и, с научной точки зрения, некорректно, поскольку предполагает включение в него и неких «иных» отношений. Отношения между адвокатами работодателей и работников никак не могут считаться непосредственно социальным

партнерством. Кроме того, «направленность на обеспечение согласования» отнюдь не тождественна самой согласованности как таковой.

Существует и несколько иное понимание сути социального партнерства. Так, авторы известного словаря (справочника) рассматривают понятие социального партнерства как «специфический тип общественных отношений, присущих цивилизованному обществу с рыночной экономикой» [286, с. 236]. Однако, специфику социального партнерства как системы общественных отношений авторы не раскрывают.

Крайне проблематичным выглядит и определение социального партнерства как «специфического типа общественных отношений между социальными группами, слоями, классами, общностями», как «процесса создания единого социокультурного пространства, в котором обитают разные субъекты, согласные, невзирая на различие интересов, соблюдать общие «правила игры», партнерские отношения» [429].

В этом определении акцент делается на различие интересов. В связи с этим остается неясной сама основа системы социального партнерства, тех общих «правил игры», которые принимают акторы, имеющие различные интересы.

В общем и целом, на сегодняшний день существует два подхода к определению социального партнерства: «широкий» и «узкий». «Широкий» подход связан с трактовкой социального партнерства как способа социального взаимодействия в целом, а не только в сфере социально-трудовых отношений. «Узкий» подход, наоборот, предполагает, что социальное партнерство характеризует только сферу социально-трудовых отношений и не распространяется на иные сферы социального взаимодействия.

Примером «широкой» трактовки рассматриваемого феномена может служить следующее: «Социальное партнерство — это отношение между основными социальными группами общества в осуществлении особого социального порядка, построенного на возможности и необходимости учета и реализации интересов сторон на основе согласия и взаимопонимания» [82, с. 23]. Здесь обращает на себя внимание то обстоятельство, что социальное партнерство рассматривается как отношение (связь), а не как взаимоотношение (взаимосвязь,

взаимодействие) и исключительно в контексте социальных групп. Тем самым из сферы социального партнерства исключается отношение (взаимоотношение) по оси «личность — государство».

Примером «узкой» трактовки социального партнерства может служить следующее: «Партнерство — это цивилизованная форма отношений в социально-трудовой сфере, обеспечивающая согласование и защиту интересов работников и работодателей путем заключения договоров, соглашений и стремления достичь консенсуса, компромисса по важнейшим направлениям социально-экономического и политического развития» [251, с. 23]. В этом определении полностью отсутствует культурный контекст, социальное партнерство рассматривается как атрибут цивилизации, как социальная технология. Но вне культуры нет и не может быть полноценного социального партнерства по той простой причине, что культура представляет собой систему ценностей, ценностных ориентаций, на почве которых и сотрудничают субъекты партнерских отношений. Между культурой и цивилизацией столь же большая разница, как между действием и взаимодействием, сотрудничеством и конкуренцией.

Кстати, В. А. Михеев отмечает, что в советский период нашей истории сама возможность социального партнерства в социально-трудовой сфере отрицалась. Но от того, что сегодня желательно или даже необходимо такое партнерство в этой сфере организовать, вовсе не следует, что социальное партнерство имманентно сфере социально-трудовых отношений. Подобно разнице между естественным и искусственным кристаллом социальное взаимодействие в форме партнерства и в иных его формах существенно различно.

В последние годы в литературе появилась новая концепция социального партнерства — «межсекторное социальное партнерство». Недостатком этой концепции, на наш взгляд, является организационный фетишизм. Сторонникам данной концепции представляется, что социальное партнерство как таковое возможно только между *организованными* (в определенные социальные группы) участниками системы. Неорганизованные субъекты (например, индивидуальные предприниматели, надомные работники, даже иждивенцы) вроде как бы и не могут быть участниками социального партнерства. «Межсекторное социаль-

ное партнерство — это конструктивное взаимодействие организаций из двух или трех секторов (государство, бизнес, некоммерческий сектор) при решении социальных проблем, обеспечивающее синергетический эффект от «сложения» разных ресурсов и «выгодное» каждой из сторон и населению» [437, с. 15].

Однако, данный подход все еще остается весьма формализованным, поскольку конкретные границы между разными секторами национальной экономики, культурными образованиями (например, представителями субкультур) или в политической сфере весьма размыты, а в условиях глобализма и быстро меняющейся структуры общества «секторный» подход остается на уровне локальной социализации и не отражает высший общественный уровень. Это своего рода упрощенный подход, в рамках которого его представители абстрагируются от реального многообразия модульностей социального партнерства и сводят сам феномен к некоей искусственной схеме.

Таким образом, по критерию *функциональности* мы можем выделить «широкий» и «узкий» подходы исследователей к данной проблеме, а по критерию *субъектности* также можно выделить два основных подхода к трактовке социального партнерства. Первый — организационный, связан с тем, что в качестве субъектов социального партнерства берутся определенные социальные группы, а не отдельные индивиды. Второй — институциональный, связан с тем, что в качестве партнеров рассматриваются даже не сами социальные группы, а институты, представляющие интересы этих групп. С точки зрения второго подхода, «социальное партнерство — это одна из форм взаимодействия институтов и государства» [251, с. 23]. Соответственно этой точке зрения следовало бы признать, что если неорганизованные индивиды в реальности вдруг оказываются участниками системы социального партнерства, то они по определению есть социальные институты. Но с такой позицией вряд ли можно согласиться. С другой стороны, если в системе социального партнерства участвуют только институты, то неорганизованным индивидам, которые в жизни реально выступают также участниками данной системы, просто не остается места в гносеологических конструкциях специалистов. И то и другое, на наш взгляд, представляется крайностями, не соответствующими реальности.

В целом, во многих исследованиях российских авторов по данной проблематике *социальное партнерство* понимается как сугубо *цивилизированный* вид общественных отношений [145]. Рассматривая данный феномен как порождение цивилизации вне культурного контекста, С. А. Иванов вообще видит место данного феномена лишь исключительно в социально-трудовой сфере, для согласования и защиты интересов работника, работодателей, органов власти и местного самоуправления путем достижения соглашения по проблемам социально-экономического и политического развития. Но известно, что способы такого согласования могут быть принципиально различными. В одних случаях такие способы культурные, а в других случаях — нет. Согласовывать свои интересы с интересами других можно и с помощью насилия, обмана или самого неприкрытого давления на контрагента. Практика выборных кампаний, например, свидетельствует о таких случаях, когда обещания не выполняются, результаты подтасовываются, а на избирателей оказывается отмеченное давление. И здесь чаще всего уповают на развитие практики контрактных (договорных) отношений (например, между работниками и работодателями, поставщиками и клиентами, органами власти и избирателями и т. д.). Один из наиболее признанных разработчиков теории оптимального контракта С. Соссье, например, считает контрактацию едва ли не универсальным способом согласования интересов всех участников системы социального партнерства. При этом он игнорирует принципиально различные стартовые условия, в которых находятся договаривающиеся стороны. Выделяя условные и свободные контракты, он продолжает известную традицию, заложенную еще Дж. Коммонсом (1862–1945), полагавшим, что контракт (трудовой договор) является наиболее эффективным инструментом достижения компромисса между трудом и капиталом. В книгах Дж. Коммонса «Промышленная доброжелательность» (1919), «Промышленное управление» (1923) и «Правовые основания капитализма» (1924) последовательно проводилась идея социального соглашения рабочих и предпринимателей посредством взаимных уступок и заключения контрактов. Развивая эту идею, С. Соссье, тем не менее, признает, что «поиск оптимальной контрактации, в частности, отражает

признание существования множества возможных структур контракта, влияющих на эффективность и издержки» [156, с. 154].

Большая часть соглашений между работодателями и работниками в наших условиях относится все-таки к условным контрактам. При этом, контракты часто не исполняются или носят сугубо формальный характер. Возможности работника влиять на содержание и характер таких контрактов крайне невелики, в отличие от работодателей. Да и многие законы также являются условными и не исполняются часто по причинам отсутствия финансирования или иным обстоятельствам. Важно также иметь в виду распространенную в нашем обществе асимметрию информирования участников хозяйственных процессов. Информационная асимметрия также является причиной разрушения трудовых отношений и, в целом, деструкций в системе социальных взаимосвязей между различными участниками системы социального партнерства.

Сегодня общепризнано, что понятие «социальное партнерство» включает следующие элементы: совокупность различных (постоянно и временно действующих) органов взаимодействия между участниками хозяйственного процесса (двусторонних и многосторонних комиссий, служб, комитетов и т.д.); совокупность различных документов (отчетность) разных уровней (внутрифирменные распоряжения и инструкции, отраслевые нормативы и распоряжения, межотраслевые соглашения и графики, коллективные договоры, протоколы переговоров, консультаций и соглашений и проч.) и т.д. [286, с. 236–237]. Но это — сугубо организационно-экономическая трактовка понятия «социальное партнерство», которая не дает ответа на вопрос о том, что, собственно, делает систему социального взаимодействия *партнерской*.

И здесь следует заметить, что социальное партнерство можно рассматривать двояко даже в рамках социально-трудовых отношений. С одной стороны, социальное партнерство — это социальная технология регулирования социально-трудовых отношений, т.е. система взаимоотношений между работодателями, работниками, органами государственной власти и местного самоуправления, основанная на ведении переговоров, работе согласительных комиссий, поиске взаимоприемлемых решений. Это — сфера, если использовать терминологию

К. Маркса, *конкретного* труда. С другой стороны, социальное партнерство — это система отношений, регулирующая взаимосвязь между трудом и капиталом, совокупным работодателем и совокупным работником. И здесь социальное партнерство предстает как часть, составное звено более общей системы социальных взаимоотношений. Или, иначе выражаясь, это сфера *абстрактного* труда, создающего стоимость и прибавочную стоимость. Понятно, что сама система социального партнерства предполагает наличие определенных критериев и механизмов достижения социальной справедливости и установления оптимальных условий для воспроизводства рабочей силы и развития человека. Но будучи встроенной в более общую систему взаимодействия между трудом и капиталом, эта система часто оказывается не в состоянии обеспечить решение стоящих перед нею проблем в полном объеме. Поэтому необходимы определенные внутренние и внешние *институциональные* условия, при которых система социального партнерства работала бы.

Важнейшей институциональной предпосылкой функционирования системы социального партнерства является, на наш взгляд, *приоритет* интересов труда как источника совокупного богатства по отношению к интересам капитала. На наш взгляд, здесь следует исходить не из формального консенсуса интересов участников системы социального партнерства и тем более не из консенсуса интересов участников системы «труд — капитал», а из понимания особого значения труда в формировании национального богатства. Трудовая деятельность в жизни как отдельно взятого человека, так и общества в целом играет *ключевую* роль. Сам труд оценивается экономистами как *основа* и *причина* формирования цивилизации. А поскольку под системой социального партнерства подразумевают как раз степень (меру) цивилизации общества, то приоритет интересов труда есть *императив* развития самой цивилизации. Труд традиционно рассматривается в качестве *экономической* категории в координатах полезности, прибыли, выгоды, дохода, рентабельности и т.д. Но как основа цивилизации общества труд необходимо рассматривать и в качестве социальной категории, соответственно социальной сущности самого человека. Иначе говоря, понятие труда и трудовых отношений должно рассматриваться в кон-

тексте самореализации личности труженика, социального мира и стабильности в обществе, конструктивного социального взаимодействия. Именно для этого и необходима система социального партнерства.

Поскольку труд — это не просто *часть* материальной и социальной жизни человека, как считали и до сих пор считают многие авторы (Э. Дюркгейм, Л. Дюмон, К. Поляный и т. д.), а основа материальной и социальной жизни людей, постольку приоритет интересов труда в системе социального партнерства самоочевиден.

Понимание необходимости именно партнерских отношений между работником и работодателем давно присутствует в науке. Еще Э. Дюркгейм сформулировал теорию солидаризма, в которой показал, что даже в неразвитых архаических обществах существует некая связь, объединяющая людей в некое целое. При всей полярности индивидуальных интересов и потребностей частных лиц, они объединяются в определенный социум. Такую связь Э. Дюркгейм называл «*механической солидарностью*» [130].

Его современник Ф. Бастиа несколько иначе понимал основу социального партнерства и смысл солидарности. Рассматривая солидарность как *закон* человеческого существования, свойственный самой человеческой природе, Ф. Бастиа писал, что «причину солидарности невозможно выяснить иначе, чем через Откровение» [32, с. 383]. Тем самым, он выделял «*духовную солидарность*», объединяющую индивидов в общество.

В России П. А. Кропоткин особое внимание обратил именно на *социальный* аспект солидарности. Рассматривая проблему солидарности в координатах нравственности и морали, он осуждал аморальное поведение русских нуворишей: «Все, что было хорошего, великого, великодушного в человеке, притупляется, мало-помалу ржавеет, как ржавеет сталь без употребления. Ложь становится добродетелью; подличанье — обязанностью. Нажиться, пожить всласть, растратить куда бы то ни было свой разум, свой огонек, свои силы становится целью жизни для зажиточных классов, а вслед за ними и у массы бедных, идеал которых — казаться людьми среднего сословия...» [189, с. 281]. Сформулировав свою концепцию взаимопомощи, он пытался обосновать ее в качестве не только закона природы, но и главного фактора эволю-

ции человеческого общества. И особое внимание П. А. Кропоткин уделял *социальному* аспекту человеческой солидарности.

Наконец, с развитием общественного разделения труда и переходом мировой экономики к индустриальному (машинному и поточному) производству проблематика солидарности обрела и свое экономическое содержание. Д. С. Миль одним из первых использовал термин «партнерство» для характеристики социально-экономических отношений. Он отмечал, что *естественная* эволюция капитала при определенных условиях ведет к формированию отношений партнерства между собственниками и наемными работниками. Он также выделял две возможные формы такого партнерства: либо в форме объединения самих рабочих и капиталистов-собственников; либо путем объединения самих рабочих между собой и *против* капиталистов-собственников. В целом, эта концепция восходит к известным рассуждениям А. Смита о том, что в условиях рыночной экономики любая часть общества вынуждена вступать в партнерские отношения с остальными его частями. Связывая это с общественным разделением труда, А. Смит рассуждал: «Не от благожелательности мясника, пивовара или булочника ожидаем мы получить свой обед, а от соблюдения ими своих собственных интересов. Мы обращаемся не к их гуманности, а к их эгоизму, и никогда не говорим о наших нуждах, а только об их выгодах» [329, ч. 1, с. 448].

Однако, А. Смит, полагая партнерство *естественным* условием рыночного хозяйства, вел речь об обществе, жившем по духовно-нравственным религиозным предписаниям. В обществе, в котором духовно-нравственные основы ослаблены или разрушены, такое партнерство становится весьма и весьма проблематичным.

В истории проблемы социального партнерства существуют и другие концепции, объясняющие солидарность и партнерство как *неестественные* (искусственные) формы социальных взаимоотношений в обществе. Можно, например, назвать теорию Н. Макиавелли, который особое внимание уделял изучению социальных конфликтов и их природы. Он, в частности, предложил свои интересные способы воздействия на конфликты и считал, что конфликты несут не столько отрицательное, сколько положительное начало. Он пришел к выводу,

что из теории конфликтов вытекает и теория социального партнерства. Поскольку конфликтующие стороны вынуждены на определенном этапе конфликта договариваться, достигать компромисса и соглашения, то необходима разработка определенных процедур и правил (переговоров, согласований, координации, взаимного контроля и ответственности и т. д.). Но будет ли результатом такого компромисса именно партнерство, вот в чем вопрос. В теории Н. Макиавелли все же был заложен определенный порок. Рассматривать конфликт как нечто положительное представляется спекулятивным. Однако и сегодня конфликтность рассматривается отдельными авторами как ценность, поскольку «конфликтная личность, прежде всего, настроена на конкуренцию» [51, с. 17]. А конкуренция представляет собой основу рыночной экономики.

Несмотря на разные подходы к анализу феномена социального партнерства, большинство авторов признает, что такое партнерство основывается на определенной близости интересов участников данной системы. В связи с этим можно вспомнить о том, что социальное партнерство не является каким-то новым изобретением. Оно, например, было присуще еще русской крестьянской общине. Историки определяют общину как «замкнутую локальную организацию, для которой мир оканчивается за околицей. Община выступала хранительницей древних форм социальных связей. Все дела решались сельским сходом, в котором принимали участие главы крестьянских семейств» [24, с. 361].

Элементы социального партнерства можно обнаружить и в организации трудовых артелей различных товариществ, кооперативов и т. д. И даже такие сугубо локализованные формы социального взаимодействия, как *кланы*, *кластеры* и *клиентелла* свидетельствуют о достаточно значимом историческом опыте развития партнерских отношений и наличии в структуре этих форм социального взаимодействия конкретных элементов социального партнерства. В современных условиях постиндустриального развития элементы социального партнерства можно выявить даже в кластерах и сетевых структурах. Но они, естественно, не являются *доминантой* в системе социального взаимодействия участников таких структур.

Иное дело, когда речь идет об *институте* социального партнерства. Как любой институт, социальное партнерство может быть представлено в виде системы принципов, норм и правил. И вряд ли здесь можно полностью согласиться с утверждением о том, что «моральные нормы не являются институциональными» [11, с. 171]. Поскольку моральные нормы «определяют стандарты поведения людей», они по определению институциональны. Вопрос о субъектности таких норм или о социальной их предметности — это несколько иная грань проблемы. Естественно, что никакие моральные нормы не действуют без субъектов, без их «носителей». Но присутствие в этих нормах социального компонента, выработанного самими субъектами, это все равно что «вещь, взятая в ее инобытии». Есть здание, которое можно рассматривать как вещь саму по себе, но есть замысел здания, его образ и даже проектно-сметная документация. И какой бы субъект не приступал к строительству здания, он будет обязан соблюдать требования такой документации, самого замысла. Отсюда можно сделать вывод о том, что понятия «институт» и «институция» в определенном смысле могут быть идентичными, несмотря на их расхождение по критерию субъектности или критерию объективации.

Здесь, на наш взгляд, крайне важно не противопоставлять социальный институт как некое социальное образование институции как тому же социальному образованию. Дело в том, что такое противопоставление методологически представляется некорректным и часто ведет к искажениям самой социальной реальности. Например, когда утверждается, что «социальное партнерство — это действие в рамках гражданского общества, предполагающее активную роль общественности» [211, с. 46]. Из этого заявления следует, что социальное партнерство уже существует при гражданском обществе, а не является его предикатом, предварительным условием. Иначе говоря, социальное партнерство не может существовать вне гражданского общества и правового государства. Но история свидетельствует о том, что различные модальности социального партнерства можно обнаружить даже в античных рабовладельческих городах-государствах, не говоря уже о более позднем времени. Решения, принимавшиеся на агоре — центральной площади греческих городов — свидетельство такого партнерства.

Взаимные отношения между Ганзейским союзом немецких городов и властными структурами, или между Ост-Индской (1602) и Вест-Индской (1621) компаниями и голландскими властями — также пример социального партнерства (между государством и бизнесом).

И такие примеры можно обнаружить и в более позднее время. Вот пример из советской истории: временный союз пролетариата (рабочих промышленных предприятий) и бедных крестьян (батраков) по нейтрализации середняка и борьбе с кулаком. Но известно, что *гражданского общества* в те времена не было. Как не было и самого *правового* государства в современном его понимании.

Поэтому институт социального партнерства, как свидетельствует история, может существовать в самых различных модальностях. Он может быть усеченным, акцентуированным, амбивалентным, приоритетным, избирательным и т. д. и сегодня он вполне может деформироваться в «дружбу» власти и бизнеса против наемных работников или для очередного передела собственности. Но отрицать его, этот институт как таковой, в условиях отсутствия гражданского общества нет никаких оснований. Потому что даже при избирательном или усеченном субъектном его «наполнении» сама его предметность зависит от норм морали и «правил игры». Подобно неполной группе в детском саду или недостаточной наполняемости классов в средней школе такой социальный институт может представляться кому-то неполноценным. Но содержание (воспитательного процесса в таком детском саду или образовательного процесса в такой школе) все равно должно оставаться (и остается) соответствующим установленным требованиям (неким нормам и стандартам).

Система социальных институтов сегодня достаточно многообразна, что обусловлено некоторой размытостью в представлениях о сущности данного понятия. Переплетение понятий «норма», «принцип», «установка», «правило», а также многообразие компонентов, включаемых в структуру социальных институтов, делают допустимым обозначение в качестве социального института искусства, науки, религии, материального производства и любого другого социального явления. А рассмотрение данного понятия в контексте социального статуса, социального положения, социальной роли и социальной организации во-

обще превращает социальный институт в некую ассоциацию субъектов деятельности.

Таким образом, налицо субъектная и объектная версии в понимании социальных институтов. Первая версия связана с трактовкой социального института как некоей социальной общности людей (экономической, идеологической, политической, культурной, этнической и т. д.). Вторая версия связана с акцентом на формы социального поведения людей. Ясно, что одни и те же люди могут принадлежать к различным социальным общностям. При этом могут они и по-разному вести себя. Так, покупатель и продавец или учитель и учащийся часто совпадают в одном лице, но их поведение принципиально отличается. Возникает своеобразный тип некоего «продвинутого» компетентного покупателя (если продавец знаком с техникой продаж) или обучаемого педагога (если педагог занимается самообразованием или повышает свою квалификацию). Это обусловлено действием социальных институтов, под которыми подразумевается «совокупность привычных форм поведения людей в определенных ситуациях, закрепленных в культурной традиции или формальном акте и способствующих минимизации издержек во взаимодействии между субъектами» [193, с. 171].

Сегодня институциональная теория сконцентрировала свои усилия в основном на социально-экономической интерпретации социальных институтов и рассматривает их в контексте таких понятий, как эффективность, полезность, выгода, рентабельность. Понятно, что такой экономический контекст отражает философскую традицию гедонизма и прагматизма, когда то или иное явление трактуется с позиций рациональности. Поэтому социальный институт сегодня чаще всего рассматривается как «макроэкономическая категория», как фактор, «оказывающий весомое влияние на экономические процессы» [193, с. 171]. При этом социальные институты находятся в постоянном движении, что обычно называется «институциональными изменениями». В литературе все возможные институциональные изменения группируются в три основных блока: 1) непрерывные институциональные изменения за счет закрепления неформальных правил, норм, институтов в относительно малых группах с семейно-родственными связями; 2) эволю-

ционные изменения общественно значимых институтов; 3) революционные институциональные изменения [271, с. 21].

Несмотря на различные теоретико-методологические подходы исследователей к трактовке понятия «*социальный институт*», всех их характеризуют следующие общие воззрения:

- «институты имеют значение», т. е. они оказывают влияние на характер и результаты деятельности;
- человеческое поведение не характеризуется тотальной рациональностью, его важной характеристикой выступает и ограничение рациональности как таковой;
- осуществление эволюции социальных институтов связано с социальными (общественными) издержками, оказывающими существенное влияние на развитие самих социальных институтов, их эффективность и динамику [414, с. 158].

Отталкиваясь от этих представлений, можно сделать следующие наблюдения. Во-первых, наиболее динамично развиваются наименее затратные социальные институты и наименее динамично — наиболее затратные социальные институты. В этом плане институт социального партнерства представляется одним из наиболее затратных (по времени, материальным и финансовым затратам, по сложности вопросов его организации и т. д.). Этим объясняется довольно низкая его динамика в исторической ретроспективе. Во-вторых, поскольку рационализм не играет всеобъемлющей роли в формировании социальных институтов, многие из них могут быть просто иррациональными. Институт социального партнерства в определенном смысле слова также может представляться как иррациональный, поскольку понятия рентабельности, самоокупаемости или экономической выгоды к нему мало применимы. В самом деле, вопросы о том, сколько может стоить жизнь и здоровье человека, нормальная экология или семейное благополучие, выглядят риторическими. Конечно, экономист может (и, наверное, должен) знать ответ на «цену вопроса». Но цена самой человеческой жизни считается выше любых затрат. Поэтому экономия на последних в этом плане всегда будет выглядеть аморальной.

Поэтому нельзя согласиться с мнением, согласно которому «основным показателем эффективности [функционирования] институ-

тов является размер достигнутой благодаря им минимизации издержек» [367, с. 97]. Любые издержки считаются социально оправданными и, следовательно, эффективными, когда речь заходит о социальной безопасности человека, его физическом и нравственном здоровье. Иные трактовки эффективности сугубо умозрительны. И здесь пролегает глубокое противоречие между экономистами, трактующими значение социальных институтов, с одной стороны, и всеми другими исследователями, трактующими институты с позиций абсолютных ценностей человеческого бытия, с другой стороны. Попытки современных экономистов измерять высшее — низшим, смысл и качество жизни человека — размером затрат или рентабельностью инвестиций представляются нам тем самым экономизмом, который еще С. Н. Булгаков предлагал нравственно, внутренне преодолеть. Он писал по этому поводу: «В известном смысле экономический материализм даже и неуничтожим, настолько в нем находит выражение некоторая непосредственная данность переживаний или историческое самочувствие, ищущее для себя теоретического выражения в научной или философской доктрине. Эта последняя может быть крайне неудачна по своему выполнению, но настроение, ее создавшее, этим не устраняется. Та особая и неотразимая жизненная правда, что приоткрылась и интимно почувствовалась с такой серьезной и горькой искренностью нашей современностью, делает экономический материализм в известном смысле неопровержимым. Он не может быть просто отвергнут и опровергнут, как любая научная теория. Он должен быть понят и истолкован — не только в своих явных заблуждениях и слабых сторонах, но и в том вещем содержании, которое через него просвечивает. Он должен быть не отвергнут, но *внутренне превзойден*, разъяснен в своей ограниченности как философское «отвлеченное начало», в котором одна сторона истины выдается за всю истину» [62, с. 7].

Однако, такого внутреннего преодоления ограниченного экономизма в современной неинституциональной теории явно не наблюдается. Скорее наоборот, усиливается персоналистская направленность в трактовке социальных институтов. К сфере социального партнерства это относится в первую очередь.

Вот как модель сотрудничества рассматривал лидер европейского персонализма Э. Мунье: «В совершенном обществе сотрудничество было бы всесторонним. Каждый реализовал бы себя, руководствуясь собственными требованиями, последовательно и абсолютно свободно развивал бы свои способности» [255, с. 89]. В его понимании социального мира и социального партнерства лежат исключительно «собственные интересы личности». Именно на этой основе он мыслит так называемое «плюралистическое сплочение» [255, с. 96]. Противопоставляя гражданское общество либеральному и тоталитарному обществу, Э. Мунье выдвигает идею создания персоналистского и одновременно *общностного* строя, в котором люди смогут развиваться «друг через друга». Идея плюралистского взаимодействия рассматривается им в категориях «защитного действия», «органического действия», «действия свидетельствования и разрыва» и «неучастия». С их помощью автор конструирует собственную модель социальных взаимоотношений, которая институционально отличается от всех известных в науке.

В рамках современной общей неoinституциональной теории все социальные институты соотнесены по трем уровням:

- личностный (индивидуальный) уровень;
- различные институциональные соглашения между разными участниками системы социального взаимодействия;
- институциональная среда как совокупность основополагающих политических, социальных, экономических и юридических правил, детерминирующих социальные отношения.

Такая градация социальных институтов выглядит некорректной, поскольку в ней не прослеживается четкая критериальность. Так, если в качестве *первого* уровня предлагается выделять личностный (индивидуальный), то логичным было бы в качестве *второго* уровня социальных институтов выделить локальный (например, групповой, корпоративный, коллективный или классовый), а в качестве *третьего* уровня — непосредственно — общественный (на уровне народа, нации, этноса и т. д.). С другой стороны, понятие «институциональная среда» до сих пор не имеет четкого толкования в литературе и порой отождествляется с понятием «институциональная структура». Вклю-

чая в институциональную среду политические, экономические, психологические, морально-этические, культурно-исторические, этнические и многие иные факторы, исследователи порой чрезмерно расширяют толкование понятия «институциональная среда». Как точно подметил Г. Б. Морозов, «создание, например, правовой базы для частной собственности не означает, что она действительно может функционировать в экономике как рыночный институт» [193, с. 175]. Аналогичным образом обстоит дело и с развитием профессиональной культуры или интеллектуальной деятельности людей, результаты которой отнюдь не всегда коммерциализируются самими творцами. В рамках стихийно развивающегося общественного разделения труда и социальной специализации возникает определенный разрыв между производством и обменом результатами своей деятельности. Отсюда и неоднородность самих социальных институтов. Существуют системообразующие социальные институты, определяющие тип социальных отношений, и сугубо функциональные социальные институты, лишь «обслуживающие» уже сложившийся тип социальных связей в обществе. Институциональная структура таким образом может быть рассмотрена в экзогенном аспекте (как совокупность основополагающих и функциональных социальных институтов) и в эндогенном аспекте (как структура каждого конкретного института).

Последний аспект предполагает использование в качестве характеристик внутренней институциональной структуры таких понятий, как «иерархия», «организация», «система» и «содержание».

Организация предполагает способ (ы) взаимодействия всех содержательных компонентов (элементов) структуры социального института. Иерархия означает внутреннюю ранжированность, спецификацию и соподчиненность конкретных содержательных элементов социального института по отношению друг к другу. Содержание предполагает предметность каждого конкретного компонента в структуре социального института, его наполненность определенным смыслом. Наконец, система представляется нам как некая целостность, обеспечивающая развитие и функционирование социального института.

Соотнесение всех выше указанных компонентов в структуре социального института позволяет разрабатывать их типологию. Например,

Г. Спенсер выделял три основных типа социальных институтов: континуитетные (продолжающие род, традицию и т. д.), распределительные и регулирующие. Основанием для такой типологии он выбрал биологический организм, для которого характерными являются такие функции, как питание, распределение и регулирование жизненных процессов. Однако, такая типология не прижилась в современной неoinституциональной теории по ряду причин. *Во-первых*, на лицо тривиальный социал-дарвинизм, т. е. перенесение процессов из природы в социальную сферу. Однако, такое перенесение не учитывает специфику социального развития как такового. *Во-вторых*, это все то же отсутствие монистического критерия типологии, когда допускается «смешение функций». Ведь «распределение» и «регулирование жизненных процессов» по сути одно и то же. *В-третьих*, в данной типологии типы социальных институтов детерминированы этапами их развития, т. е. взяты как бы в незавершенном, незаконченном виде. А это также не отвечает требованиям аналитического мышления. Судить о сущности и характере явления (в нашем случае, о социальном институте) по зародышу или неразвитой его форме означает порой выдавать желаемое за действительное.

Однако, именно из типологии Г. Спенсера «выросло» то самое направление в современной институциональной теории, представители которого рассматривают институты как определенные группы людей. Поэтому, при всех расхождениях во взглядах Г. Спенсера и К. Маркса, в них есть и нечто общее: генезис социальных институтов трактуется, в первую очередь, именно в духе сугубо *физической* социализации, хотя и признается значение моральных (нравственных) аспектов.

Иную типологию предложили Л. фон Штейн (один из разработчиков теории социального государства) и П. Блау. Они классифицировали социальные институты под углом зрения тех моральных (нравственных) ценностей, которые они воплощают. Они выделили три группы социальных институтов:

- интегративные институты, деятельность которых направлена на сохранение, укрепление и совершенствование солидарности и социального взаимодействия;

- дистрибутивные институты, деятельность которых основана на универсальных ценностях и направлена на стимулирование субъектов социальных отношений;
- организационные институты, деятельность которых направлена на повышение общей (социальной, политической, экономической, экологической и т. д.) их эффективности [187, с. 349–357].

На самом деле, такая типология также представляется весьма условной и в определенном смысле искусственной. Она не учитывает «*интерференции порядков*», или, выражаясь языком В. Ойкена, их «*интердепенденции*» [275, с. 394 и др.], т. е. переплетения и частичного совпадения характеристик друг друга. Она не предполагает выявление промежуточных, смежных, переходных типов социальных институтов, а в реальной жизни именно такие типы встречаются чаще всего. И именно такие типы наибольшим образом детерминируют социальное партнерство. Признавая это, В. Ойкен писал: «Между социальными желаниями многих людей и знаниями, необходимыми для решения социальных вопросов, зачастую существует целая пропасть» [275, с. 403]. Заявляя дальше о том, что задача формирования эффективной социальной политики является «самой трудной», лидер Фрайбургской научной школы ссылается на известные рассуждения И. Канта о том, что трудность данной задачи обусловлена тем, что «ее совершенное решение невозможно: из такого искривленного дерева, из которого сделан сам человек, нельзя смастерить ничего прямого. И только приближение к этой идее возложено на нас самой природой» [275, с. 404]. Поэтому необходимо понимать дистанцию, которая лежит между принципами деятельности социальных институтов и самими социальными институтами как таковыми.

Очевидно, что сами по себе принципы являются лишь *исходными*, начальными установками поведения людей и деятельности институтов. Эти принципы (лат. *principium* — начало, основа, первопричина) лишь определяют общее направление человеческой деятельности. Именно в силу своей фундаментальности, определения генеральных линий поведения человека, они являются атрибутами социальных институтов. В частности, системы социального партнерства. Но для актуализации принципов необходимы нормы и установки. Нормами

в структуре института социального партнерства следует считать общие схемы и сценарии поведения людей, которые обеспечивают максимально полное социальное взаимодействие. Иначе говоря, норма — это правило, которое нельзя нарушать. Установкой следует считать некий мотив, в силу которого человек выбирает для себя конкретные схемы и сценарии поведения в рамках системы социального партнерства. В качестве таких установок могут быть выбраны доверие, уважение, общение и иные конкретные мотивы, либо их комбинации.

Важно, что система социального партнерства определяется качеством. Под качеством в данном случае следует понимать соответствие отдельных элементов института его целевым установкам. Соответствие отдельных элементов целого самому целому — это проблема достаточно острая. По мнению Дж. Э. Мура, «ценность целого не обязательно должна быть равна сумме ценностей его частей» [256, с. 61]. С этим суждением вполне можно согласиться, учитывая достаточно часто наблюдаемый синергетический эффект в функционировании института социального партнерства. Как утверждает Б. М. Генкин, «отношения партнерства обеспечивают достижение синергетического эффекта от согласованной деятельности людей и социальных групп» [87, с. 316]. Следовательно, такое согласование деятельности людей и социальных групп представляется вроде бы единственно правильным сценарием их поведения.

Однако другое суждение Дж. Э. Мура настораживает. Он утверждает, что «добро не определимо», а «утверждать, что определенная линия поведения является в данное время абсолютно правильной или обязательной, очевидно, означает то же самое, что и попытаться установить, больше добра или меньше зла будет существовать в мире, если принята будет эта линия поведения» [256, с. 52, 59].

Но социальный институт партнерства как норма поведения людей не может не рассматриваться как ценность, как добро. Больше того, он не может не быть обязательным, потому что «необязательная норма» — это все равно что «сухая влага», т. е. нонсенс. Определенный сциентизм в суждениях Дж. Э. Мура заставляет нас обратиться к характеристике качества института социального партнерства, в структуре которого могут быть совершенно разные содержательные элемен-

ты, порой прямо противоположные друг другу. Это связано с объективными интересами разных участников системы социального партнерства и необходимостью согласования, координации таких интересов.

И здесь мы сталкиваемся с проблемой диалектического противоречия исходных объективных интересов и субъективных потребностей участников системы социального партнерства на всех без исключения уровнях ее, системы, функционирования. Это не просто диалектические противоречия, возникающие между трудом и капиталом, работодателем и работников, но и диахронические противоречия (возникающие, например, между поколениями), а также этно-социальные противоречия, проявляющиеся между представителями различных социумов и этносов.

Как учение о единстве и борьбе противоположностей, диалектика рассматривает противоречие как тождество противоположностей. Исходя из этого тезиса, можно предположить, что, несмотря на всю остроту конкретных противоречий между всеми участниками системы социального партнерства, они, в конечном счете, «снимаются» единством, т.е. переводом в новую плоскость социальной онтологии. Но всегда ли это возможно? Ведь противоречия могут быть антагонистическими, т.е. непримиримыми в рамках одной конкретной системы координат или в масштабах конкретного социального института. А если противоречия между трудом и капиталом признать, согласно марксистской доктрине, антагонистическими, то возникает резонный вопрос о том, можно ли вообще считать систему социального партнерства социальным институтом, т.е. таким социальным образованием, которое возникает и функционирует на основе единых, общих для всех его участников ценностных ориентаций. Ведь понятно же, что мировоззренческие убеждения, идеалы и принципы у разных представителей системы социального партнерства различные. И это те самые «узы, из которых нельзя вырваться, не разорвав своего сердца» [232, с. 118]. Так не является ли идея о социальном партнерстве некой утопией, мифологией социальной реальности?

Представляется, что социальное партнерство действительно может рассматриваться как социальный институт, прежде всего, потому, что наряду с тем, что расщепляет и разъединяет участников системы

социального взаимодействия, в практике развития социальных связей *всегда* присутствует и то, что способствует их объединению и взаимодействию. И именно этот консолидирующий фактор доминирует в данном социальном институте. Прежде всего — это равенство возможностей, которое зафиксировано Трудовым кодексом РФ (например, равенство возможностей при поступлении на работу — ст. 16; и равенство в условиях оплаты труда — ст. 77). Именно социальное равенство как исходное условие формирования системы социального партнерства предполагает превалирование в его структуре тех мотивов и стимулов, которые консолидируют общество, а не разобщают его. Благодаря равенству возможностей институт социального партнерства способен преодолевать феномен социального отчуждения, проявляющегося в настроениях беспомощности, бессмысленности и отстраненности [328]. Равенство возможностей для представителей самых разных социальных групп в формировании их гражданских прав, в их участии в социально-трудовых отношениях и т. д. несовместимо с дискриминацией, хотя и допускает возникновение конфликтов. Но конфликты как форма противоречия в условиях социального партнерства перестают быть антагонистическими именно потому, что все стороны конфликта намерены его устранить и сделать это на основе взаимной координации и согласования своих действий. И это — принципиальная сторона в формировании института социального партнерства. В рамках данного института вполне конструктивными могут быть либо отношения сотрудничества, взаимной помощи, кооперации, либо конкуренции, соперничества, соревнования. Но смешивать эти два основных вектора в развитии системы социального партнерства, как это порой делается ее участниками, не следует. Дело в том, что социальная конкуренция и различные ее формы (политическая, экономическая и т. д.) не имманентны сотрудничеству и взаимопомощи. В основе конкурентной модели социального развития лежит идеология индивидуализма и персонализма. В основе солидаристской модели социального развития, наоборот, лежит идеология коллективизма. И хотя в определенном смысле эти модели могут быть совместимы (например, в рамках конкретной социальной группы, конкурирующей с другой социальной группой вполне можно предположить наличие солидарности,

основанной на общей ответственности и общности интересов данной конкретной группы), они *принципиально* все-таки различны.

Сущность института социального партнерства как раз и раскрывается через *формальные* и *неформальные* нормы или принципы, регламентирующие его функционирование.

К числу *формальных* норм, регламентирующих функционирование системы социального партнерства, можно отнести следующие: 1) право на труд; 2) право на справедливые условия труда; 3) право на безопасные и здоровые условия труда; 4) право на справедливое вознаграждение; 5) право на свободу объединения в организации; 6) право на коллективные договоры; 7) право детей и молодежи на защиту; 8) право женщин на охрану материнства; 9) право на профессиональную ориентацию; 10) право на профессиональное обучение; 11) право на охрану здоровья; 12) право на социальное обеспечение; 13) право на социальную и медицинскую помощь; 14) право на социальное обслуживание; 15) право нетрудоспособных лиц на независимость, социальную интеграцию и участие в общественной жизни; 16) право на социальную, юридическую и экономическую защиту семьи; 17) право детей и молодежи на социальную, юридическую и экономическую защиту; 18) право заниматься деятельностью, приносящей доход на территории других государств; 19) право работников-мигрантов и их семей на защиту и помощь; 20) право на равные возможности и равное обращение в сфере занятости без дискриминации по признакам пола; 21) право на информацию и консультации; 22) право участвовать в определении и улучшении условий труда и производственной среды; 23) право граждан пожилого возраста на социальную защиту; 24) право на защиту при увольнениях; 25) право работников на защиту их требований в случае банкротства предпринимателя; 26) право работников на защиту своего достоинства во время работы; 27) право работников с семейными обязанностями на равные возможности и равное обращение; 28) право представителей работников на защиту и льготы на предприятиях; 29) право работников на информацию и консультации при коллективных увольнениях; 30) право на защиту от бедности и социального ostracизма; 31) право на жилье [132].

Учитывая то обстоятельство, что РФ в мае 1996 г. ратифицировала «Европейскую социальную хартию», все права, сформулированные в ней, действуют и на территории нашей страны. Однако, как формальные нормы эти права во многих отношениях остаются расплывчатыми. Так, право на защиту при увольнении подразумевает, что работник не может быть уволен без уважительной причины, но юридического определения того, что является уважительной причиной, ни в самой Европейской социальной хартии, ни в российском законодательстве нет. Или право на жилье, под которым подразумевается обязательство со стороны власти и работодателя «принимать меры, направленные на предоставление жилья на уровне адекватных стандартов». Но что такое «адекватные стандарты» и какие именно меры в этом отношении будут достаточными, в законодательстве также не определено.

Конечно, следует признать, что «Европейская социальная хартия» является шагом вперед по отношению к Конвенции «О защите прав человека и основных свобод» от 4 ноября 1950 г., поскольку существенно детализирует и конкретизирует права граждан — участников системы социально-трудовых отношений. Но нерешенные проблемы остаются.

Еще больше проблем возникает при определении неформальных норм, регламентирующих функционирование системы социального партнерства. Есть разные суждения на этот счет. Так, некоторыми авторами предлагается следующий перечень неформальных норм, лежащих в основе социального партнерства: 1) информационная открытость; 2) равноправие участников; 3) взаимная ответственность; 4) экономичность; 5) принцип единства требований; 6) принцип состязательности (конкурсности); 7) принцип законности; 8) принцип эффективности; 9) принцип объективности (справедливости); 10) принцип конфиденциальности; 11) принцип эмерджентности; 12) принцип упорядоченной целостности; 13) принцип иерархичности [185, с. 284]. Однако, конкретизация этих принципов остается недостаточной. Так, не совсем ясно, как можно обеспечить принцип информационной открытости в случаях, когда речь идет о государственной или коммерческой тайне; нет четкости и в толковании принципа

иерархичности, под которой подразумевается либо уже сложившаяся система распределения обязанностей, либо желательная и т. д. Поэтому и здесь предстоит еще много сделать для кодификации системы социального партнерства. Тем более, что ряд неформальных принципов (например, принцип социальной ответственности) вообще никак не прописаны в законе, а власть и общество ожидают от бизнеса социально ответственного поведения.

В связи с этим следует иметь в виду, что любая норма представляет собой триединство диспозиции, оценки и санкции. В формальных нормах это просматривается более отчетливо, чем в неформальных нормах. Диспозиция как исходное требование (установка) определяет обязанность конкретных лиц (физических и юридических) в отношении друг друга. Оценка предусматривает определение меры ответственности за исполнение или неисполнение (ненадлежащее исполнение) обязанности. Наконец, санкция выступает как средство наказания (или наоборот, поощрения) за безответственное или, наоборот, ответственное поведение. Санкции в обыденном сознании ассоциируются, как правило, с наказанием, что не совсем точно. Санкционируются, как известно, и поощрения.

В общем и целом, существуют различные трактовки институциональных установок (норм). Так, Э. Дюркгейм рассматривал институциональные нормы в контексте прав и обязанностей и считал их объективными законами человеческого поведения [129]. Представители экзистенциализма наоборот, рассматривали институциональные установки как чисто субъективные побуждения человека.

Существуют авторитаристская и конвенционалистская трактовки институциональных норм, которые исходят из разных предпосылок: в первом случае нормой считается то, что освящено авторитетом и закрепилось в качестве исторического опыта, во втором случае нормой считается то, что стало предметом договоренностей, соглашений, некоего консенсуса. Но, тем не менее, никто из представителей названных подходов не отрицает необходимости социального партнерства, хотя и вкладывает порой в него свой особый смысл.

Можно выделить несколько теоретико-методологических подходов и в понимании сущности самого феномена социального партнерства.

Во-первых, механистический подход, представители которого рассматривают партнерство как строгую подчиненность (соподчиненность) всех участников системы социального взаимодействия (по аналогии с устройством машины, в которой, несмотря на важность тех или иных узлов и деталей, все они имеют свой смысл и обеспечивают целостность машины).

Во-вторых, бюрократический подход, представители которого трактуют партнерство как строго определенную процедуру (или комплекс процедур) по разработке и согласованию принимаемых решений или предпринимаемых действий. *В-третьих*, персоналистский подход, представители которого рассматривают возможность социального партнерства в контексте инициативности, личной свободы, активной жизненной позиции самого человека. *В-четвертых*, коллективистский подход, представители которого понимают под социальным партнерством совместные (коллективные) действия сторон данной системы и полагают, что «один в поле не воин». *В-пятых*, гуманистический подход, представители которого в анализе феномена социального партнерства делают акцент на неформальные (прежде всего, межличностные) отношения и отвергают шаблонный тезис «ничего личного». *В-шестых*, интеракционистский подход, представители которого особое внимание в развитии социального партнерства уделяют психологическим факторам (одобрение, порицание, поддержка, мотивация и т. д.).

В-седьмых, экзистенциалистский подход, представители которого считают, что социальное партнерство (в отличие от конкуренции) возможно только в крайних (пограничных) случаях. Например, в условиях войны, пандемии и т. д.

Различие в подходах дает основание утверждать, что феномен социального партнерства — это еще и *идеологический* феномен. «Социальное партнерство — это идеология, формы и методы согласования партнеров социальных групп для обеспечения их конструктивного взаимодействия» [87, с. 321]. И в качестве идеологического феномена социальное партнерство призвано обслуживать интересы конкретных социальных групп, как правило, находящихся у власти или при собственности.

Не случайно поэтому в современной литературе появились суждения о том, что подлинное социальное партнерство как таковое невозможно, поскольку российское общество по определению не рыночное. А раз «не рыночное», значит ни о какой свободе или согласовании интересов речь уже не идет. Л. С. Васильев, например, полагает, что государство в любой стране всегда было и остается крупнейшим собственником, а связка «власть-собственность» постоянно сохраняется в качестве институциональной основы всей системы социальных отношений [69]. С этим вполне можно согласиться, если вспомнить о том, что практически все формы наделения государством своих подданных земель (*джагиры* в древней Индии, *улусы* в средневековой Монголии, *катиа* и *химма* в Арабском халифате или *феоды* в средневековой Европе) осуществлялись на принципах ленной зависимости и несения службы в его пользу. «Наделение» Советским государством крестьян земель на правах «вечного пользования» также сохраняло зависимость между работником и государством, но собственником оставалось все-таки государство. Естественно, что собственность может быть условной и безусловной, полной или с обременением, реальной и фиктивной и т. д. Учитывая это обстоятельство, С. Г. Кирдина предложила понятие «условная верховная собственность», под которой подразумевается право государства при определенных условиях лишать собственности любое не угодное ему физическое или юридическое лицо [177]. В современных условиях было бы слишком оптимистичным утверждать, что государство отказалось от такого «верховного» права. А тогда какова же цена самого феномена социального партнерства? Очевидно, что оно становится из добровольного (по замыслу его архитекторов) добровольно-принудительным. А это — существенная деформация данного социального института.

Еще более определенно на этот счет высказывается О. Э. Бессонова, которая предлагает рассматривать систему социальных отношений между государством и работодателями и наемными работниками как «систему сдач — раздач» [44]. Приватизация 90-х гг. XX в. или государственные контракты для госкорпораций в первое десятилетие XXI в. — свидетельство «либерального раздатка», который давно уже подменил собой рынок. Но одновременно это и свидетельство элемен-

тарного социального картелирования, который подменяет и социальное партнерство как таковое. Иначе говоря, в начале XXI в. в нашем обществе существует в общем и целом все та же усеченная и избирательная модель социального партнерства, при которой «кому-то хорошо, когда другому плохо».

Поэтому необходимо совершенствование системы социального партнерства до социально более зрелых, гуманных и эффективных его модальностей.

Генезис института социального партнерства имеет свою историю. На протяжении сотен веков социальные отношения между «верхами» и «низами» любого общества были антагонистическими. На этой почве возникла классовая идеология, рудиментарное сохранение которой наблюдается до сих пор. И только со второй половины XX в. в развитых странах мира более или менее прекратились попытки насильственного изменения общественного строя. Это стало возможным с формированием института социального партнерства.

Естественно, что в разных странах данный институт проявляет себя по-разному и обладает различной степенью зрелости. Именно поэтому мы наблюдаем «приливы» и «отливы» социальной активности в таких странах. Например, стремление властей ряда европейских государств провести пенсионную реформу в ущерб интересам народа и по соображениям бюджетной экономии породило массовые проявления недоверия населения к власти, активизировало забастовочное движение и иные протестные формы поведения людей.

Разумеется, это свидетельствует об ослаблении института социального партнерства, поскольку подобные реформы не могут и не должны проводиться за счет сокращения социальных расходов, без изучения общественного мнения (референдумы, плебисциты) и без жесткой экономии на управленческих расходах. Во многом аналогичными остаются и взаимоотношения между государственными властными институтами и институтами местного самоуправления. Последние, как известно, вообще не относятся к органам государственной власти, не обладают рядом необходимых государственных функций (полномочий) и не могут эффективно обслуживать интересы населения. Представляется целесообразным внесение дополнений о придании органам мест-

ного самоуправления статуса органов государственной власти в ст. 12 Конституции РФ. Дело в том, что ФЗ № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» вменяет в обязанность органам местного самоуправления решение значительного круга вопросов, не подкрепленных финансовой базой. А это объективно ведет к нарастанию противоречий между разными уровнями власти и группами населения.

К числу примеров, свидетельствующих о нарастании тенденции к социальному отчуждению и снижению эффективности системы социального партнерства, можно отнести некоторые решения в области административной реформы. Так, введение института сити-менеджера в ряде муниципальных образований РФ девальвирует социальный и властный статус главы администрации и автоматически ущемляет права граждан (право выбирать и быть избранным, право депутатского запроса и общественного контроля, право отзыва и т. д.). Подмена демократической процедуры выбора процедурой назначения элиминирует систему социального партнерства. Аналогично складывается ситуация и на многих предприятиях, организациях и учреждениях страны. Поэтому *первой* проблемой формирования и развития системы социального партнерства, на наш взгляд, является проблема повышения его эффективности.

Под эффективностью в общем и целом понимается общественная полезность. «В будущем обществе, — писал К. Маркс, — где исчезнет антагонизм классов, где не будет и самих классов... количество времени, которое будут посвящать производству того или иного предмета, будет определяться степенью общественной полезности этого предмета» [233, с. 97].

Различают экономическую, социальную и экологическую эффективность, подразумевая в каждом отдельном случае общественную полезность от использования экономических и природных ресурсов или функционирования того или иного социального института. В середине XX в. за рубежом появляются исследования, посвященные вопросам социальной эффективности. В работах Г. Беккера (Нобелевский лауреат 1992 г.), Я. Минсера, Т. Шульца (Нобелевский лауреат 1979 г.) и др. рассматривается проблема человеческого капитала и со-

циальной эффективности. С начала 80-х годов XX в. аналогичные исследования появляются и в нашей стране. Особое внимание уделяется эколого-экономической, социально-экономической и социально-экологической эффективности. А в 1980 г. даже была опубликована «Временная методика определения эффективности капитальных вложений по охране окружающей среды».

Однако, вплоть до конца XX в. проблемы эффективности не затрагивали феномена социального партнерства, который только лишь находился в стадии своего зарождения. Стихийный «шоковый» переход к рыночной экономике породил и шоковый эффект во всей системе социального взаимодействия в нашем обществе. Достаточно напомнить о *бартерном* характере самой российской экономики в 90-е годы XX в. Это свидетельствует о том, что институциональные изменения могут оказаться достаточно выгодными в краткосрочном периоде, но неприемлемыми в долгосрочном периоде. Такую ситуацию В. М. Полетрович называл «институциональной ловушкой» [294]. Развивая представления на этот счет, Р. М. Нуреев пишет: «Именно таков был, в частности, эффект от развития в постсоветской России бартерной экономики: она позволяла временно решать проблемы малоэффективных предприятий, однако делала невозможной сколько-нибудь решительную реструктуризацию производства» [156, с. 266].

Ситуации, подобные упомянутой выше, становятся возможными именно в силу неразвитости института социального партнерства и наличия в его структуре разнородных, часто противоречащих друг другу, норм и установок. Они элиминируют «правила игры» и снижают эффективность данного института. Поэтому проблема повышения эффективности в функционировании института социального партнерства неразрывно связана с укреплением однородности составляющих его «правил игры», т. е. с консолидацией интересов и потребностей всех его участников. А это предполагает расширение практики сотрудничества между трудом и капиталом. Как писал А. Маршалл, «сотрудничество между капиталом и трудом столь же обязательно, как и сотрудничество между прядильщиками и ткачами» [238, с. 247].

Второй проблемой формирования и развития института социального партнерства в российском обществе является проблема его соци-

альной ориентации. Такая ориентация предполагает поиск и нахождение совместных способов и методов решения возникающих конфликтов, а не технократическое отношение к вопросам социального развития. Идеология прежних лет, согласно которой «лес рубят — щепки летят» не приемлема для института социального партнерства, изначально нацеленного на «сохранение леса». Смысл использованной нами метафоры состоит в постепенном вытеснении отношений эксплуатации партнерскими отношениями. Одним из первых на это обратил внимание Дж. С. Милль, который писал: «Отношения между хозяевами и работниками будут постепенно вытеснены отношениями партнерства в одной из двух форм: в некоторых случаях произойдет объединение рабочих с капиталистами, в других ... объединение рабочих между собой» [248, с. 100–101].

Возрастание социальной ориентированности института социального партнерства находит свое отражение в росте масштабов *солидарного* принятия решений и непосредственном участии самих работников в организации и управлении производством. Но это экономическая сторона проблемы. В более широком плане возрастание социальной ориентированности института социального партнерства находит свое отражение и во взаимоотношениях между разными поколениями и различными этносами. Это означает, что социальное партнерство постепенно заменяет прежнюю традиционную систему социальных ролей и статусов, иерархию административно-хозяйственной, административно-властной и иной подчиненности. Партнерские отношения предполагают отказ от прежней традиционной субординации «начальник — подчиненный», «руководитель — исполнитель» и т. д. Естественно, что в тех социальных образованиях, в которых в силу их целевой и организационной специфики развитие социального партнерства объективно затруднено (кланы, касты, корпорации и т. д.), степень социальной ориентации будет оставаться на относительно низком уровне по отношению к тем социальным образованиям, которые более восприимчивы для партнерских отношений. Очевидно, что в армии масштаб социального партнерства никогда не будет таким же, как на предприятии, производящем обувь, или в образовательном учреждении, готовящем педагогов. Это не означает, однако, что в бо-

лее открытых социальных образованиях укрепление социальной направленности и партнерских отношений осуществляется повсеместно. Например, массовое распространение в хозяйственной сфере жизнедеятельности обществ именно закрытого типа (ООЗТ, ЗАО и т. д.) говорит само за себя. В политической и культурной сфере мы также обнаруживаем подобные организационно-правовые формы (закрытый клуб, закрытый просмотр, закрытые торги и т. п.).

Однако, развитие и укрепление солидарности отнюдь не означает полного отказа от субординации, административных решений или властных полномочий со стороны субъектов системы социального партнерства. Наиболее ярко это видно на примере интерпретации смысла государственно-частного партнерства. Он трактуется как «долгосрочное сотрудничество на долгосрочной основе между органами государственной власти и частными предпринимателями, при котором все необходимые ресурсы (например, ноу-хау, средства производства, персонал и т. д.) предоставляются партнерами для совместного использования в общей организационной структуре, а возможные проектные риски оптимально распределяются между партнерами в зависимости от их компетенций в области управления рисками» [133, с. 53].

В этом определении конкретной формы социального партнерства обращает на себя внимание «усеченный» состав его участников. В этом составе названы только государство и предприниматели, но отсутствуют наемные работники, профсоюзы и иные социальные образования. Отсюда следует два вывода. *Во-первых*, данная форма социального партнерства не может считаться открытой, т. е. доступной для всех заинтересованных социальных групп или институтов. *Во-вторых*, сущностная основа данного феномена связана не с *солидарностью* как таковой, а с *сотрудничеством*. Но «*солидарность*» и «*сотрудничество*» — это два совершенно разных понятия. В рамках солидарности не допускается никакая эксплуатация, т. е. присвоение чужого труда или его результатов. В рамках простого сотрудничества это вполне допустимо. В рамках солидарности возникает и играет определяющее значение общность интересов участников системы социального взаимодействия, в рамках сотрудничества интересы могут оставаться разными, равно как и сами средства их реализации. Сотрудничество — это лишь

основа для договоренностей, тогда как солидарность порой не нуждается ни в каких официальных договорах, контрактах или протоколах и реализуется как формально, так и на основе неформальных социальных институтов.

Полная путаница в понимании феномена государственно-частного партнерства обнаруживается тогда, когда некоторые авторы отождествляют его с *мобилизацией*. Под *мобилизацией* понимается экспроприация ресурсов, административное и властное воздействие на процесс их распределения и перераспределения. Трудовые армии в СССР, как известно, создавались на базе именно административно-репрессивных мер. Военно-мобилизационные планы в период Великой Отечественной войны также строились на основе жестких санкций и даже «классового насилия». Поэтому отождествление сотрудничества с партнерством, а последнего — с мобилизацией выглядит просто некорректно. Однако, читаем: «Под государственно-частным партнерством понимается мобилизация частного капитала и знаний для решения государственных задач» [133, с. 53]. Такое определение вполне объясняет факт неразвитости государственно-частного партнерства в нашей стране и необходимость разработки более корректных социальных взаимоотношений.

Среди существующих недостатков системы государственно-частного партнерства можно отметить следующие:

- развитие данной формы партнерства за счет и в ущерб интересов третьих лиц;
- развитие неформальной (теневой) сферы социально-экономических, социально-политических и социально-культурных отношений;
- элиминирование общественных интересов (в пользу групповых и частных интересов) [133, с. 54].

Важный вопрос — соотношение рисков и гарантий. Данная форма партнерства часто рассматривается либо как схема, когда все участники принимают на себя риски и распределяют их в соответствии со своими компетенциями, либо как схема, когда государство выступает гарантом по возможным рискам. Оба варианта страдают недостатками. Первый предполагает четкое понимание социальной компетенции,

второй — превращает государство из равноправного партнера в простого «ответчика по рискам».

Преимуществами государственно-частного партнерства можно считать:

- повышение мотивации участников данной системы к эффективной деятельности;
- раскрытие благодаря такому партнерству новых потенциалов его участников;
- нацеленность на долгосрочный характер действий, что вносит компонент стабильности в конкретные ситуации.

Однако, форма государственно-частного партнерства предполагает определенный организационно-правовой механизм. А такой механизм нельзя разработать без совершенствования самых разных социальных институтов. Поэтому, например, остается не решенным вопрос о том, в каком виде следует развивать государственно-частное партнерство: в виде *пула* или в виде *модели обмена*. Когда государственно-частное партнерство рассматривается в виде некое модели обмена (по аналогии с бартерными отношениями), «необходимость сотрудничества возникает из-за сложности структуры договорных отношений, а также из-за ненадежности условий. В случае же с моделью пула потребность в сотрудничестве вытекает из необходимости постановки цели, определения метода управления ресурсами, а также необходимости распределения результатов работы между партнерами» [133, с. 54].

Если экстраполировать данные проблемы и на другие формы социального партнерства (отношения шефства между промышленными предприятиями и организациями в социальной сфере; развитие благотворительности, меценатства и спонсорской деятельности и т. д.), то можно следующим образом очертить круг наиболее важных проблем в развитии данного социального института:

- выявление подлинной научной сущности феномена социального партнерства как целого и разных его конкретных форм;
- разработка новых социальных технологий в области координации и согласования интересов участников системы социального партнерства (как на проектной фазе, так и в процессе осуществления партнерских отношений);

- разработка системы эффективного совместного и равноправного управления ресурсами (материальными, финансовыми, временными, административными и т. д.) в условиях партнерских взаимоотношений;
- решение проблемы планового развития процесса общественного разделения труда (полномочий, обязанностей, профессий, должностей, конкретных видов работ и т. д.);
- развитие и совершенствование социально-хозяйственных форм социального взаимодействия, адекватных партнерским отношениям (кооперации, протекционизма, патернализма, добросовестной конкуренции и др.).

Однако, для успешного решения перечисленных проблем необходимо выявить подлинную социально-философскую сущность феномена социального партнерства как целого, а затем уже государственно-частного партнерства как формы социального партнерства. Вот как сущность социального партнерства определяет автор одной из последних диссертационных работ по данному вопросу: «Автор утверждает, что социальное партнерство является основой коммуникационного диалога между гражданским обществом, бизнесом и государственной властью, а также базой для роста гражданского, правового и политического самосознания российского народа. Отношения социального партнерства как отношения между равными в договороспособности социальными субъектами возможны, по мнению автора, только при наличии нейтрального социального пространства, позволяющего социальным агентам взаимодействовать, не нанося ущерба третьим сторонам. Таким социальным пространством обычно выступает гражданское общество. Но социальное партнерство не возникает, если отношения между социальными субъектами обладают исключительно бюрократически административным содержанием или если ролевые функции сторон носят предельно иерархизированный характер (подкрепляемый, к примеру, традициями). Поэтому государственные инициативы, направленные на укрепление отношений социального партнерства в России, нацелены также на структурирование гражданского общества». [250, с. 12].

Из этих рассуждений следует, что диссертант, защитивший работу по социальной философии, дал, однако, определение сущности феномена социального партнерства, как он сам же признался, сугубо с *социологической* точки зрения. Вероятно, этим объясняется и то обстоятельство, что равенство участников системы социального партнерства мыслится им исключительно в области договоренностей (вводится термин «договороспособность»). Кроме того, совершенно не аргументирован и тезис о том, что нейтральным социальным пространством, в котором развивается система социального партнерства, является гражданское общество. Поскольку даже в гражданском обществе участники системы социального партнерства, наряду с общими целями, вполне могут преследовать и свои собственные цели, то тезис о нейтральности такой социальной среды выглядит весьма проблематичным.

Далее, автор отмечает, что «система социального партнерства в России включает в себя федеральные и региональные компоненты, где федеральные власти выступают в качестве центрального элемента социальной системы, оказывающего влияние на периферийные и региональные составляющие социального партнерства». [250, с. 14]. Но автор не разъясняет вопроса о том, почему за рамками структуры участников системы социального партнерства остаются органы местного самоуправления. Хотя далее Г. В. Мирзоян и признает, что «федеральные власти не могут обеспечить социальные права граждан без дополнительной активности региональных и местных властей» и без «самоорганизационной деятельности организаций гражданского общества» [250, с. 17]. Но важно, что в данной трактовке социального партнерства речь идет о равноправии, хотя и в его довольно странной «договороспособной» форме.

Интересной трактовкой сущности феномена государственно-частной формы социального партнерства является определение, данное Комитетом Организации экономического сотрудничества и развития по научной и технологической политике, который в качестве основных признаков государственно-частного партнерства выделил следующие:

- участниками партнерства являются как государственные, так и частные организации;

- взаимоотношения сторон носят партнерский, равноправный характер;
- отношения сторон партнерства зафиксированы в официальных документах (контрактах, договорах и т. п.);
- партнеры имеют общие цели, для достижения которых они объединяют свои вклады;
- получение и использование совместных результатов основано на распределении между партнерами соответствующих расходов и рисков [97, с. 9].

Еще одно определение гласит, что «государственно-частное партнерство — *кооперация* (выделено нами — *авт.*) государства и частного сектора на основе объединения материальных и нематериальных ресурсов преимущественно в сферах, для которых характерна неэффективность государственного управления, в результате чего появляется синергетический эффект».

Исходя из опыта западных стран, эксперты выделяют следующие *отличительные признаки* государственно-частного партнерства:

- как правило, достаточно длительные сроки действия соглашений о партнерстве;
- смешанные формы финансирования проектов (за счет частных инвестиций, дополненных государственными финансовыми ресурсами, или же совместное инвестирование нескольких участников);
- наличие конкурентной борьбы между потенциальными участниками контракта;
- разделение ответственности между партнерами в соответствии с их задачами.

Государство устанавливает цели проекта, определяет стоимостные и качественные параметры, осуществляет мониторинг на этапе реализации. Частный партнер берет на себя оперативную деятельность на разных стадиях проекта (разработка, строительство и эксплуатация, управление и т. д.);

- разделение рисков между участниками партнерства на основе соответствующих договоренностей сторон. [96, с. 40].

Как видно из этого определения, партнерство отождествляется с кооперацией, хотя кооперация является, на наш взгляд, лишь одним из возможных способов организации социального партнерства, т. е. определенной социальной технологией. И не более того. Когда-то М. И. Туган-Барановский указывал на то обстоятельство, что кооперация представляет собой способ хозяйственной организации, при которой нет эксплуатации. Тем самым, кооперация может быть охарактеризована в качестве способа организации деятельности человека и всей системы социальных взаимоотношений. Но она не тождественна самой системе социального взаимодействия и системе социального партнерства в частности. Система социального взаимодействия — понятие более широкое, чем социальное партнерство, а последнее — чем кооперация. В первых двух случаях может существовать и существует феномен эксплуатации, некие социальные классы и противоречие в классовых интересах. Поэтому объединение людей в этих условиях всегда остается формальным, временным и неполным. Иное дело — кооперация. Как писал М. И. Туган-Барановский, «идеал кооперации есть внеклассовый идеал, общество, не знающее социальной эксплуатации» [366, с. 438]. По его мнению, когда рассуждают о «капиталистической кооперации», то просто подменяют понятие «кооперации» понятием «партнерства». Вот как он описывает кооперацию: «Кооперативы характеризуются прямо противоположными чертами (по сравнению с капиталистическими предприятиями — *авт.*). Их цель — не наибольшая прибыль, но наибольшая степень благосостояния членов кооператива; они не только не подчиняют человека капиталу, но, наоборот, ставят своей целью избавить человека от такого подчинения. Кооперация есть союз лиц, в противоположность союзам капиталистов» [366, с. 87]. И далее: «Кооперация вполне свободна — кооператив никого не принуждает вступать в члены кооператива и никого не задерживает в своей среде. В кооперативе нет принудительной власти. Воля меньшинства нисколько не подавляется волей большинства. Кооператив является организацией анархического (т. е. противоположного государственной организации — *авт.*) типа. С точки зрения современного социального мировоззрения, признавшей человеческую личность высочайшей ценностью мира, абсолютной цен-

ностью в себе, только свобода личности и может быть признана высшим социальным идеалом» [366, с. 439–440].

Из приведенных суждений понятно, почему М. И. Туган-Барановский рассматривал кооперацию как особый (третий, не капиталистический и не социалистический) путь развития России и трактовал ее как *своеобразный* социализм, «социализм как положительное учение» (в отличие от идей пролетарского или утопического социализма). Как и французский персоналист Э. Мунье, русский ученый высказывался против либерализма, лежащего в основе социального партнерства. «Либерализм отжил свое время» [365, с. 436]. Этот тезис вполне соответствует другому: «Либерализм оказывается утопией» [255, с. 143].

Рассуждения российского «легального марксиста» в начале XX в. и лидера французского персонализма в середине XX в. о новом некапиталистическом («органичном») обществе и присущей ему системе социальных связей и институтов достаточно схожи. Смысл новой организации социальных отношений в новом «органичном» обществе Э. Мунье раскрыл через пять основных принципов: «1) свобода через институциональное принуждение; 2) экономика на службе у человека; 3) примат труда над капиталом; 4) примат социального служения над прибылью; 5) примат личности, развивающейся в органичном обществе» [255, с. 143–144]. В контексте нашего исследования особое значение приобретает первый принцип, поскольку социальное партнерство немыслимо без того, чтобы «поставить свободу в определенные рамки, создав институты, которые предупреждали бы подобные (неконструктивные и анти социальные — *авт.*) устремления» [255, с. 143]. Главный тезис Э. Мунье состоял в следующем: «Мы стоим за всеобщее материальное принуждение, осуществляемое необходимыми для этого институтами в целях обеспечения материальной свободы всем членам общества» [255, с. 143].

И вот здесь возникает определенное расхождение между идеей перехода к органичному обществу и социальному партнерству, между Э. Мунье и М. И. Туган-Барановским. Если лидер французского персонализма все-таки видел возможность перехода от капитализма к новому обществу через материальные изменения, через «всеобщее мате-

риальное принуждение», что роднит его в определенном смысле даже с марксистами, то М. И. Туган-Барановский полагал, что «крушение капитализма на экономической основе невозможно, но что капитализм все же заключает в себе внутреннее противоречие, от которого он погибнет» [365, с. 94]. Смысл этого противоречия, губительного для капитализма, он усматривал именно в тотальном вещизме, который противоречит развитию духовной природы самого человека и превращает его в «раба вещей».

Но проблема формирования и развития института социального партнерства в современном российском обществе лежит гораздо глубже, чем частные вопросы его организации. Она состоит в мотивации такого партнерства. И здесь необходимо определиться с предметным характером самого социального партнерства как социального института и социального феномена. Необходимо осуществить *распредмечивание* прежней системы социальных связей и осуществить опредмечивание новой системы. Система социальных взаимоотношений при капитализме в условиях рыночной экономики была постоянно связана с *вещностью*. Система социального партнерства в определенном смысле воспроизводит прежнюю свою «метафизическую», а точнее — *вещную*, основу. Либерализм как свобода без границ и вещизм как культ богатства — вот два «крыла», которые детерминируют социальное партнерство. Но они же взаимно и исключают друг друга, поскольку богатство и собственность предполагают ограничение свободы и наложение определенных обязательств (ответственности) на собственников. Но здесь обнаруживается феномен перехода количества в качество, объема и масштаба богатства и собственности в новое социальное измерение, когда их владелец уже не считает себя ответственным и обязанным соблюдать «правила игры», институциональные нормы, а, наоборот, диктует их для других людей. Примеров, когда такие нувориши пытаются встать над моралью и законом, когда они полагают, что их богатство дает им полную свободу, — более чем достаточно.

Вещизм в его крайней форме товарного фетишизма определял весь характер деятельности субъектов социальных отношений. «Первая аксиома: буржуа — это человек, который утратил смысл бытия. Чувственный мир уже не очаровывает его. Он прогуливается среди *вещей*,

которые не вызывают к нему, существуют наряду с ним, которые можно классифицировать. Есть две категории вещей — полезные вещи и вещи, не имеющие значения; или же еще: дела и потерянное время. Потерянное время, любовь к вещам и заупокойная по миру. Потерянное время: оно как раз потому такое, что ему в нем нечего терять» [255, с. 245].

Не следует думать, что эта характеристика относится только к крупным собственникам. «В конечном счете, настоящим буржуа является мелкий буржуа» [255, с. 247]. Люмпенизация и маргинализация сегодня, к сожалению, охватывают значительные слои населения и превращает их в имплицитных буржуа. Зависть и цинизм, стремление к роскоши, подражательство богатым, культивируемая алчность делают свое дело. В связи с этим пронзительно звучат слова: «Искаженный менталитет русского человека ... замусорен и поврежден — стыдно сказать — «идеалами» общества потребления, «общечеловеческими ценностями», парламентским жаргоном и неестественными ужимками «звезд голубого экрана»! Опошлено и изгажено все, что можно. Высокие духовные состояния стали жертвой бездарной имитации бессовестных притворщиков, скрывающих за наигранной экзальтацией пустоту души и скудость ума. Дерзкое пустозвонство притворяется мудростью, похоть — любовью, трусость — кротостью и смирением. Показное нестяжательство скрывает бездну сребролюбия, покаяние превращается в ширму для лицемерия и беспринципности» [157, с. 55].

Конечно, в такой ситуации ни о каком эффективном социальном партнерстве речи быть не может. И даже его крайне ограничительный вариант в виде государственно-частного партнерства, при котором наемные работники фактически оказываются «вымытыми» из системы социального взаимодействия, при котором этатизм постоянно проявляет себя через коррумпированность государственных чиновников и лоббирование частных интересов, никакого сколько-нибудь значимого позитивного эффекта дать не может по определению.

Тем самым, мотивация социального партнерства является наиболее важным аспектом данной проблемы. Новое опредмечивание системы социального партнерства предполагает отказ от вещизма и признание духовности в качестве основы социального взаимодействия в но-

вом органичном обществе. Духовность как новая социальная предметность выступает в качестве принципиально новых «правил игры» (институций), которые не только впитывают в себя абсолютные ценности человеческого бытия (веру, надежду, любовь, дружбу, доверие, ответственность и т. д.), но и экстраполируют их на социальные отношения, организуя, направляя и в целом детерминируя их.

Диалектика социальных отношений определяется диалектикой самих жизненных отношений человека. Как утверждал М. Бубер, по своей природе и положению человек обладает тройственным отношением. «Тройственное жизненное отношение человека — это его отношение к миру и вещам, его отношение к людям, т. е. отношение к отдельному человеку и к человеческому множеству, и его отношение к тайне бытия, которая хоть и просвечивает в вышеназванных отношениях, но бесконечно превосходит их, — к тайне, которую философ называет абсолют, а верующий — Богом» [54, с. 209].

Полнота и эффективность системы социального партнерства как частной модальности всей системы социальных отношений может быть институционализирована по-разному. Если она институционализирована исключительно вещными отношениями, то эта ситуация способствует возрастанию рисков и неопределенности в сфере социального взаимодействия. Ограниченность ресурсов и срока самой жизни индивида превращает партнерство как таковое в малоэффективный способ актуализации социальных связей. Иное дело, если система социального партнерства институционализируется посредством отношения человека к самой тайне его бытия и актуализируется в процессе поиска ответов на ключевые вопросы бытия. Такое духовное самоопределение индивида не просто способствует его превращению в полноценную личность, но и оптимально структурирует всю систему социального партнерства. Такое самоопределение превращает жизненные отношения из *формальных* в *сущностные*. «Придавая же сущностный характер лишь отдельным отношениям, а другие рассматривая и трактуя как несущностные, он (человек — *авт.*) не реализует ни свою природу, ни свое положение» [54, с. 209].

Критикуя отношение С. Кьеркегора и М. Хайдеггера к вещам как *недостаточные* для раскрытия природы человека и реализации его поло-

жения в мире, М. Бубер называет их *техническими*. Он пишет: «Кьеркегорово отношение к вещам недостаточно. Он знает их лишь как подобия. У Хайдеггера вещь имеет практически-целевой смысл. Однако техническое отношение не может быть сущностным» [54, с. 209].

Под *техническим* отношением к вещи М. Бубер подразумевает не до конца осмысленное и взятое вне контекста тайны бытия восприятие материальных аспектов жизни человека. Сам факт технического отношения к вещи обусловлен тем, что «кроме тройного жизненного отношения у человека есть и другое отношение — к своей самости», которое, однако, «не может возвыситься до сущностного жизненного отношения» [54, с. 209]. По сути, речь идет о биологической детерминации нашего социального поведения, что и порождает при определенных условиях *вещизм* (привязанность к вещам, любовь к вещам, накопительство и потребительство). Подобно тому, как животные зависят от источников пищи (места в пищевой цепочке), зараженный *вещизмом* социальный субъект зависит от их источника и противопоставляет себя социуму в качестве обособленного собственника и потребителя.

Отсюда становится ясно, что диалектика социального партнерства обусловлена дилеммой, с которой никогда не сталкивается животное существо, но с которым постоянно сталкивается человек как социальный субъект, как социальное существо: вещь или дух. Эту дилемму точно обозначил Э. Фромм: иметь или быть? Крайние формы в проявлении этой дилеммы ведут *либо* к альтруизму, *либо* к эгоизму. Но эти полярные крайности представляются нам все-таки не соответствующими самой природе социального партнерства как особой формы социального взаимодействия, в которой главной задачей является достижение оптимального баланса интересов всех участников системы, а не отказ от таковых или не их гипертрофированное целеполагание. Вся проблема состоит в том, чтобы не допустить этих радикальных проявлений, поскольку любое радикальное проявление есть свидетельство деградации и самого социального партнерства. На почве радикализма социальное партнерство невозможно. Оно вырождается в свою противоположность — конфликты, которые приобретают четко выраженную антисоциальную и деструктивную направленность.

Но примирение двух полюсов названной дилеммы предполагает выстраивание такой иерархии жизненных отношений и системы ценностных ориентаций, при которой высшее не измерялось бы низшим, дух — вещами, смысл жизни — уровнем потребления и т. д. И здесь возникает необходимость социально ответственного выбора. Перед человеком как социальным существом встает проблема самоопределения. Иметь или быть? Быть со всеми и для всех или иметь нечто и для себя? В связи с этим вспоминаются известные слова из Екклесиаста: «Что проку в том, что ты обретешь весь мир, но потеряешь себя?».

При этом следует иметь в виду, что институциональные изменения как изменения в метафизической сфере нашего бытия, как правило, предшествуют изменениям в таких сферах человеческой деятельности, как экономическая, политическая, культурная и т. д. Кстати говоря, в зависимости от теоретико-методологических подходов к анализу социальных институтов все современные исследователи делятся на «интерналистов» и «экстерналистов»: первые считают институты предметом сугубо общественного анализа, вторые полагают, что институты *a priori* определяют структуру и содержание самой личности.

Но если следовать логике В. С. Соловьева о том, что «общество есть дополненная или расширенная личность, а личность — это сжатое или сосредоточенное общество» [331, с. 61], то спор между современными «экстерналистами» и «интерналистами» представляется в общем-то беспочвенным. Кстати, рассматривая проблемы социального сотрудничества, В. С. Соловьев видел главную задачу в том, «чтобы обеспечить достойное сотрудничество личности и общества» [331, с. 15]. Тем самым главную ось в системе социального взаимодействия в целом и социального партнерства в частности В. С. Соловьев видел между личностью и обществом, а не между личностью и государством или между государством и работодателями (отдельными личностями). Это обстоятельство крайне важно для понимания специфики постановки проблемы социального партнерства в европейской и отечественной философии. Вплоть до выхода известного сборника «Вехи» (1910–1911 гг.), сыгравшего свою далеко не однозначную роль в переводе проблемы социального взаимодействия из плоско-

сти «личность — общество» в плоскость «личность — государство», русская философская традиция рассматривала вопросы социального сотрудничества, солидарности и партнерства именно и прежде всего в первой плоскости («личность — общество»). Рассуждая в контексте собственного религиозного мировоззрения о роли личных убеждений в развитии такого социального взаимодействия, В. С. Соловьев, например, отмечал важный момент: «Дело идет о признании за чужими религиозными убеждениями всех тех прав на свободное проявление, какие мы признаем и требуем для своей собственной веры. Этот принцип равноправности религиозных убеждений, вовсе не заключающий в себе признания их равноценности (как гражданская равноправность между гением и глупцом, между бесхарактерным человеком и героем никак не предполагает уравнивания их внутреннего достоинства), — этот принцип равноправности исповеданий, сделавшийся законом во всех других образованных странах, еще не вошел, как известно, ни в наше законодательство, ни в правила нашей администрации» [331, с. 653].

Из этих суждений следует, что равноправие не тождественно равноценности. Это — ключевой принцип для социального партнерства. Но если брать социальное взаимодействие в целом, то обнаруживается определенное несовершенство социального партнерства по отношению к такой форме социального взаимодействия, как солидарность. В рамках солидарности равноправие и есть равноценность. Именно солидарность стоит ближе к любви, которую В. С. Соловьев понимает как первооснову социального мира и сотрудничества. С точки зрения религиозного мировоззрения и религиозной солидарности гений и глупец, богатый и бедный, герой и трус одинаково равны и одинаково достойны (или недостойны) суда Божьего. В светском плане все равны перед законом, и гений — преступник или герой — преступник не могут рассчитывать на поблажки при определении их вины и вынесении наказания. Поэтому только в системе социальных партнерских отношений обнаруживается тот факт, что все участники системы вроде бы и равны друг перед другом, но есть те, кто «равнее». Это обстоятельство позволяет рассматривать систему социального партнерства как несовершенную и далеко не идеальную схему социального взаи-

модействия. Что, собственно говоря, предполагает совершенствование ее институциональных оснований.

Формирование в современных условиях новых *институциональных* установок, стремительное их изменение и расширение, определение новых правил поведения субъектов разных видов деятельности и появление новых участников представляется очередной институциональной *парадигмой*, которая, по всей видимости, будет определять само будущее социального партнерства. В связи с этим необходимо переосмысление тех социальных институтов и институций, которые уже либо декларированы, либо активно функционируют. На изменение именно духовно-нравственных основ социокультурной коммуникации в современных условиях указывают многие авторы. Так, даже появился новый специальный термин «логосфера» (Г. Башляр), разработана специальная концепция «массового общества» (Ф. Ницше, Г. Тард, Г. Лебон и др.). Как указывает Ю. И. Мирошников, «согласно доктрине «массового общества» в современном социуме обнаруживаются следующие черты:

1. Формируется особая нивелированная личность. Типичная фигура массового общества — потребитель, приспособленец (конформист), готовый отдать свою свободу любому лидеру, любой власти.

2. Для этого общества характерно разрушение традиционных ценностей. Происходит неуклонная вульгаризация культурных стандартов. Поведение человека в обществе дезориентируется (аномия), отсюда в массовом масштабе возникают формы отклоняющегося поведения (преступность, алкоголизм, проституция). [249, с. 22].

Кроме того отметим и такие черты, как: 1) деградация морали и нравственности в условиях ревайвализации культуры; 2) растущее социальное и духовное отчуждение личности от общества; 3) нарастание противоречий между гедонистически-рационалистическим и духовно-нравственным отношением личности к своему внутреннему и внешнему миру; 4) возрастающая антиномия между двумя основными способами бытия человека — природным и культурно-историческим его существованием.

Все это меняет саму диалектику взаимосвязи между социальным партнерством и социальной ответственностью его участников. По-

следняя превращается из ординарного фактора в *ключевую* детерминанту социального партнерства.

Институциональные изменения, происходящие в общественном и личном сознании, не могут не сказаться негативно на социальной ответственности. Сегодня можно констатировать как факт, что большая часть современного общества устранилась (устранена) от активного участия в духовном производстве, в культурном процессе. «Танцуют, поют, едят, рисуют, соревнуются, ставят рекорды редкие профессионалы, остальные довольствуются тем, что смотрят, слушают, читают. Доля пассивного наблюдателя сдвигается установкой духовного производства на удовлетворение потребностей публики в наслаждении» [249, с. 22].

Такой эвдемонизм естественным образом ведет к деградации социальной ответственности личности, да и к деградации личности в целом. «Радио и телевидение большей частью производят массовые развлечения для людей, не желающих напрягать свой ум», — утверждает Ф. Махлуп [242, с. 305]. С точки зрения А. Моля, «духовное производство как таковое в условиях глобализации оказалось полностью атрофировано и тождественно деятельности средств массовой коммуникации» [252, с. 45].

Одним из ключевых деструктивных факторов такого разрушения духовной жизни современного человека для нашего российского гражданина стал непродуманный «шоковый» переход к рыночным отношениям, который, к глубокому сожалению, не ограничился лишь сферой собственно экономики, но распространился и на культуру, политику, образование, межличностное общение. Естественным, что у представителей различных страт современного российского общества все это породило *оппозиционное* отношение, которое чаще всего называется *оппортунистическим*. Оппортунистическое поведение необходимо отличать от простого эгоизма, когда индивиды играют в игру с *фиксированными правилами*, которым они безусловно подчиняются» [367, с. 689]. И здесь необходимо помнить, что одной нормативной этики для формирования *социальной ответственности* субъектов деятельности недостаточно. Потому что, как полагает Л. Тевено, «в любом взаимодействии, на рынке ли, в рамках организации или в поли-

тике, изначально отсутствуют какие-либо гарантии достижения соглашения. В этом смысле неопределенность существует для всех... В самом обычном случае любое взаимодействие неопределенно, ибо в нем участвуют разнородные стороны, оно разворачивается во времени...» [156, с. 85].

Общий анализ трансформации основных институциональных доктрин начала XXI в. позволяет выделить следующие общие черты, присущие им: *во-первых*, критическую направленность в отношении действительности; *во-вторых*, отражение интересов строго определенной социальной группы, общественных организаций или движений; *в-третьих*, наличие (в той или иной интерпретации) идеи социальной справедливости и общественного идеала; *в-четвертых*, наличие обязательного нормативного элемента, представленного в виде некоего набора действий, как необходимого условия для получения результата; *в-пятых*, обязательную политическую составляющую (политический аспект).

Подобно утопии, современные институциональные установки становятся для большинства людей *символом веры*, а не осознанным и просчитанным мотивом их поведения. В современных условиях самостоятельность и грамотность субъектов деятельности все чаще подменяется манипулированием и *зомбированием* их сознания. Например, едва ли не универсальными стали следующие тезисы: конкуренция — абсолютное благо (хотя благом является только *добросовестная* конкуренция, а *недобросовестная* конкуренция — зло); рынок — панацея от социальной несправедливости; научно-технический прогресс способен «снять» любые экономические противоречия (например, разрыв между бедными и богатыми), хотя такой технологический детерминизм давно показал свои ограниченные возможности. Но такие утверждения свидетельствуют не о реальном, а скорее об экзистенциальном восприятии всей системы социальных отношений в обществе. И если «сущность человека заключается в экзистенции», то такая «экзистенция означает не действительность, а *возможность*» [401, с. 32 и др.]. При такой постановке проблемы *необходимое* подменяется *случайным*, *возможное* выдается за *действительность*, *обратимость* объявляется *необратимостью*, *устойчивость* отвергается под лозунгом актуальной

изменчивости. В результате, развитие социальных отношений как бы «разрывается», а сами они «омертвляются».

Современные институциональные установки, разрабатываемые и предлагаемые представителями разных наук, с одной стороны, вроде бы опираются на *интеграцию* научных представлений, но с другой стороны — на *утилитарные* интересы масс. И здесь можно выделить два очень интересных аспекта в современных институциональных изменениях в отношении собственно социальной ответственности личности. *Во-первых*, критерием ценности тех или иных институциональных изменений становится агрессивный *спрос*, который «создает» *востребованность*. Но ясно, что одной востребованности (тем более, искусственно организованной, внушенной конкретному субъекту системы социального взаимодействия извне) недостаточно для суждений о правильности (объективной верности) или ошибочности (вредности) самих институциональных «изобретений». *Во-вторых*, многие современные институциональные изменения связаны с *мифотворчеством*, с неким *нуминозным* опытом, приобретаемым человеком в условиях мифологизации его бытия [407]. Накачивая систему социального партнерства разного рода мифологемами, некоторые акторы формируют некую виртуальную реальность, в которой так или иначе приходится жить остальным. Институциональная трансформация становится причиной не только разрушения *традиционного* обыденного сознания или *низа* культуры, но и ее *верха*, научного сознания и мышления. Поэтому во многих отношениях справедливо суждение о том, что «отечественная мысль в последние десятилетия полностью лишилась новизны и оригинальности, повторяя «зады» западной науки» [418, с. 57].

А ведь необходимо вспомнить, что, конструируя новые модели социальных отношений на основе новых институциональных установок, многие либерально мыслящие авторы откровенно не верили в их реалистичность и изобретали такие установки и такие модели отношений, как инструмент для интеллектуальной «игры». Не случайно, например, одна из самых ранних институциональных теорий О. Моргенштерна и Ф. Найта (1944 г.) так и называлась: «теория игр». Такая игровая версия развития социального партнерства впол-

не может закончиться и в наших условиях очередным социальным конфликтом. Поэтому следует помнить, как о таких *игроках*, конструирующих новые модели, подобные социальному партнерству, очень точно выразился Э. Аллен: для них «мыслить — это выдумывать, не веря в выдуманное» [10, с. 24].

Сегодня многие институциональные новации, предлагавшиеся в 60–80-х гг. XX в. из-за рубежа, не работают ни в других странах, ни в нашей стране. Прежде всего, потому, что они оказались неадекватными национальным институциональным установкам, национальной психологии и менталитету, национальной культуре в целом. А менять старый менталитет на новый, отказываться от традиционной культуры в пользу некоей универсальной псевдокультуры и в угоду «игровым» концептам социального взаимодействия в полной мере не захотело ни одно нормальное сообщество.

В современных условиях, когда именно социальная ответственность превращается в ключевой фактор развития социального партнерства, становится некоей гарантией поступательного развития этой системы, на передний план в решении вопроса о социальной ответственности, выдвигается *моральное самоопределение*. «Мораль можно кратко определить так: 1) господство разума над аффектами; 2) стремление к высшему благу; 3) добрую волю, бескорыстие мотивов; 4) способность жить в человеческом общежитии; 5) человечность или общественную (человеческую) форму отношений между людьми; 6) автономию воли; 7) взаимность отношений, выраженную в золотом правиле нравственности». [106, с. 26].

Как справедливо утверждает Б. Н. Бессонов, «мораль — это *проекция* (выделено *авт.*) субъективного ощущения полноты жизни на систему межличностных и социальных отношений» [43, с. 39]. И от того, сохранит ли личность в современных условиях способность к такому проецированию, во многом зависит и сама способность личности быть социально ответственной.

Диалектика *материального* и *идеального* в социальной предметности существенно изменяется. После долгих десятилетий «критического» отношения к *идеальному* приходит осознание его подлинного места и роли во всех сферах нашего бытия. К социальному партнер-

ству это относится в полной мере. Следует вспомнить о том, что «идеализм — это совершенно трезвая констатация объективной идеальной формы, т. е. факта, независимого от воли и сознания индивидов существования в пространстве» [148, с. 259–260]. Такой «идеализм» (идеальный образ социальной реальности), как аргументированно доказывал еще Э. В. Ильенков, вполне может быть «деятельной функцией индивида» [148, с. 226].

Необходимо, на наш взгляд, различать два подхода в постановке вопроса о социальной ответственности в системе социального партнерства: *идеализм* и *идеал-реализм*. *Идеализм* в вопросе о субъективной и объективной реальности социальной ответственности чаще всего обусловлен неадекватностью институциональных новаций этой самой реальности. *Идеал-реализм*, наоборот, исходит из того, что идеальный образ социальной ответственности предполагает адекватное ее философское конструирование в полном соответствии с ценностями и интересами участников системы социального партнерства. И здесь рассуждения о противоречиях между материальным и идеальным оказывают порой довольно умозрительными.

«Иллюзия о противоположности мыслящего духа и плоти вообще чисто субъективный факт, т. е. факт, существующий только в голове человеческого индивида, факт чисто психологический... Тут то же самое положение, что и с глазом — органом зрения. Если я с помощью глаза вижу звезду, то, само собой понятно, не могу одновременно видеть сам глаз». [147, с. 143].

Все *духовное* — и социальная ответственность личности как результат ее духовного делания — по способу своего бытия и проявления *идеально*, но не все *идеальное* имеет духовное содержание. *Духовное* живет только в человеке, тогда как *идеальное* доступно и машине. Робот не может быть социально ответственен по определению, хотя может быть дисциплинирован, пунктуален, аккуратен, обладать искусственным интеллектом и т. д. Программное обеспечение его действий — результат человеческой деятельности. Но даже искусственный интеллект не может формировать *духовное*, хотя способен на создание *идеального*. Например, машина может сама выбирать наиболее оптимальный режим работы, а компьютер — играть в шахматы с гроссмейстером.

Но только человек обладает функцией социальной ответственности. Социальная ответственность — функция духовного в человеке; институциональные новации, ведущие к девальвации или даже простой трансформации духовного, должны быть отвергнуты как угроза распада личности. Как утверждал Т. Рузвельт, «воспитать человека интеллектуально, не воспитав его нравственно, — значит вырастить угрозу для общества» [254, с. 825].

Необходимо учитывать, что с начала XXI в. постепенно намечается новый перелом (парадигма) в области институциональных изменений, в том числе и тех, которые определяют наши представления о сущности, содержании и структуре социально ответственного поведения личности. Прежние индивидуалистические абсолютизации и гипертрофированные представления о значении чисто потребительского аспекта в ее (личности) развитии постепенно уступают место новым приоритетам, более полно отражающим объективные интересы самой личности. «Замена индустриальной прибыли спекулятивным барышом, ценностей творчества — ценностями комфорта малопомалу развенчали индивидуалистический идеал» [255, с. 276]. Трудное, но поэтапное осознание этого происходит в настоящее время в нашем обществе.

Суммируя все, изложенное выше, можно констатировать, что институциональные установки либерализма истекшего столетия, принятые некоторой частью нашего общества, оказались для общества неоднозначными. *Во-первых*, они оказались изначально уже устаревшими и не транспарентными менталитету и сознанию россиян. *Во-вторых*, внедрение этих установок в нашей стране способствовало разрушению «национального духовного кода» и адекватного восприятия окружающей нас реальности. *В-третьих*, рост объемов новой информации оказался сопряжен с чудовищными деформациями всего информационного поля. Чего только стоит размещение в Интернете порнографических сайтов или компьютерное пиратство! *В-четвертых*, очередная «модернизация» этих установок с целью их адаптации к конкретно-историческим условиям территории и социума-этнуса усилила социальную бифуркацию и породила новые волны оппозиционного (оппортунистического) отношения к ним. Следовательно

но, навязывание таких модернизированных «на ходу» институциональных новаций не способствует укреплению системы социального партнерства и является *проявлением социально безответственного поведения* субъектов институционального нормотворчества. Результатом такой институциональной нормотворческой практики стали рост *коррупции* и расширение *теневой экономики*, распространение *бытового насилия* и *терроризма*. Очень важным аспектом такой институциональной либерализации является *правовой нигилизм*, когда законы не являются ценностью *де-факто*, не воспринимаются субъектами деятельности как *ценность* и поэтому не соблюдаются определенной частью населения. Также очень важным аспектом фиаско либеральных институциональных установок в нашем обществе является нарастание *абстрактного* (отвлеченного, умозрительного) характера таких социальных институций. При этом характерно, что и само понятие *социальной ответственности* законодательством до сих пор даже не прописано.

Исходя из этих рассуждений, можно сформулировать основные направления преодоления «институциональных ловушек» (термин В. М. Полтеровича) в процессе развития и совершенствования социальной ответственности участников системы социального партнерства:

- переориентация институциональных установок (в праве, административном регулировании, этике и т. п.) на высшие духовные ценности отечественной культуры;
- переосмысление изменений в социальной обусловленности многих конкретных институциональных установок;
- приведение норм российского законодательства в соответствие с конкретной ситуацией в обществе;
- конкретизация институциональных норм в системе нормотворчества;
- ликвидация противоречий в действующем законодательстве и упрощение правоприменительной практики;
- приведение институциональной среды в соответствие с особенностями общественного и личностного сознания россиян, менталитетом наших сограждан путем их взаимной адаптации посредством совершенствования системы воспитания и образования.

Одним из важнейших векторов институциональных изменений в мире в конце XX в. стала скрытая дегуманизация самих институциональных норм. Вместо подлинного и всестороннего развития человеческой личности ею был предложен старый рецепт материального фетишизма. Обслуживание институциональными новациями именно материально-вещной стороны человеческого существования привело к расщеплению личности и самой идеи. Нарастание социально-экономического неравенства в мире привело к огромному социальному расслоению и в нашей стране, к отчуждению миллионов наших сограждан от декларируемых институционалистами жизненных благ. Сегодня для них главная цель — найти источники к существованию, выжить. Такую ситуацию давно описал В. С. Соловьев: «Личность, лишенная идеи, была бы чем-то пустым, внешнею бессмысленною силой, ей нечего было бы осуществлять, и потому ее существование было бы только стремлением, усилием жить. А не настоящею жизнью» [331, с. 89]. Вопрос о том, может ли существовать эффективное социальное партнерство в условиях, когда миллионы наших сограждан живут «не настоящей жизнью», в борьбе за кусок хлеба — вопрос, думается, риторический.

Помимо всего прочего, тенденция в институционализации идей «осчастливливания» потребителя весьма далека от идеи социальной ответственности самих предпринимателей, поскольку лишает работника реального участия в хозяйственной (прежде всего, управленческой) деятельности, усиливает в нем иждивенчество и безразличие. Такая своеобразная институционализация проблемы социальной ответственности, когда работникам предлагается быть социально ответственными уже шестьдесят, а не сорок часов в течение рабочей недели и, когда само государство становится прямым агентом работодателей (в рамках системы государственно-частного партнерства) свидетельствует, по нашему мнению, о том, что даже то первоначальное содержание, которое вкладывали институционалисты первой волны в понятие «социального партнерства» все чаще и все больше выхолащивается. Это делает вопрос о разработке данного понятия и самой системы социального партнерства в современных условиях крайне актуальной задачей.

* * *

Социальное партнерство представляет собой специфический социальный институт, характеризующийся всеми необходимыми атрибутивными качествами. В структуре социального партнерства выделяются: а) социальные субъекты (личность, локальные социальные группы, общество в целом, государство); б) объекты (общественные и личные потребности и интересы участников системы социального партнерства); в) сама связь (процедуры, способы и методы согласования интересов и разрешения противоречий); г) принципы осуществления связи и поведения субъектов («правила игры»); е) ареал (сфера), в рамках которого (ой) данная форма социального взаимодействия существует и функционирует.

«Социальное партнерство» является *частным* понятием по отношению к *общему* (родовому) понятию «социального взаимодействия». В связи с этим установлено влияние на систему социального партнерства со стороны иных форм социального взаимодействия, практикуемых в современном российском обществе (конкуренция, кооперация, товарищество, солидарность). Раскрыта конкретно-историческая диверсификация различных форм социального взаимодействия в современном российском обществе и ее влияние на генезис самого социального партнерства и на общие процессы социального и культурного развития. В частности, выявлены такие негативные тенденции в развитии феномена социального партнерства в современном российском обществе, как нарастание аномии и социального отчуждения, партикуляризма и декларативности, неадекватности его знаковой и символической оформленности конкретным социальным процессам, происходящим в обществе, акцентуация на экономической демократизации социальных отношений в ущерб политическим и культурным аспектам.

Основной проблемой развития института социального партнерства в современном российском обществе является правильное структурирование в иерархии данного явления абсолютных ценностей человеческого бытия и функциональных ценностей либеральной институциональной теории. Наблюдаемая в современной ситуации аберрация ценностных приоритетов и подмена подлинно абсолютных ценностей (духовности, нравственности, справедливости и солидарности) идеа-

лами свободы и равноправия способствует формализации и деперсонализации института социального партнерства, снижению его социальной эффективности и привлекательности в глазах разных социальных групп и представителей общества в целом. Необходима реструктуризация ценностных приоритетов в иерархии социального партнерства как формы социального взаимодействия.

Диалектика социального партнерства и социальной ответственности в структуре современных социальных отношений свидетельствует о нарастающем конфликте между цивилизацией и культурой, о существенной дегуманизации самих социальных отношений в целом. Сугубо цивилизационный подход к анализу социального партнерства оставляет за скобками научного исследования его негативные стороны, делая упор на некие универсальные предикаты данного феномена. Такой подход игнорирует культурную идентичность и специфику конкретных социумов и локальных социальных структур, что порождает так называемые институциональные ловушки, связанные с несоответствием разрабатываемых правил и норм социального партнерства ценностным ориентациям и менталитету конкретных его субъектов.

Различая два основных типа общественных отношений, некоторые авторы сегодня полагают, что подлинное социальное партнерство, а шире — само эффективное социальное взаимодействие мыслимо лишь в рамках тех обществ, которые способны осуществлять социальный прогресс. Различая индивидуалистический и коллективистский типы общества, Н. М. Чуринов, например, утверждает: «Совершенство общественных отношений, положенное в основу теории прогресса коллективистского общества, требует того, чтобы данная теория была, во-первых, континуальной теорией, т. е. теорией, раскрывающей информационно-полевое содержание общественной жизни; во-вторых, эта теория предполагает движение, действие временных рядов и антиэнтропийных процессов, неаддитивных информационных волн, наличие доминантных очагов пассионарной активности, пассионарных импульсов, действие социального авангарда и социальных институтов... Таким образом, если теория социального прогресса потребительского типа требует реализации тех или иных социальных технологий, то теория социального прогресса континуального типа ба-

зируется на действии временных рядов и антиэнтропийных процессов, составляющих основу социальных тектологий. Данные тектологии обеспечивают процессы совершенствования общественных отношений, отрицательные вклады в социальные энтропии, диалектическое снятие несовершенств» [410, с. 457].

Отталкиваясь от этих рассуждений, которые мы вполне разделяем, становится очевидной актуальность исследования феномена социального партнерства как определенной социальной технологии и определенного социального института в контексте современной социально-экономической и социокультурной динамики. В самом деле, если рассматривать систему социального партнерства изнутри, с позиций закладываемых в нее мировоззренческих ориентаций и ценностных установок, то возникает вопрос о том, к какому же типу общественных отношений (индивидуалистическому или коллективистскому) данная система может быть отнесена?

Ответ на этот вопрос предполагает обращение к самому смыслу коллективизма как такового. Можно ли рассматривать совокупность участников системы социального партнерства как некий коллектив, пускай даже и расширенный? Поскольку партнерство есть временный и формализованный способ налаживания социокультурной коммуникации, в рамках которого все его участники, наряду с неким общим интересом, сохраняют и свои индивидуальные интересы, а сам механизм осуществления социального партнерства допускает использование по отношению к отдельным его участникам мер принуждения и даже прямых внеэкономических и экономических санкций, то вряд ли можно считать партнерство формой подлинного коллективизма.

Косвенно это признавали и признают многие западные исследователи. Рассуждая о социализации и ее мере (степени), они различают коллективизм и партнерство. Вот что писал по этому поводу один из представителей Фрайбургской школы В. Репке: «Суть теории, согласно которой постепенное продвижение социалистически-коллективистских концепций одновременно является продвижением по «Пути к рабству» (так называется книга Ф. Хайека), может считаться сегодня не только общепризнанной, но и фактически неоспоримой». И далее: «В противоположность революционному социализму Востока с его га-

лопирующей социализацией ползучая социализация Запада приучает нас к медленно, но неуклонно увеличивающимся дозам» [378, с. 169].

Однако, то обстоятельство, что антисоциалистические настроения сегодня «на волне», не дает оснований заявлять о том, что «социалистически-коллективистские концепции» есть продвижение к несвободе (рабству). Кроме того, таким «передергиванием» страдают в основном теоретики — экономисты и социологи. Социально-философский анализ свидетельствует об ином. А именно о том, что «наука есть не что иное, как *организованный опыт человеческого общества*», что этот опыт создается «*трудовым путем*», что «наука есть организованный общественно-трудовой опыт», что наконец, научные концепции коллективизма есть отражение объективной потребности общества в развитии именно коллективистских форм сотрудничества» [49, с. 361]. Рассуждая об индивидуализме, А. А. Богданов писал: «Наивность мышления заключается в том, что свой маленький и дрянной мирок, не стараясь расширить и развить его действительное содержание, делают, незаметно для себя, мерою для такой большой вещи, как человечество» [49, с. 29]. В основе системы социального партнерства как раз и лежит индивидуальный мир каждого, тогда как в основе коллективизма в его наиболее зрелых формах заложена духовная и предметно-вещная общность людей. Развивая в своей работе «Новый мир» концепцию «целостного человека» («собираения человека»), А. А. Богданов считал, что решение этой проблемы невозможно вне коллективизма. «Дробление человека вызывает дробление мира... Абсолютное индивидуальное «я» выражает собою социально-раздробленный опыт и жизненное противоположение человека человеку... Нормы внешнего принуждения — правовые, моральные и т. д. — разумеется, могут быть «целесообразными», т. е. полезными для общества... Переход ... к гармонической системе сотрудничества, для которой такие нормы не нужны, может совершаться только через определенную переходную фазу...» [49, с. 33, 37, 61, 65].

Систему социального партнерства можно считать одной из таких «переходных фаз» от культивировавшегося в XIX в. индивидуализма к коллективистским формам организации человеческого существования. В качестве таковой социальное партнерство, будучи несовер-

шенным по определению, вместе с тем выполняет важную континуи-тетную функцию. Оно как бы связывает предшествовавшие ему и идущие за ним формы социального взаимодействия, устраняя дистрикт и релятивизм истории. Иначе говоря, развитие социального взаимодействия становится латентным и эволюционным, обеспечивая возрастание социальной близости представителей различных стран в обществе. В самом деле, начальными формами коллективизма были своеобразные социальные общности: ватаги, складчины, дружины, артели, кооперативы, товарищества и проч. Крупный знаток истории артельного движения в России А. А. Исаев, например, писал, что «во всех союзах, за которыми народ закрепил название «артель», мы подмечаем господство *начала равноправия*» [119, с. 429]. Но вспомним о том, что В. С. Соловьев разводил понятия «равноправие» и «равноценность». Однако для артели, основанной на подлинном (реальном, а не формальном) коллективизме, оба понятия являются имманентными. «Мал золотник, да дорог» — вот смысл артельного коллективизма. Именно поэтому А. А. Исаев, рассматривая равноценность как равенство участников артели во внутренней жизни союза, называет его вторым отличительным признаком артельного общения [160, с. 431]. А отсюда следуют и третий отличительный признак артельного коллективизма — самоуправление, и четвертый признак — ответственность, и пятый признак — договорные отношения [160, с. 432–433]. Артельный коллективизм не тождественен модусам социального партнерства: различным социальным сетям, кластерам, кланам, финансово-промышленным группировкам, государственно-частному партнерству и т. д. Но также ясно, что артельный коллективизм не тождественен тому «коллективизму», который можно обнаружить в условиях современного общества. Как его не называй («органическое», или «открытое», или «информационное», или даже «постиндустриальное»), такое общество основанное главным образом на ценностях индивидуализма и гедонизма, не предрасположено к тому, чтобы поощрять коллективизм. Социальное одиночество и социальное отчуждение, о чем так пронзительно писали А. Шопенгауэр и Г. Маркузе, в современном обществе становятся едва ли не главной социальной проблемой.

Но даже учитывая необходимость и сложность разработки теоретических моделей социального сотрудничества, необходимо помнить о том, что современная система социального партнерства есть лишь переходная фаза от одной формы коллективизма к другой, но никак не очередная форма такого коллективизма. Учитывая, что в рамках социального сотрудничества предлагается взаимодействовать работникам и работодателям, актуально звучат слова другого крупного знатока истории артельного движения в России В. В. Берви-Флевровского: «Артель смотрит на них (на работодателей и на государственных чиновников — *авт.*) как на начальников, на капиталистов, а не как на доверенных и ответственных перед собою лиц» [41, с. 209].

Таким образом, степень доверия и мера ответственности отличают социальное партнерство от коллективизма как такового. Они же детерминируют и динамику развития разных форм социальной предметности. В первую очередь это относится к солидарности, которая порой рассматривался и рассматривается как закон человеческой жизни [23, с. 401, 404]. Ф. Бастиа считал солидарность определенной формой социальной ответственности [32, с. 401]. Иначе говоря, солидарность как подлинный коллективизм между людьми возникает именно и как раз на почве социальной ответственности.

В свою очередь, степень солидарности способствует ускорению или, наоборот, замедлению социально-культурной динамики. Поэтому возрастание степени солидарности в обществе является фактором ускорения в его развитии. Если вспомнить о том, что первоначально в середине 80-х гг. XX в. руководство нашей страны взяло курс не просто и не только на перестройку народного хозяйства, но и на ускорение развития нашего общества, то становится понятным, почему вторая часть «генеральной линии» была со временем предана забвению. Ни о каком ускорении общественного развития не могло быть и речи в условиях катастрофического снижения степени общественной солидарности. Проявлялось это снижением по-разному: появление частной собственности на средства производства привело к росту социального отчуждения в обществе и социальной его дифференциации; нарастало недоверие населения к власти, что выражалось в падении престижа самих властных институтов (правительства, армии, судов и т. д.). По-

этому в современных условиях необходимо укрепление *солидарности* на основе *социальной ответственности* не только участников конкретной системы государственно-частного партнерства, а всей системы социального партнерства в целом.

Генезис феномена социального партнерства может быть представлен в виде последовательной смены различных парадигм социально-философских идей.

Первый этап формулирования представлений о сущности социального партнерства относится к античному периоду и связан с именами Аристотеля, Платона и Конфуция. Становление греческих городов-полисов оказало огромное воздействие на появление первого структурно организованного сообщества. Платон, ориентируясь на этот полис и выводя модель «идеального государства», подчеркивал его ключевое отличие от естественно природного состояния общества, в котором господствовали культ силы и борьба всех против всех. Это отличие заключалось в новом общественном порядке, идеалом которого стали гармония отношений равных и свободных граждан, совместного открытого и рационального обсуждения и решения проблем [291].

Аристотель в еще большей степени делал акцент на том, что «целое может быть счастливо, если только все его части чувствуют себя таковыми» и что «цель человеческого общежития не в том, чтобы жить, а в том, чтобы жить счастливо, приумножая добродетель, красоту и мудрость» [18].

Особое место в развитии концепции социального партнерства имеет учение о правильном поведении Конфуция. Это в высшей степени высоко интегрированный философско-религиозно-нравственный комплекс идей, который был призван обеспечить гармонию личного и общественного. «Гармония — это путь, которому должны следовать люди». Высший социальный идеал — формирование «единоподобного общества». Согласно книге «Ли цзи» («Трактат о правилах поведения»), написанной учениками Конфуция, «существуют пять отношений и три принципа, посредством которых они осуществляются. Отношения между правителями и подданными, отцом и сыном, мужем и женой, старшими и младшими братьями, между друзьями — эти пять отношений

и есть отношения, существующие повсюду, всегда и во всех социумах. Знание, человеколюбие, сила — эти три вещи и есть нравственные принципы, также «существующие повсюду». Для того, чтобы следовать им, нужна одна искренность [122, с. 119–127].

Именно эти древние идеи о социальной гармонии и солидарности граждан как равных и свободных индивидов составили первый этап в развитии представлений о социальном партнерстве. В целом, в основу представлений древних людей о сущности социального партнерства легли идеи «естественного» и «гармоничного» гражданского состояния общества, пришедшие на смену модели «естественно природного состояния».

Второй этап разработки идей социального партнерства приходится на XVI–XVIII вв., когда отмечается усиление синкретизма общества и государства, нарастание внутренних противоречий феодализма как общественной формации. Социальное партнерство становится отражением знаменитой идеи «общественного договора», в рамках которой оно становится фактически безальтернативным. Собственно говоря, идея демократии как власти народа основывается на необходимости социального партнерства всех его сословий (страт) с государством, которое призвано обслуживать народные интересы. Именно в эпоху Просвещения появилось словосочетание «слуга народа», которым обозначался государственный чиновник, представлявший в системе социального партнерства интересы государства, но обязательно учитывавший и выполнявший волю народа.

Одним из первых теоретическое обоснование необходимости социального партнерства в виде установления определенных правил социального общежития, т. н. *общественного договора*, сделал философ-материалист Т. Гоббс. Он показал, что сама природа людей обуславливает их постоянное устремление к власти, привилегиям, жизненным благам. Поэтому для предотвращения социального хаоса, или, говоря современным языком, социальных конфликтов, необходимо заключение «общественного договора», принятие правил, которых люди согласны придерживаться. Идея «общественного договора» нашла свое развитие также в трудах Дж. Локка, Ж-Ж. Руссо, П. Гольбаха, Д. Дидро, Ш. Монтескье и других мыслителей эпохи французского Просвеще-

ния. Так, Жан-Жак Руссо, теоретик «общественного договора», считал, что такой договор может направить отношения между людьми в русло общего согласия и мира.

В немецкой классической философии идеи социального партнерства отстаивал Г. Лейбниц, также считавший, что состояние мира и согласия между людьми должно достигаться на основе договора и социального компромисса.

Можно сделать вывод о том, что развитие концепции социального партнерства происходило в русле естественно-правовой модели общества.

Третий этап социально-философского осмысления идеи социального партнерства начинается с конца XVIII в. и заканчивается в начале XX в. В общественной практике этот период связан с возрастанием роли государства в регулировании общественных процессов. В теоретическом плане этот период ознаменован становлением и усилением влияния рационалистических идей и концепций, в центре внимания которых оказываются вопросы социального взаимодействия.

Данный этап синтеза идей социального партнерства связан с именами А. Смита, И. Канта, Г. Гегеля, О. Конта, а позднее К. Маркса, Э. Дюркгейма, М. Вебера. Несмотря на противоположность теоретических подходов и идейно-политических парадигм, все они, каждый со своих позиций, внесли значительный вклад в рационалистическое конструирование модели социального партнерства. На данном этапе проблема согласования интересов социальных групп активно разрабатывалась в трудах Р. Оуэна, А. Сен-Симона, Ш. Фурье, Л. Бланки. Конструируя идеальное общество, они утверждали необходимость согласования интересов различных социальных групп населения в общественных отношениях.

Важный вклад в развитие концепции социального партнерства внесли О. Конт и Э. Дюркгейм. В своем исследовании «Общественное разделение труда» Э. Дюркгейм показал, какие материальные факторы и идеи могут сблизить социальные слои, имеющие противоположные интересы, но находящиеся в состоянии взаимозависимости в силу общественного разделения труда. Отсутствие понимания между классами Э. Дюркгейм считал отклонением от нормы, социальной патоло-

гией. Принципиально важным для рационалистического понимания феномена социального партнерства стали работы М. Вебера. Они заложили основу для развития одного из ключевых направлений современной социологии — структурного функционализма. Анализируя идеи, социальные нормы, ценности как отражение экономических факторов, Вебер увидел в них силы, способные серьезно воздействовать как на экономику, так и на общественное развитие в целом. В России в этот период идеи социального партнерства в трудовой сфере развивали В. В. Берви-Флеровский, Н. Х. Бунге, П. Б. Струве, В. П. Литвинов-Фалинский, М. И. Туган-Барановский и др.

В целом, особенностью третьего этапа в развитии концепции социального партнерства стал ее перевод в сферу социальной реальности. Вопросы социального партнерства стали, по сути дела, одними из главных предметов разработки новых мировоззренческих доктрин.

Четвертый этап развития концепции социального партнерства стал разворачиваться с середины XX в. Именно тогда появились новые теории общественного развития: «индустриального общества», «постиндустриального общества», «цивилизационного подхода», «постмодернизма» и др. Социальное партнерство стало рассматриваться как инструмент формирования *гражданского общества*, как новая система цивилизованных общественных отношений, обуславливающих формирование социального государства. Этот этап развития концепции социального партнерства связан с идеями Д. Белла, А. Турена, У. Бека, Ю. Хабермаса, П. Андерсона, А. Селигмана, Р. Инглхарта и других исследователей, выдвинувших различные теории гражданского общества и трансформаций современной цивилизации.

Отмечая появление новых теорий развития современных обществ, в той или иной степени базирующихся на идеях социального партнерства, нельзя не отметить, что в основе многих из них лежат концепты теории социального действия, наиболее детально развитой Т. Парсонсом. Консенсус, равновесие, согласие являются в теории Т. Парсонса важнейшими признаками нормального состояния социальной системы. Именно эти категории являются ключевыми и для социального партнерства как способа охранения общества от социальных конфликтов и потрясений.

Важнейший вклад в понимание природы социального партнерства, особенно как коммуникативного и деятельностного феномена, вносят разработки таких современных исследователей, как П. Бурдье, Э. Гидденс, Н. Луман, Ю. Хабермас и др. Анализ феномена социального партнерства в терминах «коммуникативной рациональности» Ю. Хабермаса, «интерсубъективного дискурса» Э. Гидденса, с позиций теории социальных полей П. Бурдье, общей теории социальных систем Н. Лумана позволяет в определенном смысле расширить представления о социальном партнерстве как интегративном общественном феномене, конституирующем, в известной степени, не только социальные связи и взаимодействия, но и саму социетальную структуру общества.

С конца 80-х гг. XX в. концепция социального партнерства стала активно разрабатываться и в нашей стране. Сначала в качестве механизма решения трудовых споров, а в последние годы — все больше и больше как технология межсекторного взаимодействия, эта концепция стала одной из ведущих тем научных исследований и общественного дискурса.

Но историография проблемы не дает ответа на вопрос о роли социального партнерства в социокультурной динамике. Пожалуй, наиболее близко к данному аспекту проблемы подошли экономист Р. Коуз с его теорией транзакционных затрат и социолог П. Сорокин с его теорией социокультурной динамики. Р. Коуз доказал, что отсутствие эффективного социального взаимодействия между контрагентами связано с ростом дополнительных затрат на согласование, ведение переговоров, улаживание конфликтов, возмещение морального и иного ущерба от неконструктивных действий (так называемая ситуация дефвейт-убытков). Отсюда следовал вывод о том, что социальное партнерство выгодно даже чисто экономически и может иметь стоимостную оценку. П. Сорокин в своей книге «Социальная и культурная динамика» сформулировал идею о флуктуации общественных отношений. Он, в частности ввел в анализ понятия идеациональных и чувственных систем и сформулировал три основные гипотезы о причинности социальных и культурных изменений (экстерналистскую, интерналистскую и синтетическую).

Важно, однако, заметить, что именно П. Сорокин обратил внимание на повторяемость некоторых социокультурных систем. Для системы

социального партнерства эта мысль имеет особое значение, поскольку, в отличие от прогрессистов, считающих, что социальное партнерство должно развиваться исключительно в системе координат прогресса, существует и иное мнение, связанное с представлениями о цикличности и повторяемости феномена социального партнерства в развитии общества. В самом деле, если бы социальное партнерство развивалось везде и всегда исключительно в русле прогресса, то различные социальные потрясения (революции, забастовки, бойкоты и т. п.) со временем оказались бы просто невозможными. В действительности же мы наблюдаем не только учащение этих социальных потрясений, но и углубление их.

«Поскольку практически все социокультурные системы имеют ограниченные возможности изменения своих сущностных форм, системы, продолжающие существовать после того, как исчерпаны их возможные формы, должны иметь повторяющиеся ритмы. Отсюда — неизбежность повторения в процессе жизни подобных систем», — писал П. Сорокин [335, с. 850].

Таким образом, важно отметить такую характерную черту в развитии феномена социального партнерства, как его повторяемость. Она связана с исчерпанием на разных этапах социального развития его функций и возможностей. Однако, с переходом к новому этапу общественного развития обнаруживается некий остаточный эффект, который вновь становится востребованным. Ситуация подобна той, которая сложилась в экономике. Когда-то отвалы рассматривались в качестве отходов, сегодня — в качестве сырья для переработки.

Большое значение в понимании динамики общественного развития имеет вопрос об алгоритме социального партнерства. Иначе говоря, речь идет о его временных рамках. Социальное партнерство можно определить как сложное, полисубъектное, социокультурное явление социальной жизни, обусловленное существованием, деятельностью и взаимодействием исторически конкретных социальных субъектов, обладающих определенными исторически конкретными ценностными ориентациями и исполняющими определенные исторически конкретные социальные роли. В этой связи социокультурный анализ социального партнерства можно осуществлять с использованием модусного подхода, рассматривающего этот феномен под разными уг-

лами зрения, основой для которых будут служить различные наборы его атрибутивных свойств, отражающих ту или иную качественную сторону данного феномена.

Можно вычленить следующие базовые модусы феномена социального партнерства:

- социальное партнерство как отношение;
- социальное партнерство как взаимоотношение
- социальное партнерство как социальное действие;
- социальное партнерство как социальное взаимодействие;
- социальное партнерство как социокультурный феномен.

При этом необходимо учесть конкретные уровни социального партнерства, среди которых:

- личность — общество (в целом);
- личность — государство;
- общество (в целом) — государство;
- личность — социально организованные субъекты;
- социально организованные субъекты — социально организованные субъекты;
- социально организованные субъекты — государство.

Принципиально новым здесь является то, что мы выделяем в системе социального взаимодействия личностный уровень. Поскольку личность есть продукт социальных отношений, отличная от индивида как такового, то ее включение в систему социального партнерства представляется закономерным и даже необходимым.

Если под социально организованным субъектом подразумевать некие локальные социальные образования (совокупности субъектов, объединенных общими нормами поведения и соблюдающих общие «правила игры»), то становится очевидным, что личность, хотя и является результатом социального развития, но не является в буквальном смысле социально *организованной*.

Перемножив пять модусов феномена социального партнерства на шесть социально онтологических уровня, мы получаем тридцать инвариантов (конкретно-исторических форм) данного феномена, которые могут в разной последовательности сменять друг друга и взаимно влиять друг на друга на разных этапах человеческой истории.

Мы уже отмечали, что большинство исследователей трактует социальное партнерство, прежде всего, как особый тип отношений *социальных субъектов*, отношений, основанных на определенных принципах, имеющих определенные цели и опосредованный определенными процедурами. В данном случае для нас ключевым является констатация двух родовых характеристик этого феномена — его субъектная и деятельностная природа. Постулирование дуальности природы социального партнерства позволяет нам выдвинуть тезис о многоуровневости, плюралистичности и социальной пластичности феномена социального партнерства. Это, с одной стороны, способствует духовному развитию личности, поскольку не ограничивает свободу духовных переживаний. Но, с другой стороны, такая безмерная плюралистичность и многоуровневость партнерских взаимоотношений может способствовать и выхолащиванию из их содержания духовности, элиминировать нравственность. Именно здесь возникает проблема различения конформизма и толерантности, смирения и гордыни, честолубия и самолюбия. Система искусственного расширения социального пространства в контексте развития партнерских отношений способствует размыванию плотности, качественности самих духовных оснований человеческого бытия. Вполне логичным выглядит и тезис о том, что социальное партнерство представляет собой структурно-деятельностный феномен, детерминированный социальной структурой и деятельностью субъектов этой структуры. Интегративность социального партнерства в этом плане заключается в том, что данный феномен представляет собой отражение как социальной структуры общества с ее нормативно-ценностными характеристиками, так одновременно и деятельности, формирующей эту структуру.

Как справедливо отмечает С. А. Иванов, указанное обстоятельство обуславливает необходимость использования при анализе социального партнерства интегрированного методологического подхода, синтезирующего «структурный» и «деятельностный» подходы. Следует сразу отметить, что данный подход не является чем-то неожиданным для социологического знания [145].

Традицию синтеза структурного и деятельностного подходов заложил еще Т. Парсонс, который рассматривал социальную систему

как «аналитический аспект, вычлняемый из целостной деятельности участвующих в ней индивидов», «процесс взаимодополнительной деятельности, где каждый удовлетворяет экспектации другого» [285, с. 115]. Обоснование необходимости интеграции «структурного» и «деятельностного» подходов в контексте теории структуризации развил Э. Гидденс. Он, в частности, писал: «Исследовать структуризацию практики, значит объяснять, как структуры формируются благодаря действию и, обратно, как действие оформляется структурно» [343, с. 161].

Интегративный подход в понимании «действия» («взаимодействия») и «структуры» («системы») лежит в основе теории рационального действия Ю. Хабермаса, который различает два типа такого рационального действия: инструментальное и коммуникативное. Эти типы ассоциируются у автора соответственно с «системным» и «жизненным» мирами социума.

Применительно к анализу социального партнерства интеграция «структурного» и «деятельностного» подходов заключается в использовании взаимосвязанного и взаимообусловленного анализа этого феномена как с точки зрения его структуры в виде устойчивых, повторяющихся отношений социальных субъектов, моделей поведения, так и с точки зрения типов социального действия в рамках этих отношений.

Замысел того или иного варианта социального партнерства зависит еще и от возможностей его апробирования в то или иное время. В ходе такого апробирования позиция каждой из сторон может трансформироваться, и основным фактором такой трансформации становится *предполагаемая* линия поведения другой стороны. Иными словами, возникает первичная субъект-объектная связь, при которой объектом выступает поведение, реакция других социальных партнеров, в т. ч. их ответные предложения, аргументы, вопросы или даже угрозы. Это то, что Т. Парсонс называл «экспектацией» социальных субъектов, являющейся ключевым атрибутом социального действия. Главным признаком такого действия выступает его осмысленность каждой стороной социального партнерства, а также его субъектная ориентация, т. е. направленность на другого социального партнера. Можно согласиться с мнением Ю. М. Резника о том, что «субъектная направленность

(ориентация) как конституирующий признак социального действия... включает ориентации двух видов — «ориентацию на другого» и «ориентацию на себя» (самоориентацию)» [307, с. 262]. Но этим, однако, не исчерпывается субъектная направленность социального действия в рамках социального партнерства. Многоуровневость и пластичность социального партнерства позволяют выделить и иные виды социальных ориентаций имманентного ему действия: «я — ты», «я — чужой», «я — свой», «я — мы», «я — они», а не только «я — я» или «я — другой». В разное время более востребованными смогут оказаться самые разные социальные ориентации и действия. А тем самым и сама система социального партнерства в разное время может оказаться по-разному организованной, мотивированной и эффективной. Связь времени и ориентации социального действия многомерная и латеральная. Здесь нет элементарных упрощенных схем, с помощью которых можно было бы разработать некую универсальную и одинаково полезную для всех времен и народов систему социального взаимодействия (социального партнерства). Однако, несмотря на характер отношения социального партнерства, как остроумно подметил М. Бубер, «в *Начале* есть отношение», а «отношение есть взаимность» [54, с. 24, 25].

При такой трактовке отношения в системе социального взаимодействия оно становится взаимоотношением. И тогда ориентация на другого есть ориентация и на себя, и наоборот. Тогда разные инварианты социальной ориентации действия перестают быть чем-то существенным, поскольку совпадают во взаимодействии. Ориентация *на себя* в условиях взаимодействия означает лишь самооценку, самореференцию, инвентаризацию и критическое оценивание собственных целевых установок, норм и пр. Самоориентация социального действия направлена субъектом на самого себя, на собственное внутреннее состояние. Она не создает эффекта партнерства потому, что эгоцентрична по своей природе. Самоориентация социального взаимодействия (для всех) направлена на всех субъектов социального партнерства. При такой детерминации самоориентации она создает эффект партнерства (как у всех). Иначе говоря, в рамках социального партнерства проявляет свое действие золотой закон этики: относись к другому так, как ты хотел, чтобы относились к тебе.

Нам представляется продуктивным (в научном плане) использование для анализа структуры феномена социального партнерства на разных этапах его развития концептуальной схемы социокультурного взаимодействия П. Сорокина. Хотя он и отождествлял понятия «действие» и «взаимодействие» и называл «действие» «односторонним взаимодействием» [336, с. 23], с чем сложно согласиться, однако выделял в системе «действия/взаимодействия» три комплексных элемента. Первый такой элемент — это мыслящие, действующие и реагирующие люди. Второй элемент — это значения, ценности и нормы, благодаря которым осуществляется взаимодействие. Третий элемент — это открытые действия и материальные артефакты, с помощью которых объективируются и социализируются нематериальные значения, ценности и нормы. Адаптируя эту схему П. Сорокина к условиям социального партнерства, мы постулируем следующие атрибутивные компоненты социального партнерства как взаимодействия социальных субъектов:

- собственно социальные субъекты, вступающие во взаимодействие (индивиды, социальные группы, социально-профессиональные группы и пр.);
- межсубъектные связи (взаимосвязи), выступающие отражением культурных образов, интересов и потребностей социальных субъектов;
- контекст (историко-культурный фон) взаимодействия как комплекс условий, механизмов, процедур такого взаимодействия;
- ареал социального взаимодействия (социального партнерства), включающий социально-онтологические уровни и сферы своей актуализации.

Об уровнях мы высказались выше. Обратимся к сферам социального партнерства. Среди них можно выделить мотивационную (интересы), ценностную (нормативно-ценностные системы), эмпативную (перцептивные образы социальных партнеров), смысловую, ролевую и институциональную.

Пространственно-временные характеристики социального партнерства оказываются в зависимости от степени имманентности обозначенных сфер. Так, сужение ареала социального партнерства

на фоне расширения культурно-исторического контекста или укрепление межсубъектных связей (взаимосвязей) при существенном сокращении численности субъектов вполне могут вызвать коллапс системы социального партнерства. И эта проблема до сих пор никак даже не обозначена в современной литературе.

В целом же, как представляется, мы находимся только в начале долгого пути научного осмысления и практического освоения социального партнерства как особого интегративного феномена, результаты которого существенно влияют на саму социальную и культурную динамику, а шире — на всю динамику (политическую, экономическую и т. д.) развития общества.

Глава 2

ОСНОВНЫЕ ВИДЫ СОЦИАЛЬНОГО ПАРТНЕРСТВА В ПРОЦЕССЕ СОЦИАЛЬНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

Конкуренция как социальный и хозяйственный феномен особенно характерна для современной эпохи. В литературе выделяются *три* основных подхода к определению конкуренции: *поведенческой, структурной, функциональной*.

Поведенческая трактовка отражает в большей степени социально-психологический аспект конкуренции. Она берет свое начало с работ А. Смита, который рассматривал конкуренцию как *соперничество* хозяйствующих субъектов, которое нередко принимает форму *борьбы* за деньги покупателя путем удовлетворения его потребностей. Несмотря на то, что А. Смит был философом, именно благодаря ему в науке укоренилось представление о конкуренции как сугубо экономическом феномене.

В дальнейшем поведенческая трактовка совершенствовалась. В неоклассическом варианте (М. Портер) ее связывают с *борьбой* за ограниченные экономические ресурсы [297]. П. Хейне, в свою очередь, считает, что конкуренция «есть стремление как можно лучше удовлетворить критериям доступа к редким благам» [405].

Структурная трактовка конкуренции представляет собой анализ структуры самой деятельности, в которой выделяют производственную, коммерческую, информационную и иные сферы. Эта трактовка описана в работах Ф. Эджуорта, А. Курно, Дж. Робинсона, Э. Чембер-

лена, исследовавших четыре основные типа конкуренции: а) чистую (совершенную), скрытую (монополистическую), ограниченную (олигополистическую) и свободную (неограниченную).

Функциональная трактовка характеризует ту роль, которую конкуренция играет в жизни общества. В связи с этим заметим, что в теории общественного развития Й. А. Шумпетера конкуренция определяется как соперничество старого с новым, традиции и инновации [427]. Ф. Хайек под конкуренцией понимал «процесс, посредством которого люди получают и передают знания (...) благодаря которой скрытое становится явным» [404, с. 177–185]. Следовательно, требуется выделение также *инновационного* аспекта конкуренции как фактора общественного развития, заключающегося в создании условий для конструктивного соперничества между людьми.

На наш взгляд, конкуренция в целом является *поведенческим* феноменом. Будучи поведенческим феноменом, конкуренция имеет свои корни в психике самого человека, в его сознании и культуре. Изменяя свое сознание, психику и культуру, человек способен изменять содержание, характер и способы конкуренции как способа социального взаимодействия. Но возникает вопрос: а является ли конкуренция объективно эффективным способом социального взаимодействия? Если да, то необходимо научно объяснить все те негативные последствия от развития конкуренции в разных сферах жизнедеятельности современного российского общества, свидетелями которых мы сегодня являемся. Если нет, то необходимо научно развенчать известный тезис о том, что конкуренция — это благо (А. Смит).

Тезис о том, что конкуренция может рассматриваться как кислород для экономики, — это, конечно же, метафора. С одной стороны, при определенных условиях конкуренция стимулирует людей к созиданию и развитию, к труду и творчеству. Но она может вызывать и иные действия, толкая человека на разрушение и уничтожение. В условиях ограниченности ресурсов, нехватки жизненных благ человек в большей мере стремится не к их уничтожению, а к их более рациональному перераспределению. Но это — технологический аспект проблемы. А вот в социальном плане ограниченность ресурсов толкает людей на социальную конфронтацию, жесткую борьбу за них. Как тут

не вспомнить о борьбе в животном мире за свое место в пищевых цепочках, о естественном отборе видов (Ч. Дарвин)? Наличие у человека сознания и духовности, казалось бы, должно ориентировать его на развитие только такой конкуренции, которая снижает градус социального напряжения. Но дело в том, что конкуренция, в отличие от планирования человеческой деятельности, осуществляется в условиях стихии, т. е. таких обстоятельств, когда от самого человека мало что зависит. И здесь встает вопрос о соотношении конкуренции и стихии. Попытки превратить конкуренцию в спланированное сотрудничество предпринимались человеком давно. Но и сегодня он все еще далек от реализации этой задачи. Точно так же, как он далек от овладения силой молнии или термоядерным синтезом. Управлять цепной реакцией расщепления атомного ядра ничуть не легче, чем управлять потенциалом самой конкуренции. В одном случае, отрываясь от культуры, духовности и нравственности, конкуренция становится дикой стихией, в которой гибнет сам человек, а не только конкретные хозяйственные артефакты. В другом случае, она, сплетаясь и срастаясь с культурой, духовностью и нравственностью, перерождается в *добросовестную конкуренцию* (П. Б. Струве). Суть такого изменения состоит в том, что изменяются сами отношения между людьми, в которых сугубо хозяйственные мотивы оказываются не доминирующими, а подчиненными духовно-нравственным критериям. Когда же дело обстоит наоборот, то обычные человеческие страсти и комплексы (стремление к власти, жажда денег, товарный фетишизм и др.) гипертрофируются. Именно так возникает феномен монополии. Такой феномен установления абсолютной власти в политике (политическая монополия), технике (технологическая монополия), экономике (хозяйственная монополия) и т. д. весьма распространен в современном обществе. Поэтому понятны рассуждения К. Маркса о том, что «в практической жизни мы находим не только конкуренцию, монополию, их антагонизм, но также и их синтез, который есть не формула, а движение. Монополия производит конкуренцию, конкуренция производит монополию (...) Синтез заключается в том, что монополия может держаться лишь благодаря тому, что она постоянно вступает в конкурентную борьбу» [232, Т. 4, с. 166]. Аналогично о диалектике конкуренции и монопо-

лии рассуждал и Ф. Энгельс: «Конкуренция покоится на интересе, а интерес снова создает монополию; короче говоря, конкуренция переходит в монополию. С другой стороны, монополия не может остановить поток конкуренции; больше того, она сама порождает конкуренцию» [232, Т. 4, с. 559–560].

Чтобы снять остроту проблемы, некоторые исследователи утверждают, что монополизма в его «чистом виде» будто бы не бывает. Равно как не бывает в «чистом» виде и конкуренции. Под термином «*в чистом виде*» подразумеваются *полная* монополизация в политике, экономике, культуре или иной сфере человеческой жизнедеятельности, когда власть одного (физического или юридического) лица становится на определенный срок абсолютной, а свободная конкуренция исчезает. Справедливо следующее суждение: «В. И. Ленин не прибегал к категории «чистая монополия», весьма распространенной в специальных трудах. По В. И. Ленину, монополия не могла быть «чистой» ни при каких обстоятельствах. В. И. Лениным делался верный вывод о том, что преодоление свободной конкуренции не означает устранения конкуренции вообще» [321, с. 23].

Противоречие между конкуренцией и монополизмом на самом деле видимое, условное, формальное. Не случайно Ф. Энгельс писал: «Противоречие конкуренции состоит в том, что *каждый* должен желать для себя монополии, тогда как *все общество как таковое* (выделено нами — *авт.*) должно терять от монополии и потому должно ее устранить» [232, Т. 4, с. 560]. А раз так, то рассуждения либерально-ориентированных исследователей о том, что конкуренция — всегда благо и ее необходимо поощрять — это глубокое заблуждение, основанное не на *сущности* явления, а лишь на его *видимости*.

Сегодня в российском обществе постепенно происходит осознание того, что «стратегии выживания не являются продуктом индивидуальных решений, принимаемых независимыми индивидами, и тем более не сводятся к эгоистическому интересу отдельного человека. Они тесно связаны с моральными нормами данного сообщества» [302, с. 338].

В связи с этим необходимо сделать следующее заключение: общая теория конкуренции в современной мировой и российской науке находится еще только в стадии формирования, а ее сведение к сугубо хозяй-

ственной феноменологии в корне не верно. Такая сугубо хозяйственная феноменология конкуренции осуществляется в основном в англосаксонском мире. Именно «на Западе идет изощренный процесс медленного выщелачивания свободы, правового государства, парламентского правительства, сферы личности и идет он с помощью бюрократического произвола, «исполнительского государства», распорядительного права (вместо законодательных норм), коварного уничтожения личности, массовизации и деперсонификации. На Западе, в отличие от Востока, мы имеем дело с ползучим, вероломным процессом, который протекает медленно с обманчивыми актами успокоения и пересмотра» [309, с. 169].

В действительности, развитие общества исторически осуществляется на основе углубляющегося процесса общественного разделения труда. Этот процесс носит *объективный* характер и обусловлен *эндогенными* (внутренними) и *экзогенными* (внешними) факторами: ростом численности народонаселения, развитием самого человека как социального и духовного существа, изменениями природно-климатического, геополитического и иного характера.

Процесс общественного разделения труда не всегда носит линейный характер. В рамках этого процесса можно обнаружить как фазы стихийного развития, так и этапы плановости, как конструктивные, так и деструктивные тенденции. Диалектика общественного разделения труда достаточно сложна и все еще слабо изучена специалистами. Этим объясняются многие деформации в развитии всей системы социального взаимодействия в обществе.

Вместе с тем результатами процесса общественного разделения труда являются: с одной стороны, развитие и углубление специализации, рост производительности труда, совершенствование качества всей человеческой деятельности; с другой стороны, развитие кооперации, интеграции, диверсификации и информатизации, которые способствуют преодолению тех негативных последствий специализации (монополизм, социальные конфликты, диспропорции и т. д.), которые «имеют место быть». Будучи двумя сторонами диалектического единства, специализация и интеграция, специализация и кооперация выражают две основные тенденции в социальном развитии и самой че-

ловеческой личности: *тенденцию к объединению труда и тенденцию к его разобщению*. Обе стороны углубляющегося процесса общественного разделения труда тесно взаимосвязаны между собой и *на поверхности общественной жизни могут* выступать как отношения состязательности, соперничества, конкуренции. Поскольку именно труд является «родовой сущностью человека» (К. Маркс), то от характера труда зависит и характер самой человеческой личности. В одном случае это будет личность солидаристская, коллективистская, «соборная», ориентированная на общественный труд и общественную пользу, в которой находит свое органичное место и индивидуальный (личный) интерес. В другом случае, когда личность ориентирована *только* на индивидуальный труд, на разобщение труда, она будет эгоцентричной, будет стремиться удовлетворить свой интерес не совместно с другими, а за счет других или даже вопреки другим. Именно это мы и обнаруживаем в условиях распространения социальной конкуренции.

Вместе с тем конкуренция «связывает» два полюса общественного разделения труда, выражая в себе их диалектическое единство, и заставляет конкретных субъектов активизировать свои усилия, добиваясь осуществления своих индивидуальных целей при возможно наименьших материальных и социальных издержках наилучшим для себя способом. Известная формула А. Смита о конкуренции как руке божественного Провидения гласит о том, что именно конкуренция заставляет субъектов деятельности экономить ресурсы и время, рационально строить свое поведение. Однако, механизм и сам характер такого «рационального» могут быть принципиально различными. В одном случае мы можем обнаружить консенсус интересов, координацию и сочетание, согласование и гармонию; в другом случае — нарастание конфликтов, противоречий, разногласий и противостояния субъектов социальной практики.

Это происходит потому, что, в одном случае, мотивами человеческой деятельности являются только меркантильные соображения (прибыль, доход, выгода, польза, власть, статус и т. д.). Тогда как в другом случае такими мотивами выступают нравственно-этические критерии (честь, достоинство, авторитет, доверие, уважение, признание и т. д.).

Известно, что социальные взаимоотношения могут быть как справедливыми, так и несправедливыми, как социально ответственными, так и безответственными. Еще Аристотель различал систему справедливых социальных взаимоотношений между людьми (*экономику*) и систему несправедливых отношений (*хрематистику*). Позже, в христианской традиции идея социальной справедливости как основы социального взаимодействия также нашла свое отражение. В Св. Писании была закреплена норма: «Если будешь что продавать ближнему твоему, или будешь покупать что у ближнего твоего, не обижайте друг друга» (Лев. 25:14). Со временем, уже в эпоху средневековья идея социальной справедливости нашла свое отражение в сочинениях Августина и Фомы Аквинского. Фома Аквинский, например, сформулировал концепцию справедливого обмена результатами хозяйственной деятельности. Рассматривая мотивы конкуренции, он полагал, что наряду с принципом эквивалентного обмена необходимо руководствоваться и принципом взаимной выгоды, что позволит привести в соответствие интересы участников сделки. Богослов различал два «вида» справедливости: общую и частную. Общая справедливость состояла в уважении и соблюдении интересов всех и каждого. Частная справедливость заключалась в соответствии вознаграждения труду конкретного человека.

На Руси представления о социальной конкуренции развивались почти аналогично, но все же с некоторыми отличиями. Лидер *нестяжателей* Нил Сорский еще более конкретно, чем Аквинат, выступал против наживы и требовал «мену делати» по «трудам праведным». При этом Нил Сорский не допускал никакой другой справедливости, кроме «*праведной*», т. е. основанной на правдивости (достоверности).

Однако, современные исследователи считают извлечение любой выгоды делом вполне нормальным [405, с. 282]. А это, на наш взгляд, само по себе уже не нормально. И тут можно привести суждения известного американского ученого и священника П. Хейне о самой конкуренции: «У конкуренции больше форм, чем мы можем себе перечислить и, обычно больше форм, чем могут предусмотреть и *предотвратить* (выделено нами — *авт.*) конкуренты» [402, с. 298]. Это важное обстоятельство, если учесть, что некоторые американские ученые (М. Портер, М. Фридман, Т. Парсонс и др.) претендуют на то, что им

будто бы удалось «перечислить» и даже «технологически освоить» все существующие формы конкуренции. Такие суждения обусловлены технологическим детерминизмом, который составляет основу многих американских социальных и институциональных идей. Но интересно то, что до сих пор американские исследователи слабо представляют себе *сущность* конкуренции как таковой. Тот же П. Хейне, например, пишет: «Конкуренция — это процесс, в котором участвуют конкуренты. [405, с. 298]. Однако конкуренты могут участвовать и в иных процессах, например, совместно проводить досуг. Но это совместное проведение досуга вовсе не означает, что в данный момент времени осуществляется какая-то конкуренция.

Традиция сводить сущность конкуренции к максимизации выгоды, пользы, прибыли или увеличению доли фирмы на рынке — в духе американских институционалистов и монетаристов. Несколько иной подход мы можем обнаружить в европейской науке. Признавая исходный постулат о том, что «ни один человек не знает заранее, как он будет действовать в условиях конкуренции», Нобелевский лауреат Фридрих фон Хайек видит сущность конкуренции в инноватике, в создании и использовании новых знаний: «Конкуренция — процесс, посредством которого люди получают и передают знания» [403, с. 50]. В наш информационный век такое понимание *сущности* конкуренции широко распространено. Это тем более интересно, если учесть, что Ф. Хайек особое значение в совершенствовании «конкурентного порядка» придавал моральному фактору. В своей знаменитой речи, произнесенной в Гуверовском институте (США) 1 ноября 1983 г., он, в частности, утверждал: «Итак, основное содержание моей лекции — продемонстрировать, что рационализм может быть ошибочным и что традиционная мораль может в некоторых отношениях обеспечить более верное руководство для человеческих действий, чем рациональное знание» [404, с. 185]. Если отталкиваться от данного Ф. Хайеком толкования конкуренции как производства и распространения именно рациональных знаний, то вывод об ограниченности значения конкуренции для развития хозяйственной практики напрашивается сам собой. Ничуть не умаляя этого значения, Ф. Хайек особо подчеркивал, что «само понятие морали, служащей человеческому удовольствию, — ложно.

По своей природе мораль — традиционное ограничение на стремление к человеческим удовольствиям» [404, с. 184]. А значит, конкуренция традиционно связана с самоограничением, накладываемым человеком на свои стремления к удовольствию, к удовлетворению своих потребностей.

И все-таки до сих пор понятие конкуренции остается одним из наименее осмысленных, особенно среди социологов и экономистов. В связи с этим можно привести слова Нобелевского лауреата Дж. Дж. Стиглера: «Ни одно понятие в экономике — ни в какой другой области — никогда не удастся определить настолько четко, чтобы его смысл оставался ясен в любых обстоятельствах. И, конечно, такое широко употребляемое слово, как «конкуренция», еще меньше защищено ограничениями и уточнениями от возможности разных толкований» [348, с. 299]. Рассматривая эволюцию понятия *совершенная конкуренция*, Дж. Дж. Стиглер отталкивается в своих рассуждениях о сущности конкуренции от пяти условий конкуренции, определенных еще А. Смитом:

- конкуренты должны действовать независимо, а не в сговоре;
- число конкурентов, потенциальных или уже имеющих, должно быть достаточным;
- конкуренты должны обладать приемлемыми знаниями и возможностями;
- необходима свобода от социальных ограничений;
- нужно достаточно времени для того, чтобы конкретное направление деятельности стало желательным для их субъектов [348, с. 301].

В результате, Дж. Стиглиц пишет: «Если бы мы были вольны дать в наше время новое определение конкуренции, можно было бы обосновать необходимость сужения этого понятия до термина, обозначающего отсутствие монопольной власти... Это важная концепция, которая заслуживает названия, и подходящим было бы слово «конкуренция» [348, с. 324]. Но Дж. Стиглер признает, что было бы тщетно предлагать употреблять термин «конкуренция» именно в таком узком смысле слова и предлагает использовать термин «*рыночная конкуренция*». Дело в том, что, как признает Дж. Стиглер, экономисты традиционно заиклены на понимании конкуренции как борьбе за рынок.

Если обратиться к исходным условиям конкуренции, то становится очевидна аморфность в их интерпретации. Что означают, например, термины «достаточно», «приемлемо», «желательно»? Это так называемые «нечеткие множества», которые подразумевают возможность разного толкования. Но в таком случае выработка общих унифицированных представлений о сущности конкуренции как способе социального взаимодействия становится проблематичной. Если учесть, что в каждом конкретном случае личность руководствуется своими представлениями о нравственности и этике, то проблема вообще становится неразрешимой.

Выходом из такой ситуации, на наш взгляд, может служить использование теории нечетких множеств — современного математического аппарата, позволяющего формально описывать (формализовать) нечеткие понятия, с целью их последующего учета и использования на практике.

Нечетким множеством A , заданным на универсальном множестве X , называется совокупность пар вида $(X_i, \mu(X_i))$, где $x \in X$, а функция $x \rightarrow \mu [0;1]$, которая называется функцией принадлежности множества A . Значение $\mu A(X)$ для конкретного x называется степенью принадлежности этого элемента к нечеткому множеству A (рис. 1а). Обычные множества составляют подкласс нечетких множеств. Действительно, функцией принадлежности обычного множества $B \in X$ является его характеристическая функция $\mu_B(x)$ (рис. 1б).

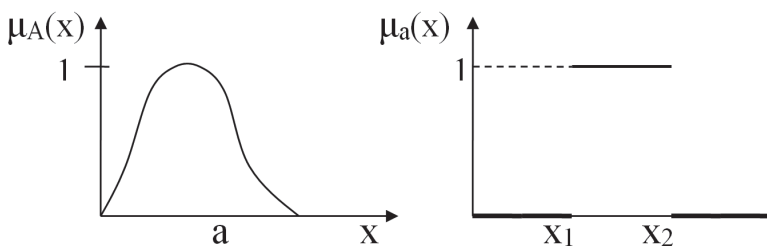

Рис. 1. а, б. Функции принадлежности

Для корректного описания такого понятия, как конкуренция, необходимо построение функции принадлежности. Можно предложить

определенный алгоритм построения функции принадлежности для нечетких понятий (на примере понятий «конкуренция», «свободная конкуренция», «совершенная конкуренция» и т. д.), суть которого заключается в выделении некоторых *общих* составляющих данных нечетких понятий из множества существующих их толкований.

Допустим, что для нечетких понятий, включающих термин «конкуренция», будет характерно наличие таких неопределенных признаков, как 1) норма; 2) традиция; 3) ценность; 4) убеждение; 5) поведение; 6) совокупность (например, норм или традиций); 7) установка; 8) особенность. Тогда исходные понятия будут представлены в виде совокупности исходных (наиболее общих) параметров.

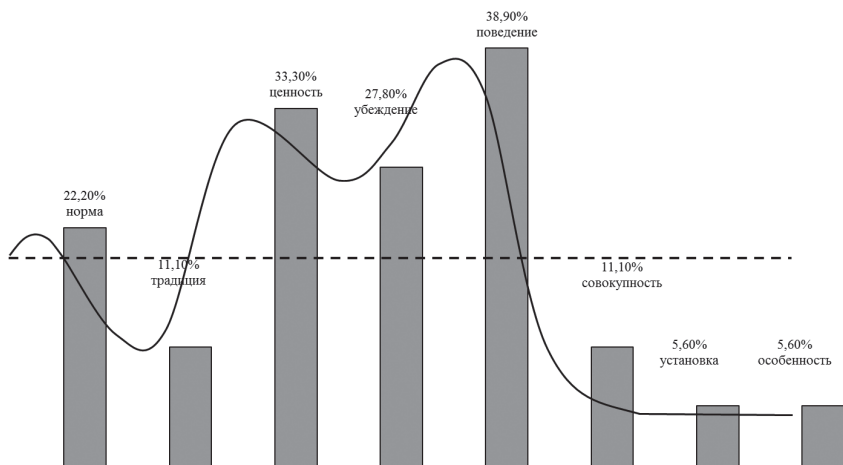

Рис. 2. Алгоритм функции принадлежности для нечетких множеств

Процесс конкретизации нечетких множеств может продолжаться до тех пор, пока рассматриваемые составляющие того или иного нечеткого понятия не будут измерены тем или иным способом. Кроме того, необходимо учесть и частоту использования конкретных параметров при определении нечеткого понятия. На приведенном выше графике функция принадлежности дана при декомпозиции данного понятия на первом (наиболее общем) уровне. Можно заметить, какие

и с каким значением составляющие функции принадлежности могут быть включены в некое «эталонное» определение понятия «конкуренция». Например, мы можем согласиться с тезисом о том, что конкуренция — это поведенческий феномен (поведение характеризует любые проявления конкуренции). Кроме того, можно признать, что конкуренция не всегда является ценностью. Например, в условиях недобросовестной конкуренции рассуждать о ценностном мышлении вне сове-стливого акта становится просто бессмысленным.

Очевидно, что каждый из составляющих конкретное понятие параметров сам является в свою очередь *нечетким множеством*, с присущей ему собственной функцией принадлежности. Тем самым общее понятие конкуренции будет представлять собой суперпозицию функций принадлежности каждой из составляющих, которая описывается своей функцией принадлежности. Это позволяет *формализовать* представление о каждом из приведенных понятий в общем виде функции принадлежности данного конкретного понятия, используя в качестве коэффициента значимости индекс нечеткости составляющего множества.

Математический расчет в данном случае может быть следующим. Пусть на k -ом уровне декомпозиции исходного понятия получена измеряемая величина (в смысле нечетких множеств), т. е. методика ее измерения известна и описывается она в итоге некоей функцией принадлежности:

$$A_k = \{x_{ki} \mid \mu_{A_k}(x_{ki})\}. \quad (1)$$

Каждой такой величине можно поставить в соответствие индекс нечеткости:

$$v(A_k) = n^2 * d(A_k, \bar{A}_k), \quad (2)$$

где $d(A_k, \bar{A}_k)$ — *хеммингова мера* (расстояние) между двумя множествами.

$$\begin{aligned} & n \\ & d(A_k, \bar{A}_k) = \sum_{i=1}^n |\mu_{A_k}(x_i) - \mu_{\bar{A}_k}(x_i)|; \end{aligned} \quad (3)$$

Осталось пояснить, что означает символ $\neg A_k$. Действительно, $\neg A_k$ — это обычное множество, ближайшее к нечеткому множеству A_k . Его функция принадлежности примет следующий вид:

$$\begin{aligned} &0, \text{ если } \mu_{A_k}(x_i) < 0,5 \\ &\mu_{\neg A_k}(x_i) = 1, \text{ если } \mu_{A_k}(x_i) > 0,5 \\ &0 \text{ или } 1, \text{ если } \mu_{A_k}(x_i) = 0,5 \end{aligned} \quad (4)$$

Нетрудно заметить, что, применяя такой алгоритм, можно от совокупности нечетких множеств k -ого уровня перейти к совокупности нечетких множеств $k - 1$ уровня. При этом справедлива рекуррентная формула:

$$\mu_{A_{k-1}}(x_i) \vee \mu_{A_k}(x_i). \quad (5)$$

Продолжая этот процесс до первого уровня, получим функцию принадлежности исходного понятия, т. е. «конкуренции».

Приведенная выше формула позволяет, не меняя структуры составляющих, переходить от уровня к уровню, получая функции принадлежности промежуточных составляющих. Совершенно ясно, что полученный алгоритм универсален и может быть применен для любого аналогичного нечеткого множества, например, для оценки таких форм социального взаимодействия, как кооперация (сотрудничество), солидарность, партнерство и т. д. Если учесть, что любое из этих понятий представляет собой именно нечеткое множество, т. е. совокупность определенных параметров и характеристик, каждое(ая) из которых имеет условное определение, то предложенный нами метод их определения посредством построения функции принадлежности можно считать достаточно эффективным. Он позволяет адекватно формализовать каждое понятие и тем самым создать предварительные условия для дальнейшего их использования.

Сегодня имеется более «определенное» толкование конкуренции. Как определяют этот термин многие словари, конкуренция представляет собой «постоянно действующий механизм свободной состязательности, или соперничества». Это определение не корректно с науч-

ной точки зрения по двум причинам. *Во-первых*, конкуренция отнюдь не всегда является синонимом свободной состязательности; *во-вторых*, она далеко не идентична постоянно действующему механизму; *в-третьих*, состязательность и соперничество отнюдь не являются синонимами, как может показаться на первый взгляд. Э. Чемберлин, работавший в 20-е годы XX в. теорию монополистической конкуренции, убедительно доказал, что конкуренция может осуществляться и в условиях несвободы и не постоянно (дискретно). Он выделил конкретные факторы, оказывающие *разнонаправленное* влияние на конкурентное поведение людей [409, с. 15].

Сопоставляя эти факторы, Э. Чемберлин полагал, что «чистая конкуренция» (в терминологии современных авторов — *свободная конкуренция*) представляет собой совокупность действий, в которой «переплетаются конкурентные и монополистические факторы» [409, с. 29–37]. Тем самым, Э. Чемберлин, пытаясь развести понятия «чистая конкуренция» и «совершенная конкуренция», все-таки признал, что конкуренции в ее чистом (свободном) варианте просто никогда и нигде не существовало. Следовательно, это понятие — фикция, ложный образ (утопия). Он, в частности, писал о том, что традиционная теория конкуренции «не годится потому, что конкуренция ... является неполной и крайне неравномерной» [409, с. 324]. Как говорится, в теории нет разницы между теорией и практикой, а на практике она есть. Но тотальное мнение, господствующее сегодня в науке, гласит о том, что конкуренция — это не просто фундаментальное благо, присущее демократическому обществу и свободной личности, но и *высшая ценность*. Такой сциентизм, когда ценности конъюнктурного порядка «записываются» в категорию высших (абсолютных) ценностей бытия, — теоретико-методологическая ошибка.

Сегодня общепризнанным является то, что в процессе конкуренции субъектами социальной практики ведется *борьба* за наиболее выгодные условия и сферы деятельности. Это касается не только бизнеса или политики, но также культуры и образования. Современная конкуренция превращает потребителя в мерило эффективности предпринимательских усилий. Например, все чаще раздаются предложения, чтобы критериями оценки качества образования выступали сами ра-

ботодатели. Но в таком случае утрачивается объективный характер в понимании конкуренции как научной категории. Ведь работодателю по большому счету нужны узкие специалисты, а не люди, обладающие фундаментальными и разносторонними знаниями. И здесь создание конкурентной среды, ее защита от монополистических тенденций выступают условием перехода от цивилизованного общества к обществу подлинно культурному. Однако, следует иметь в виду и тот факт, что конкурентное поведение — это лишь одна из многих характеристик поведения современного человека в целом. И гипертрофировать ее значение не следует.

Идеально мыслимая конкуренция, которую часто называют то *свободной* (А. Смит), то *чистой* (Э. Чемберлин), то *совершенной* (Д. Робинсон), то подлинно *рыночной* (Дж. Стиглер), возможна, как утверждает большинство исследователей, лишь в условиях, когда число покупателей и продавцов велико (достаточно), когда объем закупок составляет незначительную долю от общего объема данной конкретной продукции, когда, наконец, покупатели и продавцы имеют одинаковые возможности выбора. Противоположная ситуация называется монополизмом.

При внимательном анализе всех этих условий становится очевидным, что такая конкуренция никогда в истории человечества не существовала и существовать в принципе не может. Идеал на то и идеал, что он отражает некий мыслимый (желаемый) образ, который недосяжим на практике. В противном случае, этот образ не называли бы идеалом. Точно также происходит и с понятием «конкуренция». Пытаясь свести его сущность к некоему идеалу, исследователи порой строят социальные утопии, выдавая их за научно обоснованные модели, которые затем предлагают реализовать на практике. Но представим себе на миг, что конкуренция не регулируется ни духовными основаниями (высшими ценностями человеческого бытия), ни нормами права и морали, ни традицией. Будет ли такая конкуренция конкуренцией? Будет ли она свободной? А тем более совершенной и чистой? Нет, конечно. При такой ситуации конкуренция превратится в борьбу без правил, в тотальную вражду всех со всеми. Результатом такой «свободной» конкуренции станет не развитие социального взаимодействия, а его кол-

лапс, некие *дебри* (Дж. К. Гелбрэйт), в которых утрачивается даже элементарный здравый смысл.

Отказ некоторых исследователей от разработки общего (сущностного) определения «конкуренции» и замена такого определения сугубо частными понятиями (*чистой, свободной, или совершенной конкуренции*) — это *редукционизм*, т. е. сведение общего понятия к частному, сложного явления — к более простому, сущности явления к его форме. На этой теоретико-методологической основе добиться подлинно научного и объективно верного понимания сущности конкуренции как одного из способов социального взаимодействия нельзя. А, следовательно, нельзя дать и взвешенной ее оценки.

Тот факт, что даже в ситуации, когда люди имеют «равные возможности для осуществления выбора», конкуренция, оказывается, принимает порой извращенные, криминальные формы, говорит сам за себя. От возможностей, до реальной действительности — дистанция огромного размера. Эту дистанцию на протяжении трехсот последних лет пыталась осмыслить мировая и отечественная наука. Точкой отчета в научной разработке понятия «конкуренция» можно, пожалуй, считать формулирование А. Смитом знаменитой концепции «невидимой руки». Суть этой концепции состояла в том, что, по мнению английского экономиста, на рынке действует «невидимая рука» Божественного провидения, которая как раз и регулирует взаимоотношения между людьми, обращая их эгоизм, стяжательство и другие пороки в добродетели. Рассуждая о человеческой склонности к обмену, А. Смит в своем сочинении «Исследование о природе и причинах богатства народов» (1776 г.) писал, что человек «может достичь своих целей, если он обратится к эгоизму других людей и сумеет показать им, что в их собственных интересах сделать для него то, что он требует от них» [329, с. 91]. И далее следовал знаменитый фрагмент, цитируемый, пожалуй, чаще всех других положений книги А. Смита: «Дай мне то, что мне нужно, и ты получишь то, что нужно тебе — таков смысл всякого предложения. Именно таким путем мы получаем друг от друга значительно большую часть услуг, в которых нуждаемся. Не от благожелательности мясника, пивовара или булочника ожидаем мы получить свой обед, а от соблюдения ими своих собственных интересов. Мы обращаемся

не к их гуманности, а к их эгоизму, и никогда не говорим о наших нуждах, а об их выгодах» [329, с. 91].

С тех пор и повелось в науке: голый рационализм заступил место нравственности. Гедонизм отверг нравственность в сфере хозяйственной деятельности людей на том лишь основании, что исследователи слепо уверовали в постулат А. Смита. Но при этом было предано забвению, что А. Смит жил в условиях пуританского общества, в котором роль социального и нравственного регулятора выполняла религия. Общеизвестные христианские заповеди в Англии XVIII в. были своеобразными духовно-социальными регуляторами, нормами поведения. Иное дело — сегодня. В современном атеистическом (секуляризованном) обществе эти моральные нормы и нравственные регуляторы оказались существенно девальвированы и деформированы. Распушенность (сексуальная революция, нетрадиционные ориентации, наркомания и токсикомания, массовый конформизм и стяжательство и проч.) подобно раковой опухоли разъедают современное (и уже не только западное) «одномерное общество» (Г. Маркузе), вся жизнь которого строится на потребительской психологии и товарном фетишизме. Копируя это общественное устройство у себя, наше общество попросту заражается уже известными болезнями. В том числе и в хозяйственной сфере своего бытия.

Кроме того, почему-то забывается и такой факт: формулируя свою концепцию конкуренции, А. Смит, который был, прежде всего, философом, первую свою книгу посвятил анализу нравственности в поведении людей. В своей книге «Теория нравственных чувств» (1759 г.) он предупреждал человека против самообольщения (богатством, деньгами, роскошью) и пороков (накопительства, стяжательства, мздоимства и т. п.). Призывая людей к доброжелательности и добродетельности, автор утверждал, что свойство добродетели — служить поддержанию общества, тогда как свойство порока — нарушать порядок.

Эти два обстоятельства — высокая степень религиозной нравственности английского общества и особое внимание к морали как социальному регулятору человеческого поведения — оправдывают несколько прямолинейное и саркастическое рассуждение А. Смита о том, что для удовлетворения своих потребностей человек может обращать-

ся не к добродетели другого человека, а к его эгоизму. В современной ситуации такая трактовка конкуренции была бы архаичной.

Издавая свой главный труд, А. Смит верил, что именно конкуренция, регулируемая невидимой рукой Божественного проведения, превращает зло в добро, эгоизм — в альтруизм, ложь — в правду. Если вспомнить контекст той эпохи, то правомерность выводов шотландского философа обусловлена именно духовной детерминацией конкурентного поведения личности. Именно эта духовная детерминация и позволяет рассматривать конкуренцию как способ социального взаимодействия, основанный на духовной социализации людей, признании ими высших (пускай и религиозно оформленных) ценностей как фундаментальных установок собственной деятельности.

По мнению большинства последователей А. Смита, в случае с идеальной (*совершенной*) конкуренцией должно было бы происходить так, как предполагал А. Смит. Сам термин «*совершенная конкуренция*» А. Смитом был употреблен как свидетельство совершенства всего того, что *исходит* от Бога. Ведь сказано же в Св. Писании: «Будьте совершенны, как Отец ваш небесный». Но ни Бога в душе, ни *воли к совершенству* (И. А. Ильин) у многих современных людей уже нет. В XX в. общество оказалось «развращенным цивилизацией» (А. Тойнби). В этой ситуации сохранение *свободной* конкуренции стало превращать ее из блага в порок, из стимула — в тормоз, из созидательного фактора развития — в разрушительный фактор. Сегодня необходимы огромные усилия для того, чтобы переосмыслить значимость конкуренции, ее подлинную сущность.

Но если говорить в целом, то разработка общей теории конкуренции оказалась перед дилеммой: признавать ли существование при монополизме *совершенной* конкуренции или, отрицая ее, согласиться с тем, что с наступлением монополизма сама конкуренция стала также *монополистической*, а значит, по определению, несовершенной. Признание того простого факта, что в условиях монополизированной экономики конкуренция становится несовершенной (т. е. утрачивает свою качественную определенность блага), происходило с большим трудом. Причиной тому были возникшие у ряда исследователей представления о возможности *частичного равновесия интересов*. Логи-

ка сторонников совершенной конкуренции в условиях политической и хозяйственной власти была в общем-то простой: хотя монополизация и охватывает разные сферы жизнедеятельности человека, но далеко не все пространство этих сфер. В отдельных сферах будто бы все еще сохраняются необходимые условия для существования совершенной конкуренции. При этом игнорируется то влияние, которое через социокультурные коммуникации монополизм оказывает на эти «островки» былого «совершенства».

Со временем научные дискуссии переместились еще дальше от определения сущности конкуренции. Так, Й.А. Шумпетер вступил в заочный спор с Дж. Робинсон: первый искренне верил, что не все монополии плохие и «ведут к загниванию», а, следовательно, не всякая монополистическая конкуренция может считаться несовершенной; вторая полагала, что если уж не всякая монополия плоха, то любая монополистическая конкуренция — не совершенна. Но эта дискуссия так и не приблизила исследователей к пониманию *сущности* конкуренции как способа социального взаимодействия. Больше того, она лишь отдала исследователей от анализа роли и места духовности в ней, духовной социализации личности в развитии эффективного социального взаимодействия.

Из большинства современных определений видно, что представления ученых о *сущности* конкуренции как таковой крайне расплывчаты и сведены к конкретным частным признакам, в соответствии с которыми конкуренция осуществляется. Если обратиться к современной теории монополистической конкуренции, то можно констатировать следующее. Главным ее недостатком является внимание исследователей к самим монополиям, а не к тем социальным отношениям, которые складывались между людьми в условиях монополизма. Иными словами, исследователи стали увлекаться анализом внутренней структуры и организации монополии, оставив на периферии анализа те духовно-нравственные факторы, которые регламентировали саму конкуренцию как способ социального взаимодействия между людьми.

В первые десятилетия XX в. такой подход был еще как-то оправдан. Нужно было, чтобы корпорации (монополии) «созрели», накопили определенный опыт конкурирования в новых условиях для того, что-

бы экономисты этот опыт обобщили, взяли в качестве самостоятельного объекта системного (а не релятивистского) анализа. И, тем не менее, следует подчеркнуть, что теория монополистической конкуренции, представленная в сочинениях Э. Чемберлина, Дж. Робинсон, Д. М. Кларка, В. Фельнера, Н. Калдора, Ф. Махлупа, П. Сраффа, В. Сичела, Дж. Стиглица и др., была во многом *умозрительной*. Даже разработанная ими концепция «взаимной коррекции» (термин, использовавшийся еще А. Курно) или, как иногда ее называют, концепция *эффективной конкуренции*, оставалась достаточно аморфной, и философски не зрелой. Суть данной концепции состояла в признании необходимости государственного антимонопольного регулирования конкурентных отношений. Но ведь с развитием монополий изменялось (и часто отнюдь не в лучшую сторону) само государство. Родоначальники этой концепции Й. Шумпетер, Дж. М. Кларк и А. Каплан, высказываясь за необходимость государственного регулирования конкуренции, косвенно признали несовершенный характер монополистической конкуренции в частности, а конкуренции в условиях монополизма в целом. Но вот о природе современного коррумпированного государства, стоящего на службе у таких монополий, авторы ничего не сказали. Наоборот, они пытались рассматривать государство как некоего нейтрального арбитра. Особое место в концепции «эффективной конкуренции» играла их идея арбитражирования, когда государство берет на себя функции третьей стороны в решении возникающих между участниками конкуренции споров и конфликтов. Авторам концепции казалось, что достаточно выработать продуманные «правила игры», механизм «антимонопольного регулирования», «корпоративные кодексы» и иные нормы (*институты* в терминологии Г. Норта), как весь негатив *монополистической конкуренции* будет «снят». Правительство, по мнению современных исследователей, имеет самые широкие полномочия и возможности для того, чтобы регулировать систему социальных отношений так, чтобы поощрять конкуренцию и, когда это необходимо, поддерживать монополии.

В 70-е гг. XX в. появилась очередная версия теории монополистической конкуренции — концепция «*работоспособной конкуренции*» (М. Брэдли, У. Гарднер и др.), суть которой состояла в том, что конку-

рениция представлялась как нечто такое, что в любой ситуации «само воспроизводит себя самостоятельно». Этот принцип получил в дальнейшем название *принципа креативности*, который стал рассматриваться исследователями проблематики конкуренции в качестве мощного стимула для социального развития, в том числе и для социализации личности. Но вопрос о *сущности* конкуренции так и остался нерешенным.

В общем и целом, можно констатировать, что на сегодняшний день сложилось несколько основных теоретико-методологических подходов к интерпретации *сущности* конкуренции. Среди них можно выделить: 1) англосаксонскую модель конкуренции; 2) евроконтинентальную модель конкуренции; 3) российскую модель конкуренции; 4) восточную модель конкуренции [186, с. 28–29].

Для англосаксонской модели характерно отождествление понятия *конкуренция* с *борьбой* ее участников. Эта версия берет свое начало с идей Ч. Дарвина о естественном отборе и борьбе видов за выживание, за свое место в пищевых цепочках. Сама идея борьбы видов была подсказана Ч. Дарвину его другом Т. Мальтусом, который вывел данную идею из своих знаменитых прогрессий. Пытаясь доказать, что народонаселение увеличивается в геометрической прогрессии, а производство жизненных средств — в арифметической, Т. Мальтус, как известно, доказывал тезис о нарастании напряжения в борьбе за выживание применительно к человеческому сообществу. Дарвинская теория эволюции видов основана на той же идее, но только применительно к животному и растительному миру. Следует иметь в виду, что в животном и растительном мире основой развития организмов являются рефлексы, т. е. бессознательные реакции организмов на изменения в окружающей среде. Что же касается человеческого сообщества, то в основе его развития лежат осознанные действия и поступки. Поэтому уподоблять человека инфузории, а человечество — муравейнику или рыбному косяку было бы наивно. Но именно это и происходит с последователями «*борцовской*» интерпретации *сущности* конкуренции, которые переводят законы развития животного мира в сферу человеческой деятельности. Борьба за выживание в животном мире, как известно, не предусматривает справедливости и элементарной

гуманности. Ей чужды понятия и нормы этики, нравственности, культуры, права. В борьбе, как известно, все средства хороши. В ней побеждает сильнейший; смерть слабому. А поскольку слабыми оказываются не только отдельные категории граждан (дети, старики, инвалиды и т. д.), но и целые этносы (малочисленные народы; аборигены, отставшие в своем развитии от передовых наций, и т. д.), то «борцовский» подход к пониманию *сущности* конкуренции заранее оправдывает насилие, эксплуатацию, колонизацию, аннексию и т. д. Вряд ли такой «теоретико-методологический» подход к сущности конкуренции, который до сих пор присутствует в англоязычной экономической литературе, можно считать адекватным.

Несколько более корректной является евроконтинентальная модель *сущности* конкуренции, в основе которой лежит понятие *соперничества*. Под соперничеством подразумевается определенным образом структурированная и регулируемая (нормами права и морали) система социального взаимодействия. Иными словами, соперникам не все дозволено. Так, например, для них исключается односторонний (монопольный) контроль за ценой (или, что то же самое, контроль за предложением). И не только это.

Поэтому, для того, чтобы понять истинное отличие понятия *соперничество* от понятия *борьба*, нужно изменить сам подход к анализу социальных отношений или, как выразился когда-то Э. Чемберлин, «изменить свое *мировоззрение*», а «это нечто совсем другое, чем ... пополнять старый набор инструментом несколькими новыми» [409, с. 256].

Но и в евроконтинентальной модели сущности конкуренции присутствует изъян, связанный с тем, что она основана на *организационном фетишизме* [186, с. 30]. Многим сторонникам этой версии кажется, что достаточно разработать «правила игры» для соперников, установить порядки и принять законы, как соперничество станет автоматически совершенным, т. е. адекватным установленным правилам и порядкам. Это наивное представление, поскольку конкуренты могут прекрасно знать имеющиеся правила, но при этом не соблюдать их. Это же касается и самого государства, от имени которого «правила игры» могут устанавливать как нравственные, так и безнравственные чиновники. Коррупция, политическая рента, рэкет и многие дру-

гие проявления безнравственного поведения таких чиновников у всех на слуху. И, по большому счету, уже не важно, что современное государство — «это не исполнительный комитет буржуазии, скорее это исполнительный комитет техноструктуры» [112, с. 223]. Современные менеджеры, как показывают скандалы, связанные с деятельностью ряда крупных корпораций, могут точно также быть аморальными субъектами, как и государственные чиновники.

Отсюда следует вывод о достаточно умозрительном и поверхностном понимании *сущности* конкуренции западноевропейскими исследователями, которые не перестают удивляться тому факту, что при наличии всех необходимых правовых или административных условий конкуренция даже в их странах все еще остается несовершенной.

Следует обратить особое внимание на то обстоятельство, что именно в российской науке сложилась своеобразная и весьма перспективная интерпретация сущности конкуренции как социального явления. В конце XIX в. русский философ П. Б. Струве впервые ввел в научный лексикон понятия «добросовестная конкуренция» и «недобросовестная конкуренция» [352]. Отталкиваясь от знаменитой концепции «личной годности», разработанной П. Б. Струве, российские философы и экономисты стали рассматривать конкуренцию как экономизированную форму нравственных (основанных на ценностях совести и справедливости) взаимоотношений между участниками хозяйственного процесса. Для обозначения именно такого понимания сущности конкуренции стало использоваться слово *соревнование*, под которым подразумевалась совместная деятельность участников хозяйственного процесса по достижению общего наилучшего результата. Вместо психологии индивидуализма и философии персонализма, характерных для англосаксонской интерпретации *сущности* конкуренции, в российской модели присутствуют идеи объединения труда (соборности, кооперации), социальной справедливости (социальной ответственности, взаимной помощи, сизигии), духовности, детерминированности (софийности, сизигийности). Специфика именно российской интерпретации *сущности* конкуренции как раз и состоит в понимании ключевого значения духовно-нравственной основы в ее структуре и содержании. И не случайным является суждение, согласно ко-

тому «тот народ, который честен, тем самым силен не только нравственно, но и экономически» [438, с. 418].

Можно также выделить и *восточную* теоретико-методологическую модель *сущности* конкуренции, основанную на идеях и менталитете восточных социумов-этносов. При всех различиях в религиях, культуре и менталитете восточных народов можно обнаружить общее понимание сущности конкуренции как явления рыночной экономики. И это понимание связано с тем, что конкуренция рассматривается как явление, *подчиненное* духовной жизни человека. Но, в отличие от российской экономической науки, восточные исследователи выделяют в конкуренции в качестве ее *смысла* и *цели* (а именно в таких параметрах только и можно рассуждать о сущности любого явления) формирование способности человека к постоянному самообразованию [412, с. 7–14]. Это в чем-то соответствует той интерпретации сущности конкуренции как системы социального взаимодействия по вопросам производства и получения знаний, которую в свое время давал Ф. Хайек.

Интенсивность современной конкуренции в разных сферах человеческой жизнедеятельности неодинакова. В связи с этим отметим различные варианты отношений между конкурентами, основанные на критериях 1) совместимости целей, 2) потребности в обмене опытом и 3) наличия общих интересов. Они приведены ниже в таблице 1.

Таблица 1

**Варианты отношений между участниками
конкурентных коммуникаций**

Модель поведения	Критерии		
	Совместимость целей	Потребность в обмене опытом	Наличие общих интересов
1. Координируемое сотрудничество	+	+	+
2. Некоординируемое сотрудничество	+	+	-
3. Саморегулируемое сотрудничество	+	+	+
4. Независимое поведение	+	-	-

Модель поведения	Критерии		
	Совместимость целей	Потребность в обмене опытом	Наличие общих интересов
5. Внутригрупповое соперничество	-	+	+
6. Межгрупповое соперничество	-	+	-
7. Индивидуально-групповое соперничество	-	-	+
8. Чистое индивидуальное соперничество	-	-	-

Из таблицы видно, что существуют различные виды сотрудничества и соперничества. Их соотношения между собой позволяют выделить различные модальности конкуренции и оценить ее эффективность в общей системе социального взаимодействия. Одновременно, анализ этих модальностей может дать исследователю ценную информацию об уровне социализации личности, характере и степени такой социализации. Выделенные 8 типов поведения, взятые в контексте анализа двусторонних отношений, позволяют предположить, что многообразие конкретных модальностей социального взаимодействия достигает 64 позиций. Но из них только 5 типов поведения соответствует контексту конкуренции. Если мы рассмотрим именно эти (4–8) типы в контексте анализа двусторонних отношений (когда присутствуют только два конкурента), то многообразие модальностей конкурентного поведения достигает 25 позиций. Если же мы будем рассматривать многосторонние отношения конкуренции, т. е. систему, в которую включаются не два, а несколько участников, то это многообразие будет возрастать соответственно росту числа конкурентов. В «предельном» случае, когда гипотетически конкурентами становятся все члены общества, конкуренция перестает быть благом (ценностью), поскольку при таком способе социального взаимодействия обнаруживается несовместимость целей всех и каждого из участников конкуренции. А это обстоятельство, даже если допустить объективную необходимость обмена опыта (или, в трактовке Аристотеля, обмена результатами деятельности) требует отказа от конкурен-

ции и сосредоточения усилий на развитии и совершенствовании отношений сотрудничества. Наиболее поверхностной и «переходной» (от конкуренции к сотрудничеству) формой социального взаимодействия, в которой происходит социализация личности, является система партнерских отношений. В рамках этой системы происходят институциональные изменения, которые позволяют в той или иной степени совместить различные цели разных участников социального взаимодействия и при этом сохранить различие их интересов. Поскольку полного (тотального) совпадения между целями и интересами при партнерских отношениях не происходит, то становится ясно, что такая система может быть лишь временной и не обладает признаками целостности и завершенности.

Глава 3

ТРАНСФОРМАЦИЯ СОЦИАЛЬНОГО ПАРТНЕРСТВА В РЕАЛИЯХ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА

Динамика общественного развития и социальное партнерство в любом современном обществе детерминированы фактором бюрократизма. Этот фактор, как ни странно, можно рассматривать на вполне законных основаниях в качестве результата практического осуществления той теории и практики либерализма, которую так часто восхваляют ее адепты. Один из них, Л. фон Мизес, когда-то писал: «Либерализм основывается на чисто рациональной и научной теории общественного сотрудничества... Либеральное мнение состоит в том, что ценность принципов — заставить индивидов приводить свое поведение в соответствие с требованиями жизни в обществе, воздерживаться от любых действий, наносящих вред сохранению мирного общественного сотрудничества и улучшению отношений между людьми» [247, с. 146, 148].

Действительно, ценность принципов состоит именно в том, что они побуждают (оставим термин «заставить» на совести либералов) людей координировать свои действия и стремиться к общему благу. Однако, одного лишь рационализма здесь оказывается явно недостаточно. Сам Л. Мизес связывал рационализм с действием объективного закона образования связей, сформулированного еще Д. Рикардо. Суть этого закона состоит в следующем. «Если A более эффективен, чем B , и ему для производства одной единицы товара p требуется 3 ч против 5 ч,

требующихся для B , а для производства товара q ему требуется 2 ч против 4, требующихся для B , то оба они выиграют, если A ограничится производством q и оставит B производить p . Если каждый из них выделяет 60 ч для производства p и 60 ч для производства q , то результатом труда A будет $20p + 30q$; B — $12p + 15q$; обоих вместе — $32p + 45q$. Однако, если A ограничится только производством q , за 120 ч он произведет 60 q , тогда как B , ограничившись производством p , произведет за этот промежуток времени 24 p . Результатом их деятельности станет 24 p + 60 q , который при коэффициенте замещения $3/2$ q для A и $5/4p$ для B выше объема производства $32p + 45q$. Таким образом, становится очевидным, что разделение труда является выгодным для всех, кто принимает в нем участие. Сотрудничество более одаренного, более способного, более трудолюбивого с менее одаренным, менее способным и менее трудолюбивым принесет пользу обоим. Выигрыш, получаемый от разделения труда, всегда обоюдный» [247, с. 150–151].

Отталкиваясь от этого закона, Л. Мизес утверждал: «Закон образования связей помогает объяснить тенденцию поступательного расширения человеческого сотрудничества. Нам становятся понятны мотивы, побуждающие людей не считать друг друга лишь соперниками в борьбе за присвоение ограниченного запаса средств существования, предоставляемых природой. Мы видим, что заставило и постоянно заставляет людей общаться для поддержания сотрудничества. Каждый шаг на пути углубления разделения труда служит интересам всех участников» [247, с. 151].

Нет необходимости опровергать справедливые расчеты Д. Рикардо. И хотя известно, что «не хлебом единым жив человек», нет необходимости опровергать наиболее распространенный тезис либерализма о том, что выгода побуждает людей к сотрудничеству. И хотя сведение смысла жизни к выгоде есть элементарный редукционизм, обратимся к самой идее об общественном разделении труда как первопричине социального сотрудничества — социального партнерства.

В понимании общественного разделения труда как основы социального сотрудничества Л. Мизес не оригинален. Представители коллективистских теорий думают также. Поэтому совершенно надуманными являются его более чем критические высказывания в адрес предста-

вителей коллективистских теорий. Но важно другое. Весьма поверхностными представляются его выводы о том, что «выгоды от мирного сотрудничества и разделения труда *всеобщие*», что «историческая роль теории разделения труда состоит в том, что она *завершила* (выделено нами — *авт.*) духовное, моральное и интеллектуальное освобождение человечества, начатое философией эпикурейства» [247, с. 138].

Дело в том, что *всеобщую* выгоду общественное разделение труда может обеспечить только при плановом его развитии, но никак не при стихийном его развитии. В условиях стихийного развития общественного разделения труда складывается социальное и экономическое неравенство, блага от такого разделения труда присваиваются определенной социальной группой лиц, которые тем самым лишают все остальное население свободного доступа к ним. На этой почве возрастает социальная поляризация населения. Вот в чем вопрос. Д. Рикардо, формулируя свой закон, сделал допущение, а именно: контрагенты должны просчитать свою выгоду и экстраполировать ее на будущее. Говоря нормальным языком, хозрасчет и экстраполяция динамических рядов — это методы планирования. Вольно или нет, но Д. Рикардо допустил сам факт планирования в общественном разделении труда, на что не обратил внимания Л. Мизес. Действительно, «в ходе общественного сотрудничества между членами общества *может возникнуть* (выделено нами — *авт.*) чувство симпатии и дружбы, чувство сплоченности» [247, с. 136]. Но в этом суждении нет ответа на вопрос о том, *как именно* возникает такое социальное сотрудничество — социальное партнерство. При стихийном развитии общественного разделения труда чувство симпатии и дружбы, чувство сплоченности *может и не возникнуть*.

Стихийное разделение труда основано на частной собственности и эксплуатации наемного труда. Мера такой эксплуатации может быть различной. В случае, когда она минимальна, когда минимальны норма прибыли и норма накопления, когда большая часть произведенного совокупного продукта распределяется в пользу субъектов трудовой деятельности, социальное партнерство между работниками и работодателями, между субъектами хозяйственной практики и представителями власти, действительно, может стать более эффективно. А, значит, выпол-

не могут появиться если не дружба или чувство симпатии, то хотя бы некое подобие сплоченности. Когда же степень эксплуатации высока, норма прибыли, присваиваемая собственником, также высока. Когда норма накопления высока, а наемный работник получает незначительную часть созданного продукта, то наивно предполагать, что между работниками и работодателями может возникнуть чувство дружбы, симпатии и сплоченности.

Рассмотрим иную ситуацию, а именно общество, лишенное эксплуатации как таковой. Вопрос о том, возможно или невозможно построение такого общества в реальности, вовсе не опровергается тем фактом, что такого общества история не знает. И хотя в советский период нашей истории само государство выступало в роли собственника и эксплуататора, это не дает оснований для отказа от поиска ответа на поставленный сугубо теоретический вопрос. Вспомним о том, что одна только экономика ГУЛАГА, в которой на положении рабов трудились миллионы наших сограждан, охватывала семнадцать отраслей и давала в середине 40-х гг. XX в. свыше 33% от общего объема товаров широкого потребления [431, с. 189].

В условиях отсутствия эксплуатации как явления социальное сотрудничество основывается на *самоуправлении* самих субъектов социально-трудовых отношений. В этих условиях социальное сотрудничество — социальное партнерство становится наиболее эффективным по той простой причине, что сам процесс дальнейшего углубления общественного разделения труда становится плановым (планомерным). Самоуправление отрицает бюрократию, тогда как для примирения интересов труда и капитала в условиях эксплуатации такая бюрократия просто необходима.

Сегодня стало модным упрекать идеологов коллективизма в том, что строительство социализма не обошлось без разрастания бюрократии. Но необходимо помнить о том, что в нашей стране строился не научный, а казарменный социализм. Что касается идеологов научного социализма, то они прекрасно видели вред бюрократии и боролись с нею всеми возможными способами.

Упрекая советский и партийный аппарат в бюрократизации (номенклатура), необходимо вспомнить о гораздо больших масштабах

ее разрастания в постсоветский период, о росте амбиций и стремлений к самостоятельности бюрократических кадров в регионах и на местах. Именно этот фактор стал, на наш взгляд, важнейшим для развала огромной страны — СССР, а вовсе не надуманные рассуждения о ее «естественном распаде».

За политикой приходит черед и экономики. Ведь «политика — это концентрированное выражение экономики». Именно фактор бюрократизма стал ключевым в разрастании и углублении социально-экономических кризисов. И не только в «эпоху застоя», но и в постсоветский период (дефолт 1998 г.).

Стихийное разделение труда как раз и порождает всевластие бюрократии, ее гигантские масштабы, превращает ее из рядового и служебного фактора развития общества в социальный тормоз, в антисоциальное явление. Присваивая значительную часть произведенного работником совокупного продукта, она, бюрократия, по существу замещает на исторической сцене класс капиталистов и сама становится классом. Именно она создает тот универсальный механизм торможения, когда решения высших руководителей государства, попав в руки огромного отряда управленцев, претерпевает метаморфозы, которые и делают в конечном итоге невозможным их исполнение. Возникает то, что называется государственно-монополистическим капитализмом, когда вместо системы социального партнерства государственные чиновники оказываются по одну сторону социальной баррикады вместе с капиталистами и выступают против рабочих. Формы такого поведения могут быть весьма изощренными. Бюрократизация, насаждение ведомственности, затратные экономические нормативы — все это методы, с помощью которых реализует собственную политику производственно-управленческий аппарат. Совокупность их составляет основу торможения социально-экономического развития.

Социальное партнерство при разрастании бюрократизма вырождается в свою полную противоположность — социальное отчуждение, когда «формально все правильно, а по сути — издевательство» (В. И. Ленин). В современной литературе под термином «социальное отчуждение» понимается особая форма отношения в обществе к труду, характеризующаяся настроениями бессмысленности, беспомощно-

сти, отстраненности» [328, с. 508]. Но это весьма мягкое понимание проблемы. В действительности, социальное отчуждение — это рост противоречий между разными социальными категориями населения, нарастание конфликта между «верхами» и «низами». Поэтому неполное и весьма мягкое понимание проблемы социального отчуждения вряд ли конструктивно с прогностической точки зрения.

И здесь при анализе действия закона образования социальных связей Д. Рикардо вполне будет уместно вспомнить и о другой теоретической конструкции — а именно, теорему К. Геделя о неполноте: «Если система Z непротиворечива, то в ней существует такое положение A , что ни само A , ни его отрицание не могут быть доказаны средствами Z » [178, с. 184].

Мы привели эту теорему для того, чтобы опровергнуть известный тезис Л. Мизеса о том, что благодаря экономической науке можно доказать несостоятельность коллективистских теорий, эффективность социального партнерства между трудом и капиталом и будто бы всеобщий характер выгод, который дает различным социальным группам стихийное общественное разделение труда. Эта теорема, кстати, подтверждает известный тезис О. Конта о том, что сами экономические науки могут плодотворно развиваться только в рамках общей системы наук об обществе, т. е. в рамках соответствующей метасистемы [87, с. 19].

Наряду с *технологическим* и *предметным* разделением труда сегодня вполне уместно выделить и *социальное* распределение труда, проявлением которого является монополия определенных социальных структур (бюрократия, чиновничество) на власть и извлечение из своего положения т. н. административной (политической) ренты.

Бюрократия тем опаснее, что она также трудится, т. е. занимается трудом. Но значительный объем этого труда является надуманным, непроизводительным (или объективно не необходимым) и формализованным. Это репродуктивный труд, когда одна гора указаний и распоряжений рождает другую такую же гору, когда бюрократия воспроизводит саму себя. С позиций современной науки, это разделение труда можно представить в виде сосуществования α — труда и β — труда. Под α — трудом в науке подразумевается *регламентированный* труд,

лишенный новизны и творчества (рутинный труд). Под β — трудом понимается инновационный труд, направленный на создание новых духовных и материальных благ [87, с. 86–87].

Изменение соотношения бюрократической деятельности в сторону ненужных операций и функций свидетельствует о регенерации бюрократии как особого социального образования. Называя ее Левиафаном, Дж. Бьюкенен писал: «Романтика прошла и, возможно, никогда не вернется. Социалистический рай утрачен. Политики и бюрократы рассматриваются сегодня как обычные люди, подобные всем остальным, а «политика», как игра, где многие игроки с совершенно различными целями взаимодействуют так, чтобы получить ряд результатов, которые ни по каким стандартам не могут быть ни внутренне согласованными, ни эффективными» [66, с. 431–432].

Но об этом же, только адресуясь марксистам, еще сто лет назад писал Л. Н. Толстой: «Ошибка марксистов (и не их одних, а всей материалистической школы) в том, что они не видят того, что жизнью человека движет рост сознания, ... а не экономические причины... Главная недодуманность, ошибка теории Маркса в предположении о том, что капиталы перейдут из рук частных лиц в руки правительства, а от правительства, представляющего народ, в руки рабочих. Правительство не представляет народ, а есть те же частные лица, люди, имеющие власть, несколько различные от капиталистов, отчасти совпадающие с ними. И потому правительство никогда не передаст капиталы рабочим. Что правительство представляет народ — это фикция, обман» [359, с. 103–104]. Советская власть не передала заводы в собственность рабочим, а землю — крестьянам, назвав это требование анархо-синдикалистским. Постсоветское руководство страны приватизировало государственную собственность, передав ее в частные (часто в свои собственные, но теперь уже индивидуальные) руки. Произошло это по одной простой причине — труд советской, а затем и постсоветской бюрократии по управлению государственной собственностью оказался неэффективным.

Бюрократия как субъект социально-трудовых отношений всегда занималась и занимается именно α — трудом, хотя в системе общественных ценностей более важен β — труд. А раз так, то претензии бюро-

кратии на властные полномочия и ее попытки замещения демократически созданных социальных институтов бюрократическими инстанциями являются, с научной точки зрения, необоснованными. Фактически можно говорить об узурпации бюрократией власти в системе социального взаимодействия, определяющей стагнацию в развитии социальных отношений. Примером такой стагнации в сфере экономической политики современной бюрократии стало создание особых «социальных сфер», в которых сама бюрократия чувствует себя вполне комфортно. Так, возникло особое социально-правовое поле, в котором представители бюрократии оказались даже как бы вне закона. Но тогда социальное партнерство с такими представителями политической бюрократии для остальных граждан нашего общества оказывается по определению неконституционным и неравноправным. Как полагает Ю. Г. Ершов, «следует говорить о феномене так называемого мнимого конституционализма» [136, с. 280].

Поэтому дебюрократизация системы социального взаимодействия — это крайне актуальная задача. И начинаться она должна с дебюрократизации государственной власти, путем существенного сокращения численности и полномочий бюрократии. Только при таком условии социальное партнерство может стать общественным выбором. Как утверждал В. Нисканен, «эффективность бюро должна быть отрицательной функцией от размеров как правительства, так и бюро» [266, с. 524].

Концепция общественного выбора представляет собой идею двухстадиального процесса функционирования контрактной (договорной) общественной системы [67, с. 245–254]. На первой стадии осуществляется принятие решения относительно фиксации и защиты прав собственности, а также относительно формулировки правил выработки коллективных решений относительно производства общественных благ. На второй стадии социальные субъекты непосредственно вступают в социальные отношения друг с другом (например, в отношения обмена, опираясь на установленную ранее структуру прав собственности), а также принимают решения, используя уже существующие правила.

На текущий момент существуют разные теории, основанные на концепции общественного выбора: теория конституционного выбора (Дж.

Бьюкенен), теория политического делового цикла (У. Нордхауз), теория эндогенной детерминации социального действия (Дж. Стиглер), теория политической ренты (Г. Таллок), теория бюрократического влияния на общественный выбор (В. Нисканен) и т. д. Именно последняя представляет наибольший интерес в контексте анализа бюрократизма как фактора социального взаимодействия в целом, а социально-партнерства в частности.

Общий методологический порок любых теорий общественного выбора заключается в тезисе о том, что субъект социальных отношений ведет себя везде и всегда строго рационально, основываясь на полной информации, получаемой им извне. Однако порочность такого тезиса раскрывается тогда, когда обнаруживаются две достаточно тривиальные вещи:

во-первых, отнюдь не везде и не всегда субъект социальных отношений обладает полной (своевременной, качественной и т. д.) информацией и далеко не во всех случаях он может эту информацию эффективно (адекватно) использовать; *во-вторых*, далеко не всегда субъекты социальных отношений осознают, в чем состоит их персональная и общественная действительная (а не мнимая) польза и в чем заключается рациональность их поведения (как согласовать личный и общественный интерес). Социальные отклонения в поведении — тому доказательства.

Однако, если обратиться к анализу фактора бюрократизма в социальном партнерстве, то исследователь оказывается перед интересной дилеммой. С одной стороны, бюрократия ведет себя строго рационально и «максимизируют свой бюджет». Она увеличивает затраты на свое собственное содержание [266, с. 497–498]. Но это — рациональность «для себя». С позиций всех других участников системы социального партнерства такое поведение представляется эгоистичным (иррациональным). Поэтому оценка действий бюрократии представляется весьма интересной для понимания самой природы общественного выбора. В принципе, бюрократии безразлично, какой характер носит процесс развития общественного разделения труда. Сформированный даже демократическим путем и на определенный момент институт бюрократии озабочен, прежде всего, собственным благополучием. Этому спо-

собствуют специфические «патрон-клиентские отношения, создаваемые бюрократическими кланами на пути к политической и иным видам власти», которые «приводят к сомнительным и закрытым способам рукрутации во власть, к зависимости служебной карьеры не от веберовских формально-рациональных правил, а от оценок начальством личной преданности» [136, с. 281].

Такой характер связей внутри бюрократии, а также фактор временности их пребывания у власти (предусмотренный демократическими нормами ротации и выборности) подталкивает бюрократию к антиобщественному выбору, т. е. к приоритету собственных корпоративных интересов перед интересами работодателей-собственников и самих работников. Поэтому, как когда-то выразился еще Платон, нет ничего более пагубного для развития хозяйства страны, чем демократия.

В литературе по-разному объясняют феномен неэффективной бюрократии. Это относится к теории взаимосвязи бюрократии и политики. В. Нисканен сформулировал идею о том, что благодаря такой взаимосвязи формируется монополия бюрократии на власть, результатом чего и становится политическая рента. Отчуждение бюрократии от социума давно было подмечено исследователями. Рассуждения о том, что «верхи не могут управлять по-новому, а низы не хотят жить по-старому» — пример понимания данной проблемы.

Бюрократия в условиях либерализма разрушает саму основу либерализма — демократию. Она постепенно меняет вектор развития общества от прямой демократии — к представительной, а от последней — к партисипативной демократии (*participation — участие*). Суть партисипативной демократии состоит в том, что работникам предлагается участвовать в системе социального взаимодействия только на второй стадии общественного выбора. Тогда как первая стадия общественного выбора, на которой принимаются принципиальные решения и устанавливаются «правила игры», остается в компетенции бюрократии. Однако, даже современные сторонники либерализма рассматривают эту ситуацию как ненормальное явление. Так, американский философ-футуролог Дж. Несбит утверждает, что «люди, чью жизнь затрагивают те или иные решения, должны участвовать в процессе принятия этих решений» [194, с. 228]. Вот только в какой роли?

В роли статистов работники явно не желают принимать участие. А отсюда следует, что и система социального партнерства, определяемая бюрократами, работников устраивать не может.

Отмечая как факт то обстоятельство, что в современных условиях роли работников и работодателей в системе социального взаимодействия в США перераспределяются и «из этого возникает новая теория о правах рабочих и участии рабочих, которой давно пора бы уже появиться», Дж. Несбит пишет: «Сейчас, кажется, положение меняется. Недавно наблюдался взрыв активности в области прав работника, в основном в трех главных областях: 1) в судах судьи и присяжные впервые, во изменение общего правила, стали решать дела в пользу работников; 2) некоторые большие корпорации создают достойные подражания программы осуществления прав работников; 3) законодательные собрания некоторых штатов приняли законы о правах работников» [264, с. 260, 261].

Однако, эти изменения слабо затрагивают бюрократию как таковую. Они в определенной степени подрывают власть корпоративной (хозяйственной) бюрократии, поскольку конкуренция требует сокращения расходов на содержание такой бюрократии, которая не только не способствует росту капитализации фирмы, но еще и тормозит этот рост. Но указанные Дж. Несбитом изменения не касаются политической бюрократии, которая на первой стадии процесса общественного выбора определяет будущие процедуры и «правила игры». Удивительно, но многие предприниматели сегодня оказались в «одной лодке» с работниками и вынуждены противостоять бюрократии. Именно поэтому стали возможны публичные признания в том, что «ущемление прав работников решительно не соответствует современным ценностям» [264, с. 260, 263]. К сожалению, в российском обществе осознание даже этого очевидного факта происходит крайне медленно, а крупные работодатели-собственники все еще рассчитывают на некий эффективный альянс с политической бюрократией в ущерб правам работников. В ряде стран Западной Европы мы наблюдаем точно такую же картину. Так, сам характер принятия пенсионной реформы во Франции, например, свидетельствует о том, что работодатели-собственники и политическая бюрократия не желают считаться с мнени-

ем работников. Но именно поэтому автор концепции общественного выбора Дж. Бьюкенен утверждает: «Европа утратила жизненную энергию». Не соглашаясь с чересчур оптимистическими суждениями Дж. Несбита, Дж. Бьюкенен считает, что и «Америка стоит на пороге белокровия» [68, с. 287, 292]

Как бы там ни было, но бюрократия любой страны оказывается перед проблемой собственной идентичности. И здесь она видит в бюрократии иных стран, социумов и этносов своего естественного партнера. Ей, по большому счету, становится неинтересным социальное партнерство в собственной стране, в которой она уже получила в свое распоряжение власть и политическую ренту. А вот расширение сферы своего влияния за национальные границы представляется ей интересным и даже «спортивным». Но здесь необходимо не ошибиться в выборе иностранного бюрократа-партнера. Естественно, что такое интернациональное бюрократическое партнерство облегается культурной общностью. Этим и обусловлен ревайвализм в культуре и экспорт чуждых культурных ценностей и установок на национальную почву. Среди разных идентичностей (культурная, родственная, профессиональная, институциональная, территориальная, образовательная, идеологическая, религиозная и т. д.) бюрократия предпочитает именно культурную идентичность. Культурные различия, как известно, ведут к расколу и конфликтам. И наоборот, культурная идентичность разных (национальных, территориальных, профессиональных) бюрократий транслирует идентификацию и по другим направлениям.

Что же предлагается в контексте такого мегатренда делать работникам? Им предлагается укреплять свою «местную» (территориальную) «подразделительную» идентичность. Им предлагают «быть привязанным к подразделению (выделено нами — *авт.*), любить тот маленький завод, к которому они принадлежат». Им также рекомендуется идентифицировать себя по отношению к тем кланам, к которым они принадлежат [405, с. 191]. От таких рекомендаций половина шага до лозунга «пролетарии всех стран, соединяйтесь!» А там уже и до столкновения цивилизации и лозунга мировой революции недалеко. Но все это уже было, пора научиться извлекать уроки.

Страхась возможного столкновения цивилизаций, некоторые исследователи по сути предлагают создание некоего мирового правительства в виде транснациональной монополии бюрократии. Однако, при такой постановке вопроса рассуждения о необходимости укрепления социального партнерства выглядят просто дежурной отговоркой.

Очевидно, что социальное партнерство — это инструмент социализации человека. Однако, следует различать, как это предлагал еще Й. А. Шумпетер: а) социализацию в условиях зрелости общества и б) социализацию на стадии незрелости. Переход к строительству социализма на стадии незрелости обернулся казарменным социализмом, диктатурой пролетариата и дискредитацией самой идеи социализации. Переход к созданию по сути социалистических социальных институтов в условиях зрелого общества (местное самоуправление, общественные комитеты и комиссии, третейские суды и т. д.) привело к формированию высоких стандартов и качества жизни в ряде стран Западной Европы (модели «австрийского социализма» и «шведского социализма»). Все это стало возможным потому, что структура социальных связей в этих странах оказалась *грамотно* рационализированной, т. е. «ограниченной лишь теми отношениями, которые повышают эффективность управления» [427, с. 615]. С другой стороны, если бы в условиях незрелости общества и недостаточности предпосылок перехода к социализму «началась бюрократическая социализация, это привело бы к значительной потере предпринимательской энергии, снижению эффективности в сфере производства, ущербу для будущего благосостояния общества» [427, с. 617].

Каков же критерий зрелости или незрелости общества в контексте процессов социализации. Главным и традиционным критерием политической экономии марксизма считается степень обобществления производства. Однако, как показала история, одного этого условия оказалось недостаточно для успешной социализации. Сегодня таким критерием необходимо считать степень бюрократизации (управления) политической, экономической и социальной сфер всей общественной жизни народа. Именно в силу почти тотальной бюрократизации всех (даже частной) сфер жизнедеятельности современного российского общества на практике имеет место процесс его десоциализа-

ции. Психология индивидуализма удобна для власти бюрократии потому, что разобщенным на конкретные индивиды народом легче манипулировать. Ни о каком зрелом и эффективном общественном сознании и самосознании здесь уже говорить не приходится. Поэтому в условиях разрастания и усиления бюрократизма реальное социальное партнерство становится невозможным по существу. Общественный выбор в пользу экономии и рационализма неизбежно ставит перед человеком вопрос о дебюрократизации всей общественной деятельности.

Сохранение власти бюрократии делает наше общество по определению «нерыночным». Благополучие бюрократии определяется не качеством услуг, а ее местом в системе властных отношений (монополией на власть).

Сегодня для современного российского общества как социума с рыночной институциональной системой характерны следующие общие положения:

- 1) оно является примером нерыночного общества, в котором доминирует фактор политической бюрократии; значение социальных институтов политической бюрократии играет определяющую роль в принятии экономических решений и вообще в выборе стратегии общественного развития;
- 2) роль политической бюрократии в социальном развитии общественным мнением оценивается в целом негативно; власть бюрократии способствует постоянному росту социальных издержек в осуществлении любых крупномасштабных изменений; при этом значительная часть таких изменений оказывается непродуманной и даже вредной для общества; однако, такие изменения осуществляются чаще всего как результат директив «сверху», чем как результат эволюционного развития «снизу»;
- 3) ключевой характеристикой российской социальной системы считается нерасчлененность власти бюрократии и политической ренты. При капиталистическом устройстве источником благополучия выступает частная собственность, при бюрократическом устройстве — властные полномочия и функции. Прежняя нерасчлененность власти и собственности модифицируется в новую форму властного контроля над общественным разви-

ем. Такой контроль исторически осуществляется в двух основных формах: латентной и акцентной.

Большинство отечественных ученых, анализирующих нерыночные социальные системы, отмечают цикличность развития подобных систем, когда за длительными периодами доминирования государства в экономике следуют краткосрочные периоды частичной либерализации, когда в обществе начинают появляться и развиваться институты, подобные институтам либерального капитализма. Однако сущность этих институтов искажается в результате их несовместимости с фундаментальными особенностями российской институциональной системы, и они неизбежно прекращают своё существование, а за этапом либерализации следует новый виток активного администрирования.

Альтернативой бюрократизации системы социального партнерства выступает развитие общественного самоуправления. «Самоуправление есть высшее проявление субъектности в человеке, детерминирующее не только личностную самореализацию, но и сам целостный характер личности. При этом самоуправление есть *сущее*, хотя и не универсальное» [350, с. 34].

Можно согласиться с мнением о том, что «самоуправление как сущее бытийствует, т. е. оно организовано» [350, с. 35]. Организация самоуправления представляет собой способ реализации интересов самих людей в условиях социального взаимодействия. Ясно, что организовано и совместно защищать свои интересы гораздо легче, чем в одиночку. При этом «элементарной клеточкой» процесса самоуправления считается самоорганизация (самоорганизованность) людей [350, с. 35]. Способность к такой самоорганизации — субъектное свойство личности, приобретаемое и закрепляемое практикой социального творчества. Формирование и развитие системы социального партнерства на базе развития самоуправления — это одно из важнейших направлений социального творчества.

В современной литературе достаточно широко представлена проблематика самоуправления [23, 34, 201 и др.]. Изучение данной проблематики должно охватывать не только хозяйственную сферу человеческой жизнедеятельности, но и политическую, культурную и т. д.; должно затрагивать различные сферы повседневности: традицион-

ный или «домашний» мир, мир общественного мнения и общения, гражданский мир и. т. д. Идея Ж. Ж. Руссо давно уже легла в основу описания «гражданского» мира. Но она еще довольно слабо экстраполируется на другие сферы повседневности. А ведь понятно, что только при самом широком распространении социального самоуправления на все сферы человеческой жизнедеятельности возможно достижение эффективности практики социальной контрактации.

Основу социального самоуправления составляет *самодетельность*. О субъектно-образующей функции самодетельности писали И. Кант, И. Фихте, Г. В. Ф. Гегель, К. Маркс и др. Согласно марксистской философии самодетельность понимается как форма общественного созидания (социального творчества), а социальные институты — как органы осуществления самодетельности народа. Самодетельность неразрывно связана с *самоосуществлением* человека, актуализацией всей полноты его бытия. К. Маркс сформулировал глубокую мысль о труде как о «самоосуществлении, предметном воплощении субъекта» [233, Т. 3, с. 68]. Развивая эту мысль, В. И. Ленин утверждал, что именно в актах самоосуществления человек переводит свою сущность в действительность, «дает сам себе через себя самого объективность и осуществляет (выполняет) себя» [208, Т. 29, с. 194]. Широко известны ленинские идеи о «самостоятельности масс в рабочей кооперации», о развитии самодетельности рабочих и трудящихся крестьян в области просвещения, в вопросах учета и контроля за органами государственной власти в сфере производства и распределения [208, Т. 35. с. 88; 311, Т. 37, с. 201; Т. 38, с. 116; и др.]

К сожалению, сегодня многие из этих идей оказались невостребованными. Но необходимо помнить о том, что «наиболее благоприятные для заключения «социального контракта» условия возникают в период глубоких социально-экономических кризисов» [156, с. 568]. Это объясняется неустойчивостью многих новых властных институтов, своеобразной «виной» государств, допустивших такие кризисы, утратой значительной доли доверия к ним со стороны гражданского общества и необходимостью для простых людей выживать самостоятельно. Все это способствует росту внутренней активности общества и развитию тенденции к самоуправлению. Конечно, помимо «социаль-

ного контракта» произвол государства в использовании принуждения может быть ограничен и извне, с помощью других государств» [156, с. 569], но это касается слабых и небольших государств.

Только активное самоуправление, посредством развития которого общество (народ как источник власти) перераспределяет властные функции между государством и гражданскими институтами и усиливает свое влияние (контроль) на государство, способно обеспечить эффективное и подлинное, а не мнимое, социальное партнерство между различными социальными группами и институтами. В этом смысле социальное самоуправление является процессом общественного социального творчества (нормотворчества), имеющим четкую направленность и конкретные социально-правовые рамки (законные общественные процедуры: опросы общественного мнения, плебисциты или референдумы, законодательная инициатива, самостоятельный почин и т. д.). Нарушение этих норм чревато для политической бюрократии самыми тяжелыми последствиями вплоть до ее полного устранения с политической или исторической сцены. Поэтому властные структуры объективно заинтересованы в сотрудничестве с институтами гражданского общества, а боязнь их развития свидетельствует о рудиментарном сохранении в среде политической бюрократии теократических и диктаторских устремлениях. Пример П. Робеспьера, прошедшего эволюцию от демократа до диктатора, создавшего якобинскую диктатуру и окончившего жизнь в условиях термидорианского террора на гильотине, — очевидное тому доказательство. Именно поэтому демократические государства во многих странах давно пытаются построить так называемую «производственную демократию». Такие попытки построения «производственной демократии», при которой наемный работник имел бы право не только на гарантированный заработок, но и на участие в управлении предприятиями и распределении прибыли, начинались еще с XIX в. [139, 361 и др.]. В советское время этой проблемой также занимались отечественные исследователи [23, 60, 148 и др.]. Как полагает Ф. Фукуяма, причиной снижения активности в освоении проблематики именно хозяйственного самоуправления и «производственной демократии» в мировой гуманитарной науке стало «резкое сокращение T_g — уровня обобщенного доверия народа к власти». Он утвержда-

ет: «В современной экономике ощущается дефицит доверия, который представляет собой своеобразную форму общественного, социального капитала. Будет проще понять экономическую ценность доверия, если мы представим себе, как будет развиваться мир без доверия. Если бы мы заключали каждый контракт, предполагая, что партнеры, если им удастся, не преминут нас обмануть, мы тратили бы массу времени на то, чтобы сделать документ «неуязвимым», ибо только тогда мы были бы абсолютно уверены, что не оставили предполагаемым мошенникам никаких юридических лазеек» [398, с. 28].

У нашего народа есть такая пословица: «доверяй, но проверяй». Поэтому в условиях российского общества мало создать «неуязвимый» документ (контракт). Необходимо еще мотивировать стороны его выполнять. Если со стороны власти имеются такие возможности, а со стороны общества они отсутствуют, то даже самый «неуязвимый» контракт вполне может оказаться невыполненным. Ни для кого не секрет, что в ряде случаев право и закон в нашем обществе не действуют. Поэтому такому злу сам народ может и должен сопротивляться силой. Естественно, что речь не идет о силе оружия или революционных потрясениях. В контексте анализа нашей проблемы речь идет о самом широком развитии народного самоуправления. Когда бюрократ будет убежден в том, что неисполнение им своих обязательств по социальному контракту повлечет за собой перераспределение функций и полномочий в пользу другой стороны и лишит самого бюрократа политической (административной) ренты, его обязательность и дисциплинированность возрастут многократно. Понимание того, что «что имеем — не храним, потерявши — плачем», вполне способно разбудить даже в самом махровом бюрократе те личностные и профессиональные свойства и способности, которые необходимы для исполнения общественного договора и функционирования системы социального партнерства. И в связи с этим Ф. Фукуяма совершенно прав, когда заявляет: «насколько человеческой личности присущ эгоизм, настолько же ей присуща и потребность быть частью того или иного общественного целого» [398, с. 19].

Следует помнить о том, что «демократия на рабочем месте является неотъемлемой составляющей демократизации общества в целом: че-

люdek должен иметь опыт самоуправления в своей повседневной жизни, если он хочет научиться осмысленному участию в демократическом управлении гражданским обществом» [326, с. 244–267].

Социальное, в том числе и хозяйственное самоуправление включает в себя разные способы и методы демократизации общества. Это и делегирование полномочий, и свободные выборы, и развитие рабочего контроля и т. д. Необходимость такого социального института, как общественное самоуправление, призвано решить ряд конкретных задач. *Во-первых*, это задача *навязанной власти*. Сегодня в разных областях личной и общественной жизни человек сталкивается именно с таким навязанным властью отношением к нему. Например, когда создаются новые правила, формы отчетности или бюрократические процедуры. При организации предпринимательской деятельности, например, в нашей стране действует заявительный принцип. До сих пор в нашей стране не ликвидирован институт прописки, который давно уже стал рудиментарным признаком тоталитарных эпох. Наконец, в нашем обществе все еще действуют такие формы *навязанной власти*, как «телефонное право», «обязательная воинская повинность» и т. д.

Во-вторых, расширение общественного самоуправления и его социальных институтов повышает степень социальной справедливости и позволяет гарантировать справедливость и прозрачность принимаемых государством решений. Например, суды присяжных могут обеспечить более взвешенный и справедливый приговор, чем ангажированные и состоящие на службе у государства судьи. Ведь присяжные заседатели — это представители народа, а их решение — это народный вердикт, основанный на законе, а не на расчетах государственного чиновника. Распространение суда присяжных способно существенно изменить правоприменительную практику в стране и повысить статистику исполнения закона.

В-третьих, самоуправление объективно способствует оздоровлению самой власти, вымыванию из ее структур коррумпированных и нечестных чиновников. Одна только угроза пересмотра самим обществом (его гражданскими институтами) решений конкретных чиновников уже является сигналом вышестоящим органам власти на предмет проверок и принятия соответствующих решений. Открытость

и гласность в данном вопросе снижают возможности сокрытия правонарушений и злоупотреблений властью в той же пропорции, в которой наличие товаров-заменителей ограничивает монополизм отдельных предприятий на товарных рынках.

Не следует понимать развитие самоуправления как передел властных функций и полномочий. Хотя этот мотив присутствует в контексте широкого социального самоуправления, он играет лишь вспомогательную роль и касается только случаев злоупотребления властью или преступного бездействия со стороны властных структур, а точнее — конкретных бюрократов и чиновников. Главной задачей социального самоуправления является активное сопровождение всей государственной политики. Под таким сопровождением мы понимаем контроль и влияние, которые институты гражданского общества могут оказать на процесс формирования правового и, что самое главное, социального государства. Без такого сопровождения государство вполне может быть правовым, но не социальным. Принятие ряда современных законодательных актов под влиянием корпоративного лобби — тому доказательство.

Обратимся к современной социальной политике государства. Сегодня высказываются мнения о том, что особое значение для оценки эффективности социальной политики имеют не абсолютные показатели финансирования, инвестиций или конкретной материальной помощи, а само направление. Именно направленность социальной политики определяет якобы социальный характер государства. Это глубокое заблуждение. Можно, например, четверть областного бюджета направить на развитие системы образования, но такая направленность не будет иметь ничего общего с социально ориентированной политикой власти. Так, если деньги предназначены на строительство нескольких элитных школ при том, что основная их масса не может осуществить даже текущего ремонта (не говоря уже о капитальном ремонте) — то это не социальная политика. Или если средства идут на строительство элитного жилья (вместо социально доступного жилья), то такая политика должна быть признана по определению антисоциальной. А невмешательство государства в деятельность таких производителей (застройщиков, накручивающих цены на квадратный метр, или орга-

нов государственной власти — санитарно-эпидемиологических, пожарных и иных служб и т. д.) должно рассматриваться (как оно, впрочем, и рассматривается самими работниками) как прямое ущемление их прав. Но, с точки зрения действующих норм права, она (такая политика) останется вполне (формально) законной, поскольку никакого нецелевого использования бюджетных средств выявлено не будет. И при этом работника предлагают принять навязанную властью систему социального партнерства!

Такая ситуация тем более опасна, что исторически для России всегда была типична патерналистская роль государства в социальной сфере. Этот принцип подвергался и подвергается постоянной критике со стороны либерально мыслящих исследователей. Но «можно сколько угодно говорить о «целесообразности жить по средствам», о «жестокости, но реальном бюджете», «желательности инвестиций» и т. д. Но нельзя не платить месяцами заработной платы, пенсий и детских пособий. В противном случае, есть только одна альтернатива — широкомасштабные протестные действия не только экономического, но и политического характера» [311, с. 66].

Однако, следует признать, что государство, вопреки всем своим претензиям быть гарантом прав и свобод человека, сегодня не в состоянии обеспечить их в полном объеме. Гарантированный жизненный уровень, доступное медицинское обеспечение, образование и обслуживание может обеспечить только система всеобъемлющей социальной защиты, в которой активную роль будут играть институты гражданского общества, т. е. социальное самоуправление. Все эти атрибуты нормального общественного устройства не могут зависеть от благотворительности богатых слоев населения, от государственных чиновников или от спонсорства частных лиц.

И здесь следует признать, что коренной вопрос трансформаций обществ вообще, а социальной сферы (в ее конкретном понимании как сферы заботы власти о своих согражданах), в частности, — это вопрос о социальном (т. е. широком народном и публичном) самоуправлении. Именно такое самоуправление способно предупредить представителей власти или некоторых слоев населения от радикальных действий (радикализм, терроризм, революционаризм, экстремизм

и т. д.). Именно такое самоуправление в состоянии приблизить власть и общество к наиболее адекватным сценариям и схемам взаимодействия с целью достижения социальной справедливости и процветания. Одним из таких сценариев развития может и должно стать формирование социального государства в нашей стране. Социально-философский аспект этой проблемы состоит в поиске таких мировоззренческих оснований развития, которые объединили бы все общество в стремлении к созиданию не просто правового, а именно социального государства.

Основополагающая установка социального государства — благополучие всех слоев общества, растущая гармония между различными социальными слоями общества, между обществом и окружающей средой. «Социальное государство — это система учреждений, деятельность которых направлена на представительство и защиту интересов тех, кто не способен самостоятельно обеспечить свое существование, а также на создание каждому гражданину достойных условий существования, равных возможностей для самореализации, благоприятной среды обитания, отношение к человеку, его личности, как высшей ценности. Социальное государство принимает на себя ответственность ... за социальный мир в обществе» [311, с. 66–67]. По мнению С. В. Рогачева, наиболее благоприятная форма усиления современного российского государства — это «сочетание властных вертикали и горизонтали (то есть государственных структур и институтов гражданского общества при их ярко выраженной социальной ориентации) [311, с. 67]. Такое сочетание, как минимум, предполагает наличие общественно-самоуправления как основы формирования эффективных институтов гражданского общества. Но здесь имеются разные трактовки такого альянса. Некоторые исследователи полагают, что такое сочетание не должно исходить из принципа обязательности государственной помощи населению». Так, Н. Луман вообще предлагает отказаться от трактовки помощи как чего-то даримого, неожиданного, добровольного. В структуре социального взаимодействия он видит только ожидаемые действия, способствующие уравниванию потребностей в контексте времени и определенных общественных устоев. Помощь реализуется в конкретных обстоятельствах, типологические характеристики

ки которых понятны взаимодействующим сторонам, а взаимные ожидания совпадают и социокультурные механизмы взаимодействия системы освоены людьми данного общества [221, с. 16–35].

Государство сегодня действительно институционализировало государственную помощь, поддержку и социальную защиту лишь в отношении определенных категорий граждан и групп населения: сирот, инвалидов, неизлечимо больных, лиц без источников к существованию и т. д. В отношении же подавляющей части населения государство практически поставило себя в положение нейтрального наблюдателя. Тогда о каком социальном партнерстве может идти речь между государством и этой активной частью населения, которая платит налоги и выполняет государственные предписания, а взамен не получает ничего или почти ничего? Принцип эквивалентного обмена результатами деятельности, сформулированный еще Аристотелем, в таком случае нарушается самым наглядным образом. И здесь институционализация государственной социальной политики оказывается ущербной. «Сложилось мнение, будто каждой проблеме соответствует компетентная инстанция, и тому, кто нуждается в помощи, надо только эту службу найти. Любовь к ближнему принимает форму направления по инстанциям. В этом-то и кроется опасность — ведь не с каждой бедой управиться с помощью организации» [221, с. 28]. Тем более, если организация бюрократизирована. При такой ситуации социальные субъекты должны доказывать бюрократической организации свое право на получение социальной помощи и поддержки. Такая постановка проблемы предполагает наличие активного самоуправления в общественной среде, когда сами работники создают собственные социальные институты — организации, способные представлять их интересы в качестве юридических лиц в различных инстанциях (судебных, контрольных и т. п.).

Без активного социального самоуправления (в политике, экономике, культурной сфере жизнедеятельности людей и т. д.) представляется невозможным создание системы эффективного социального партнерства. А тем самым взаимоотношения между государством и населением вполне могут оказаться подобными отношениям между заключенными и тюремщиками. Рассматривая социальные связи (социальное

взаимодействие) между властью и населением в контексте концептуальной пары толерантность / не толерантность, уместно вспомнить рассуждения М. Фуко. Речь идет о том, что тюремные отношения «имеют целью не устранение правонарушений, а скорее различение их, распределение и использование, что тюрьма и наказание не столько делают послушными тех, кто склонен нарушать закон, сколько стремятся *вписать нарушение законов в общую тактику подчинения*. Тогда уголовно-правовая система предстает как способ обращения с противозаконностями, *установление пределов терпимости*, открытие пути перед одними, оказание давления на других, исключение одной сферы, постановка на службу другой. Нейтрализация одних индивидов и извлечение пользы из других» [396, с. 399].

Образ «государства — тюрьмы» вряд ли может привлечь адекватных и вменяемых людей. Поэтому нет (и не может быть) альтернативы формированию социального государства, в котором властная вертикаль функционирует в органичном синтезе со столь же властной горизонталью (институтами гражданского общества). А «правовое государство» не гарантирует социального мира по той простой причине, что в рамках общественного выбора право и закон определяются на первой его фазе, тогда как гражданам предлагается соблюдать уже определенные сверху «правила игры» на второй фазе процесса общественного выбора. Поэтому мы считаем теорию «правового государства» с социально-философской точки зрения не соответствующей идее эффективного социального взаимодействия, в частности — развития такой его формы, какой является социальное партнерство. Эта концепция представляется нам очередной новацией либеральной мысли в череде тех, которые подменяют существо проблемы ее видимостью и предлагают решения, касающиеся видимых форм, но никак не самой сути вопроса.

Диалектика социального партнерства в условиях современной культурной интеграции свидетельствует о наличии и борьбе самых различных, порой просто непримиримых тенденций. Поэтому выявление основных векторов и динамики такого развития представляется важным для решения практических вопросов организации и совершенствования социального партнерства.

Главная ось современной трансформации феномена социального партнерства в условиях постиндустриализма и информационного общества проходит по линии *аномия — отчуждение*. Усугубление аномии как состояния равнодушия или даже негативного отношения к нормам и ценностям системы социального партнерства, определяемым без самого человека и за него на первой фазе двух фазовой системы социального взаимодействия, вполне объяснимо. Такое состояние определяет монологическое состояние системы социального партнерства, в котором декларируемый диалог между различными участниками социального взаимодействия оказывается изначально формализованным и потому не интересным для конкретных агентов. В самом деле, участники системы социального партнерства изначально обладают различным сознанием и ценностными ориентациями, которые предполагают плюрализм в постановке и решении конкретных вопросов. Но при монистическом характере и предзаданности всей схемы социального партнерства такой плюрализм вступает в диалектическое противоречие с базовыми установками данной конкретной модели взаимодействия. Так, противоречие между мажоритарными и миноритарными акционерами в структуре акционерного общества, в рамках которого все его участники должны выступать как партнеры, отнюдь не исключает самых разнообразных конфликтов. Например, между правом миноритария получать все необходимую ему информацию и правом руководства структуры на сохранение ее в тайне под грифом «для служебного пользования». Возникающий конфликт обусловлен не априорным желанием миноритария разгласить полученные сведения, а конкретными действиями руководства структуры (воровство, злоупотребление, обман и т. п.). Если транслировать данный локальный случай конфликтной ситуации в системе социального партнерства с конкретной акционерной структуры на все общество, то можно представить его, это общество, как некий абстрактный и многочисленный акционерный альянс, в котором действуют во многом идентичные схемы поведения. Поэтому единство сознания субъектов первой фазы социального взаимодействия, на которой задаются предварительные условия социального партнерства (законодатели, чиновники, бюрократия, эксперты и т. д.), неизбежно превращается

в единство одного сознания. При этом совершенно безразлично, какую конкретную форму приобретает такое монистическое сознание, определяющее последующее развитие социального партнерства, на второй фазе социального взаимодействия. Важно, что участники второй фазы становятся по сути статистами, что не может не вызывать аномии самой системы. Такая аномия может означать и нарушение или ущемление прав участников второй фазы системы социального взаимодействия, нарушение законности, когда содержание законодательных актов нивелируется подзаконными актами, и, наконец, прямым насилием по отношению к несогласным. Чего стоит, например, действующая норма предварительного запроса и истребования разрешения у властных структур на проявление своего несогласия со стороны наемных работников (митинги, забастовки и т. п.). Понятно, что здравомыслящий чиновник относиться с симпатией к таким требованиям не может. В его представлении выполнение данных требований представляется фактором дезорганизации социального взаимодействия.

Еще Э. Дюркгейм, впервые введший в лексикон науки понятие *аномии*, показал, каким образом в обществе происходит распад привычных норм и ориентаций, не замещаемых новыми нормами и ориентациями, поддерживающими в человеке чувство устойчивости. Он, в частности, обосновал идею общественной солидарности, в основе которой лежит тезис о необходимости развития не формальной или локальной, а *общей и органической* солидарности между людьми. Рассматривая профессиональные корпорации и иные социальные институты капиталистического общества, автор полагал, что они должны разрабатывать и внедрять новые моральные нормы, способные снять противоречие между трудом и капиталом и преодолеть кризис капитализма [129].

Переход современного российского общества по существу к капиталистической организации хозяйства снова сделал данную проблему преодоления отчуждения актуальной. Дело в том, что такой переход оказался не транспарентным существовавшей в обществе традиционной культуре. В связи с этим возникла необходимость трансформации традиционной культуры и менталитета россиян в направлении большей транспарентности происходящим реформам. Это, естественно,

вызвало колоссальное социальное напряжение и еще более усугубило разрыв между трудом и капиталом, верхами и низами общества и его культуры. Накладывание социокультурной напряженности на социально-экономические конфликты и противоречия породило в нашей стране своеобразный феномен «нерыночного общества» или «антирыночной культуры». Смысл данного феномена как раз и состоит в колоссальном и перманентном социальном отчуждении людей от результатов общественного развития в экономике и культуре, что находит свои массовые проявления в снижении качества образования и профессионализма, росте таких явлений, как наркомания, алкоголизм, проституция, преступность и т. д.

Известно, что аномия возникает вследствие утраты человеком ясных и убедительных стандартов социального поведения и социальной деятельности. Взамен этим стандартам приходят некие новые эрзацы, по отношению к которым у индивида проявляется обоснованный скепсис. Дополненный чужеродным происхождением предлагаемых новых заменителей стандартов, такой скепсис и порождает эффект социального оппортунизма.

Развивая идею социального оппортунизма, Р. Мертон писал: «Моя основная гипотеза заключается в том, что отклоняющееся поведение можно рассматривать как симптом разрыва между стремлениями, предписанными данной культурой, и социально обусловленными путями реализации таких стремлений» [243, с. 23]. В терминологии Р. Мертона природу отмечаемой нами аномии в системе социального партнерства можно определить как разрыв между двумя основными элементами социальной и культурной структуры общества. С одной стороны, между целями и намерениями, задаваемыми узкой частью общества в рамках первой фазы процесса социального партнерства, и, с другой стороны, способами и инструментарием достижения поставленных целей со стороны основной части общества на второй фазе процесса социального партнерства. Однако, по нашему мнению, такое объяснение было бы не полным, если не обратить внимания и на разрыв между социальной и культурной структурой общества. А такой разрыв в современном российском обществе все более нарастает. Проявляет он себя по разному: сокращается доля носите-

лей традиционной национальной культуры в общем культурном пространстве страны; существенно снижается профессиональная культура работников (как за счет роста безработицы, так и за счет деградации системы современного образования); усугубляется противоречие между «верхом» и «низом» культуры; происходит люмпенизация сознания значительной части россиян и пауперизация в обществе; и т. д. А причиной таких процессов, на наш взгляд, является то обстоятельство, что в нормальном социальном развитии именно культура определяет цели и характер социально-экономического и социально-политического развития. В современном российском обществе происходит все с точностью до «наоборот»: цели социально-экономического и социально-политического характера, да еще сформулированные узкой группой «экспертов» и бюрократов, начинают «определять» культурное развитие страны и общества. Нет бюджетных средств — предлагается не строить школы и дошкольные учреждения. Нет финансирования — предлагается не принимать и нужный закон (он же тогда не будет действовать). Все это представляется аберрацией социального развития, которая рано или поздно приведет к коллапсу всех сторон жизнедеятельности общества. А та массовая субкультура, которая формируется под влиянием капитала и коммерциализации, никогда не будет в состоянии воспитывать в наших согражданах чувства патриотизма, любви к Родине, верности и чести. Поскольку, как полагал еще К. Маркс, при норме прибыли в 300% «нет такого преступления, на которое не пошел бы капиталист».

«Ценностные стереотипы массовой культуры навязчивы и неотступны». Чего стоит только криминальная субкультура, «ценности» которой становятся столь популярными в молодежной среде. И здесь необходимо отметить противоречие между адаптированными к таким субкультурным «ценностям» отдельными нашими согражданами и теми, кто, пытаясь жить в соответствии с абсолютными ценностями культуры, «оказывается не в состоянии нажиться честным путем и не может вступить на нелегальный путь» [135, с. 216–217]. На честных и культурных людей начинают смотреть в современном обществе как на «белую ворону». Образ «простого человека», не добравшегося до вершин власти, славы, бизнеса или криминала, рассматривается многими в не-

гативном свете. Эпитеты «рохля», «лопух», «нюня», «неудачник» становятся некими *симулякрами*, социальными по самому своему смыслу. Принципы «кто не успел — тот опоздал», «хватай и беги» заменяют значительной части наших сограждан все иные смыслы бытия. «Дилемма «иметь или быть?» получает в их представлении совершенно иное толкование: «иметь значит быть». Ни о каком социальном партнерстве при такой аберрации жизненных ценностей и установок рассуждать не приходится.

Естественной реакцией на такой разрыв между подлинными и мнимыми смыслами бытия, между человеком чести и культуры и рыночным обществом становится *аномия*. И тут даже сами идеологи социального партнерства оказываются бессильными что-то предложить принципиально эффективное. Не случайно же Р. Мертон признает, что разрешение названной выше дилеммы и выработка равновесия между целями и средствами может быть обеспечена не социальным сотрудничеством, а только *конкуренцией*. И хотя у него речь идет об «открытой» и «честной» конкуренции. Но это, как говорится, «уже другая песня». В действительности, выход из данного противоречия видится только в самом широком вовлечении всего общества, всех его граждан в процессы разработки норм и «правил игры». Смысл реального, а не формального социального партнерства как раз и состоит в привлечении к нормотворчеству уже на первой фазе формирования системы социального взаимодействия. Конечно, учитывая разницу между равноправием и равноценностью, можно признать, что в таком партнерстве оно сохраняется (в отличие от полного сотрудничества и солидарности). Но даже такое «неравноценное», но «равноправное» участие широких слоев общества в выработке общественных норм и правил на первой фазе социального партнерства дало бы огромный эффект. Практика работы «общественных палат», различных согласительных комиссий и иных очень немногочисленных социальных институтов гражданского общества тому свидетельство. По указке «сверху» и в условиях манипулирования сознанием система социального партнерства не может эффективно функционировать по определению. Предлагая нам сегодня мыслить и поступать строго и исключительно рационально, некоторые современные «технологи» прекрасно сознают, что логи-

ческое мышление прозрачно и его структура прекрасно изучена. Значит в него можно вторгнуться и исказить программу, лишив человека возможности делать правильные умозаключения. Внеся хаос в логическую цепочку, манипулятор достигает очень многого: человек чувствует свою беспомощность и сам ищет поводыря. С помощью этих приемов у значительной части населения удастся отключить способность к структурному анализу сообщений и явлений — анализ сразу заменяется идеологической оценкой. Отсюда — кажущаяся чудовищной аморальность, двойные стандарты» [166, с. 113].

Таким образом, исключение массового субъекта из разработки правил и норм социального взаимодействия на первой фазе данного процесса порождает манипулирование как процесс внедрения разработанных узкой группой «экспертов» и бюрократов правил и норм в индивидуальное и массовое сознание. Однако, такая манипуляция порождает продолжение аномии, а именно — процесс отчуждения. При схожести оба термина все-таки имеют отличия. Аномия отражает субъективный аспект разрыва между общими и индивидуальными ценностями и нормами человеческого бытия. Отчуждение в большей степени отражает уже объективный характер такого разрыва. Объективный характер как раз и обусловлен превращением массового работника, рядового гражданина, обычного человека из субъекта социального творчества в его объект. «Тайна» трансформации аномии в отчуждение весьма проста. Об этом писал еще Г. Маркузе: «Интенсивность, способ удовлетворения и даже характер небиологических человеческих потребностей всегда были результатом *преформирования*» [236, с. 6]. Термин «*преформирование*» в понимании Г. Маркузе означает «предварительная обработка». Автор, употребляя данный термин, имел в виду то обстоятельство, что в условиях индустриального общества индивидуальные влечения, потребности и устремления формируются в предварительно заданном, «нужном» направлении. Проще говоря, манипуляция изначально становится возможной из-за разрыва в двух фазах организации процесса социального взаимодействия. Для предотвращения манипуляции можно, конечно, «различать истинные и ложные потребности». Как писал Г. Маркузе, «ложными» являются те потребности, которые навязываются индивиду особыми социальными интересами в про-

цессе его подавления: это потребности, закрепляющие тягостный труд, агрессивность, нищету и несправедливость. Их утоление может приносить значительное удовлетворение индивиду. Но это не то счастье, которое следует оберегать и защищать, поскольку оно сковывает развитие способности распознавать недуг и находить пути его излечения. В результате — эйфория в условиях несчастья. Большинство преобладающих потребностей (расслабляться, развлекаться, потреблять и вести себя в соответствии с рекламными образцами, любить и ненавидеть то, что любят и ненавидят другие) принадлежит к этой категории ложных потребностей» [236, с. 6–7].

Но, при всей справедливости данных рассуждений, необходимо не просто различать действительные и ложные потребности, а устранить разрыв между двумя фазами процесса социального взаимодействия. И сделать это можно только с помощью самоуправления. Потому что «чем более рациональным, продуктивным и технически оснащенным и тотальным становится управление обществом, тем труднее представить себе средства и способы, посредством которых индивиды могли бы сокрушить свое рабство и достичь собственного освобождения» [236, с. 9]. И, тем не менее, именно развитие института общественного самоуправления как способ преодоления разрыва между двумя фазами процесса социального взаимодействия (социального партнерства) способно это «рабство» сокрушить. Недооценивать инициативу и способности народных масс к социальному творчеству было бы крайне вредно. Сама история показывает многочисленные примеры такого продуктивного творчества. Так, возникновение такого социального института, как советы в начале XX в., подсказало будущую форму государственного устройства в Советской России. Развитие такого института, как киббуцы в Израиле, практически стерло существовавшие ранее глубокие различия в социально-экономическом положении жителей разных территорий. Эти и многие другие примеры свидетельствуют о том, что выход творческой энергии народа может быть конструктивным и полезным для всех нас. Отказ же от идеи самоопределения и самоуправления, от идеи привлечения широких масс к социальному нормотворчеству уже на первой фазе процесса социального взаимодействия переводит такое взаимо-

действие в контрпродуктивное русло социальных потрясений и конфликтов. Это истина, которая не требует каких-либо специальных комментариев.

Но необходимо учитывать, что «из самого понятия единой истины вовсе еще не вытекает необходимости одного и единого сознания. Вполне можно допустить и помыслить, что единая истина требует множественности сознаний, что она принципиально неместима в пределы одного сознания, что она, так сказать, по природе событийна и рождается в точке соприкосновения разных сознаний» [33, с. 52].

Тенденция к аномии социального сотрудничества может быть некоторым образом нивелирована и посредством компенсаторной функции культуры. Выделяя данную функцию (ее часто называют рекреативной) в системе социальной культуры, некоторые исследователи полагают, что благодаря данной функции могут быть созданы различные формы отвлечения индивида или определенных социальных групп от участия в тех или иных формах материальной или духовной деятельности [135, с. 229–230]. Однако, следует помнить, что данная функция играет вторичную роль и не снимает принципиальной задачи развития самоуправления и ликвидации разрыва между двумя основными фазами социального партнерства.

Следует отметить еще одну тенденцию в развитии феномена социального партнерства — его *партикуляризацию*. Изменение традиционных межклассовых или межсословных связей в разных обществах привело к оформлению новых изменчивых и, одновременно, достаточно размытых, а порой и просто пережиточных форм социальной идентичности. Принадлежность индивида к тому или иному социальному «артикулу» оказывается достаточно эфемерной. Ощущая себя бедным, студент вполне может пользоваться дорогостоящими или «статусными» товарами и услугами. Ощущая себя богатым, руководитель предприятия или государственный чиновник вполне могут вести скромный образ жизни, пользуясь ординарными товарами и услугами. Правда, мода выставить свое вещное богатство напоказ сменила сегодня характерную для советского периода нашей истории манеру распоряжения этим самым богатством, но это, вероятно, является проявлением компенсаторной функции культуры, когда за неимением лучшего

(высокой культуры, образованности, грамотности или нравственности) предлагают восхищаться тем, что есть.

Однако, партикуляризация феномена социального партнерства не сводится к утрате конкретными его субъектами ощущения своей конкретной социальной идентичности и принадлежности. Это явление имеет гораздо более широкий диапазон, в который включаются и конкретные изменения в самих социальных структурах современного общества. Так, Д. Белл, автор теории постиндустриального общества, отмечал, что если в индустриальном обществе ведущими лицами считались предприниматели (бизнесмены), то в условиях постиндустриального общества таковыми становятся специалисты («*меритократы*»), и ученые («*когнитариат*»). Дж. К. Гэлбрейт полагал, что ведущую роль в постиндустриальном обществе играют управленцы (*менеджмент*) и техноструктура (*олигополия*). В своих институциональных теориях (теория революции управляющих, теория олигополии, теория техноструктуры и др.) американский ученый особое внимание уделил анализу «*принципа совместимости*» в развитии социального взаимодействия. Он писал: «Отношение между обществом в целом и отдельной организацией должно быть совместимо с отношением этой организации к личности. Должна существовать совместимость целей общества, организации и личности. Должна также существовать совместимость мотивов, которые побуждают организации и отдельных лиц добиваться реализации этих целей» [111, с. 235]. Но принцип совместимости актуализируется только в совместной деятельности людей. А это условие внешне, формально как бы вступает в противоречие с общественным разделением труда, детерминирующим социальное взаимодействие. Прежние суждения о том, что «каждая кухарка может управлять государством» давно себя дискредитировали.

Здесь необходимо уточнить, что самоопределение, характеризующее первую фазу процесса социального партнерства и управление этим процессом на основе разработанных *сообща* «правил игры» — это две большие разницы. Еще Л. Н. Толстой справедливо отмечал: «Совершенно ясно, что выгоднее все делать сообща. Но рассуждения для этого недостаточно. Если бы рассуждения было достаточно, то это давно бы уже было. То, что это видно капиталистам, не может людей убедить

жить сообща. Кроме рассуждения о том, что это выгодно, надо, чтобы сердце было готово так жить (мировоззрение было такое, которое совпадало бы с указанием разума), а этого нет и не будет, пока не переменятся желания сердца, то есть мировоззрение людей» [359, с. 103].

В условиях же господства мотивов наживы, преобладания материальных интересов над духовными, как с горечью писал Л. Н. Толстой, «люди старательно свяжут себя так, чтобы один человек мог двигать ими всеми, потом веревку от этой своей связанной толпы отдадут кому попало. И удивляются, что им дурно. Удивительный обман. Люди сплачиваются, связываются сами собою перед опасностью для защиты. Но опасности нет никакой, и они продолжают связывать себя, и отдаются в руки тем, которые хотят властвовать» [359, с. 102]. Называя такую социальную связь «удивительным обманом», писатель имел в виду, что основанное на эгоизме и стремлении к обогащению социальное взаимодействие существовать сколько-нибудь долго не может. «Эгоизм, вся жизнь эгоистическая, законен только до тех пор, пока не проснулся разум; как скоро он проснулся, то эгоизм законен только в той мере, в которой он нужен, чтобы поддержать себя. Как орудие, нужное для служения людям. В том весь ужас, что его употребляют на служение себе» [369, с. 105].

В условиях шокового перехода от прежнего социального устройства в нашем обществе к новому, казалось, что стоит только отделить бюрократию от собственности, как исчезнет мотив эгоизма, как чиновничество станет патриотичным, законопослушным и эффективным. Но этого не случилось по той простой причине, что монополия на власть гораздо шире, чем феномен государственной собственности, которой ранее распоряжались чиновники.

Рассуждая об отделении власти как собственности от власти как функции, и о перспективах совмещения целей общества, организации и личности, Дж. К. Гэлбрейт без всяких сантиментов писал: «Власть — это способность одного человека или целой группы людей навязывать свои цели другим» [112, с. 126]. Что касается деятельности современных организаций (корпораций), то цели развитой корпорации являются отражением целей членов *техноструктуры*. А цели общества имеют тенденцию отражать цели корпорации» [112, с. 237].

И далее, рассматривая деятельность такой *техноструктуры* — олигополии, он прямо утверждает: «Общество — жертва. Олигополия безнравственна» [112, с. 159].

Данные суждения наиболее авторитетного представителя современной американской (нео) институциональной теории говорят сами за себя. Не цели корпорации отражают в современном американском обществе его, общества, цели, а как раз наоборот. Это высшая мера манипулирования общественным и индивидуальным сознанием, когда социальное партнерство, по своей сути, перерождается в социальное манипулирование.

В современном российском обществе такое совмещение целей власти, организации и личности оказывается чаще всего эфемерным. Например, когда в условиях дезиндустриализации экономики и низкого уровня жизни россиян предлагается модернизация экономической системы, возникает закономерный вопрос о «цене новации». До сих пор не просчитано, сколько именно средств понадобится для такой модернизации и как это конкретно отразится на положении рядовых граждан. Партикуляризм социального партнерства в данном контексте связан с размытостью наших представлений о сущности, характере, этапах и затратности предлагаемой новации. Поскольку современная власть в центре и на местах предлагает много чего нового (институционализация, интеграция, реструктуризация и т. д.), то растущий партикуляризм вызывает девальвацию самого феномена социального партнерства как ценности. Так, при колоссальном уровне преступности во многих странах мира бюрократия тратит колоссальные средства на «парадные» мероприятия, связанные с отвлечением внимания с насущных нужд на так называемые «статусные» и «имиджевые» вопросы. Эти действия свидетельствуют о несовместимости целей власти, локальных групп (корпораций) и рядовых граждан (наемных работников и т. д.). Результатом партикуляризации в этом плане может стать социальный взрыв.

Если говорить об уровне организации (локальная социализация), то здесь партикуляризм проявляется еще чаще. «Солидарности не возникает, если фирма попросту стремится к увеличению дохода и не претендует на какую-либо общественную роль. Отме-

тим, что если имущество корпорации расхищается ответственными за него людьми, это незамедлительно ведет к резкому падению нравов у административного и другого наемного персонала. Все понимают, что корпорация более не служит какой бы то ни было общественной цели» [111, с. 239]. Примеры с «Юкосом», недоплатившим в государственный бюджет миллиарды долларов налогов, или «Интеко», искусственно завышавшей расценки на свои товары и услуги, — яркое тому подтверждение. И это типичное явление. Следовательно, партикуляризм становится нормой времени. Размытость индивидуальных социальных и, что самое важное, нравственных ориентаций участников данной системы ведет к разрушению самой системы социального взаимодействия. Нельзя быть нравственным и честным в семье с детьми или своими родителями и при этом — бесчестным и подлым на работе, при исполнении своих профессиональных обязанностей. Такое расщепление деятельности и сознания представляет собой параноидальный синдром.

В связи с этим следует, по-видимому, признать, что реконструкция системы социального партнерства должна начинаться с личностного уровня. В процессе дошкольного, школьного и вузовского образования и воспитания необходимо выстроить некую общую систему ценностных приоритетов, которые определяли бы формирование будущего специалиста и гражданина. Понятно, что эта задача может быть решена даже не в рамках одного (нынешнего) поколения. Но необходимо прекратить политику разрушения системы образования и воспитания и сделать это успешно можно только через развитие общественного самоуправления и народного образования, которое в современных условиях находится в явном противоречии с целевыми установками современной бюрократической технотрактуры. Однако, не технотрактура корпорации (министерской или ведомственной) должна определять цели и содержание образования и воспитания в нашем обществе, а общественное самоуправление и социальные институты гражданского общества. Взятые в рамках общественного самоуправления, такие институты никогда не превратятся в корпорации закрытого типа, если будет устранен разрыв между двумя основными фазами самого процесса социального взаимодействия (социального партнерства). Отсю-

да можно сделать вывод о том, что одной из главных тенденций в развитии феномена социального партнерства сегодня является стремление подавляющей части населения к расширению и укреплению *экономической демократии*. И такая тенденция к расширению именно экономической, хозяйственной демократии вполне была в традициях русского общества. Так, земское движение в дореволюционной России свидетельствовало о стремлении общества к развитию и укреплению института народного представительства и о том, что такой социальный институт был необходим, свидетельствует спор между известными общественными и государственными деятелями С. Н. Трубецким и И. И. Петрункевичем, состоявшийся на Земском съезде в июле 1905 года. «Характерной чертой всего съезда было признание невозможности получить реформу сверху без нравственного давления широких народных масс» [209, с. 416].

Об укреплении института народного представительства для решения социально-экономических вопросов в стране в ноябре 2010 г. неоднократно говорил и Президент РФ Д. А. Медведев. Но, естественно, требуется уточнение самого понятия «экономическая демократия» и ее роли в развитии системы социального партнерства. Если сама система социального партнерства мыслится узко как взаимоотношения между представителями государства, бизнеса и рабочих, то никакой институт представительства обеспечить высокую эффективность данной системы не сможет. Если же система социального партнерства мыслится широко как система взаимоотношений между всеми ее участниками не только по сугубо хозяйственным вопросам, но и по вопросам политики, развития культуры и образования, частной сферы жизнедеятельности людей, то в таком случае институт представительства способен оказать существенное влияние на совершенствование и развитие данной системы.

Экономизация представлений о путях развития феномена социального партнерства обусловлена объективными и субъективными обстоятельствами. Среди объективных необходимо назвать хронически низкий уровень жизни россиян, существенную социально-экономическую дифференциацию в обществе, рост безработицы и т. д. Среди субъективных обстоятельств необходимо отметить трансформацию

индивидуального сознания и психологии граждан, их мировоззрения, связанных с рыночными отношениями и конкуренцией.

Ясно, что такая экономизация социального партнерства сама по себе вряд ли способна обеспечить социальный мир и устойчивое развитие общества. Скорее, ее можно рассматривать лишь как предварительный шаг на этом пути. И, тем не менее, даже по этой весьма локальной и первичной форме социального партнерства ведутся самые ожесточенные споры. А ведь исходный пункт и конечная цель современных социальных реформ заключаются в том, чтобы «настроить государственную власть на решение именно общественных, а не собственных проблем, т. е. реально включить демократические институты» [223, с. 105].

И здесь необходимо отметить остаточный (а не приоритетный) подход разных участников системы социального партнерства к вопросам развития демократии в целом, а экономической демократии в частности. Социально-философский аспект анализа экономической демократии состоит, прежде всего, в выявлении ее места в общей системе демократических преобразований. Демократия — это не что иное, как контроль общества за властью. В современных условиях в большей степени присутствует контроль власти за обществом. Следовательно, экономика «как концентрированное выражение политики» выражает некую социальную аберрацию, сложившуюся под влиянием разных эндогенных и экзогенных факторов.

Современные исследователи включают в понятие экономической демократии ряд важных компонентов:

- демократизацию отношений собственности в форме привлечения наемных работников к осуществлению прав владения и пользования;
- участие работников в управлении предприятиями как в форме предоставления им значительной производственной автономии, использования практики делегирования полномочий, так и привлечении их в высшие управленческие структуры предприятия;
- контроль со стороны наемных работников за деятельностью администрации;
- регулярное информирование работников о ситуации на предприятии;

- участие в использовании доходов в зависимости от прибыльности компании [357, с. 137].

Никто не оспаривает необходимости укрепления хозяйственной демократии. «Если демократия оправдана в управлении государством, тогда она должна быть оправдана также и в управлении хозяйственными предприятиями» [114, с. 83].

Однако, весь вопрос состоит в том, что конкретно понимать под хозяйственной демократией, и в том, кто определяет это содержание. Отечественные исследователи, рассматривая понятия «экономическая демократия», «хозяйственная демократия, основное внимание уделяют процессу участия наемных работников в управлении предприятиями. Реже, когда данное понятие рассматривается в контексте реализации прав собственности, владения предприятием самими работниками. И совсем редко в литературе встречается анализ указанных понятий с позиций самоуправления. При этом самоуправление на предприятиях отождествляется с экономической (хозяйственной) демократией.

Поэтому можно согласиться с мнением о том, что хотя демократизация общества и не снимает проблему самоорганизации, самоуправления, но смешивать эти понятия не стоит. «Ошибочно отождествлять самоуправление и демократизацию. Возможны случаи, когда самоуправление есть, а демократия отсутствует, или, наоборот, признаки демократии — налицо, а самоуправления нет» [251, с. 31].

Такого же мнения придерживается и А. В. Бугалин, который пишет: «Самоуправление в трудовом коллективе — это, прежде всего, система отношений между людьми, а не только демократические институциональные формы и механизмы» [59, с. 95].

Как видим, есть некая двойственность в понимании феномена демократии как в сфере хозяйственной деятельности людей, так и в целом. При этом сам термин *демократия* часто подменяется термином *демократизация*. Последний отражает лишь движение к некоему состоянию, тогда как первый термин обозначает конкретное состояние. Но состояние чего? Речь может идти лишь о социальных отношениях, а точнее — о системе социального взаимодействия. И тут напрашивается вопрос о том, насколько состояние демократии соответствует понятию социального партнерства.

Ряд зарубежных исследователей (П. Андерсон, М. Буравой, К. Маккарти и др.) изучают феномен социального партнерства в контексте глобальной трансформации института демократии и роста классовых конфликтов. По их мнению, феномен *демократии* не идентичен и даже не имманентен феномену *социального партнерства* не только в контексте соотношения «частное» — «общее», но и в контексте соотношения «форма» — «содержание» и «сущность» — «явление». Феномен социального партнерства, по мнению этих исследователей, возникает в результате появления идеологии определенного типа, своеобразной «маски», консолидирующей и координирующей коллективные действия и скрывающей под собой реальные экономические отношения и целенаправленную стратегию закрепления господства монополистического капитала в рамках западных стран.

Такая маскировка нарастающих социальных противоречий под лозунгами о социальном партнерстве призвана сформировать некие новые коды в качестве категорий мышления. Эти коды необходимы для маркировки маршрутов развития мышления в мифологическом поле. Иначе говоря, если нормальный человек не может логически возражать против необходимости развития института социального партнерства в обществе, то он не может и не должен критиковать и тех, кто эту идею формулирует. Даже если есть осознание неискренности, ханжества и мифотворчества со стороны таких идеологов.

Рассматривая феномен социального партнерства как некий код, с помощью которого осуществляется манипуляция сознанием людей, невольно приходишь к выводу о существовании некоей социальной магии, с помощью которых опредмечиваются беспредметности и, наоборот, распредмечиваются предметности. Магический характер такой манипуляции сознанием посредством мистификации социальной реальности (не важно, касается это только экономики или же выходит далеко за ее рамки) крайне опасен как для самих манипуляторов, так и для их жертв. Однако, если вдуматься в существо самого процесса, то он поддается аналитическому осмыслению и философской реконструкции. В реконструируемом процессе мифологизируемого мышления, осуществляющего виртуальные переходы от одной мифологемы к другой, можно вычлениить три конкретные операции, производимые

посредством бинарных оппозиций как единиц мышления. *Во-первых*, это совмещение бинарных оппозиций. *Во-вторых*, это инверсия мышления. *В-третьих*, это введение медиаторов, отвлекающих внимание от общего противоположения в пользу конкретных оппозиций.

Если переложить данную схему процессуальной троичности мифологизирующегося мышления на предмет социального партнерства, то ситуация оказывается просто парадоксальной. *С одной стороны*, социальное партнерство объявляется ценностью, поскольку способствует сближению людей и координации их деятельности. *С другой стороны*, социальное партнерство оказывается лишено ценностной определенности, поскольку выглядит как ренегатство, соглашательство, толерантность со стороны манипулянтов по отношению к манипулятограм. Дилемма «классовая борьба за свои законные интересы и непримиримость» — «социальное партнерство и соглашательство» до сих пор в каждом конкретном случае решается по-разному. До сих пор все еще крайне слабо исследованы вопросы о том, почему паттерны социального партнерства регулярно воспроизводятся на рынках труда и капитала и в рамках производственных отношений, и каким образом экономический базис общества влияет на отношения социального партнерства. Но акцент на феномен экономической демократии и попытки ее отождествления с феноменом социального партнерства отражают стремление к мистификации общественного и личного сознания и ухода от принципиального решения проблемы о солидарности и сотрудничестве в плоскость неких периферийных форм социального взаимодействия.

На наш взгляд, феномен социального партнерства представляет собой некую маску в контексте той социальной предметности, которую предлагается развивать и совершенствовать. Однако, было бы обманчивым считать, что маска может интерпретироваться сама по себе. «Маска не существует сама по себе. Она является не тем, что она изображает (отражает), а тем, что она трансформирует, т. е. выбирает не изображать» [203, с. 94].

Точно так же, как партнерство в сексе, лишенное любви, не может служить достаточным основанием для института семьи и брака, социальное партнерство, лишенное солидарности и сотрудничества, пред-

ставляется недостаточным условием для социального мира и устойчивого развития. Это лишь один из конкретно-исторических этапов на пути к решению глобальных задач совершенствования социального устройства общества. Но этот этап необходимо пройти.

* * *

Эффективное социальное партнерство является условием повышения динамики развития общества. Однако, различные модальности данного феномена (государственно-частное партнерство, локальное партнерство в рамках корпоративизма, межсословное и межклассовое партнерство и т. д.) в разной мере детерминируют динамику социокультурного развития социума и личности. Выделенные нами пять основных модусов феномена социального партнерства, отслеживаемые на шести социально онтологических уровнях, свидетельствуют о достаточно многообразной морфологии данного феномена, требующей своего дальнейшего предметного исследования.

Одним из важнейших факторов, препятствующих развитию и распространению института социального партнерства в нашем обществе, является бюрократизм, который превратился из некогда общественно-полезной (служебно-функциональной) основы разработки и реализации идеи социального партнерства в причину появления разных форм социального оппортунизма. Монополия на определение норм и правил социального партнерства в рамках первой фазы его генезиса обеспечивает административную ренту современной бюрократии вне зависимости от качества их деятельности. Способность к самовоспроизводству и наличие классовообразующих признаков превращает бюрократию в специфического социального субъекта, преследующего в рамках социального партнерства исключительно свои узкокорыстные цели и не имеющего необходимого мандата со стороны общества на выбор конкретных моделей такого партнерства.

Процесс повышения качества социального партнерства возможен только на условиях дебюрократизации в разработке норм и правил его осуществления и на основе широкого социального самоуправления. Тем самым создаются оптимальные возможности для формирования и развития субъектных способностей личности, продуктивной

активности широких масс людей, их привлечения к социальному творчеству (нормотворчеству).

Существующий до сих пор разрыв между двумя основными фазами процесса социального партнерства и неадекватность социальных ролей конкретных социальных образований в нем определяет возобладание в процессе его развития в основном негативных тенденций. В частности, выявлены такие негативные тенденции в развитии феномена социального партнерства в современном российском обществе, как нарастание аномии и социального отчуждения, партикуляризма и декларативности, неадекватности его знаковой и символической оформленности конкретным социальным процессам, происходящим в обществе, акцентуация на экономической демократизации социальных отношений в ущерб политическим и культурным аспектам. Среди положительных тенденций в развитии данного феномена необходимо отметить его постепенную адаптацию к социокультурным особенностям развития российского общества и дальнейшее наращивание темпов совершенствования контрактационной и правоприменительной практики в рамках развития институтов гражданского общества, правового и социального государства, хозяйственной демократии и народного представительства.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Для феномена социального партнерства характерна своя особая иерархия ценностных ориентаций и приоритетов. Будучи теоретическим порождением либерализма, феномен социального партнерства в своей первичной основе содержит идеалы свободы и равенства всех его участников. Тогда как абсолютные ценности человеческого бытия (духовность, справедливость, солидарность, сострадание, добро, красота и др.) оказываются на периферии в его структуре. С этим связана утрата главного условия эффективности социального партнерства — духовной доминанты в его организации и осуществлении.

В соответствии с поставленными в работе задачами нами выявлены основные подходы современной западной и отечественной социальной философии к анализу феномена социального партнерства. В общем, они свидетельствуют о достаточно широком плюрализме мнений, существенных различиях в трактовке социально-философской сущности исследуемого феномена. Однако, при всей их разности абсолютное большинство исследователей рассматривает социальное партнерство как определенный шаг на пути преодоления социальных конфликтов, как определенную (пускай и не идеальную) форму социального взаимодействия и консолидации общества в борьбе с теми угрозами и вызовами, с которыми оно встречается в начале XXI в. И с этим трудно не согласиться.

Социально-философское сущностное содержание феномена социального партнерства как специфической формы социального взаимодействия заключается в поиске наиболее оптимальных сценариев и схем социального поведения людей, координации и согласования целей, преследуемых различными социальными субъектами в процессе осуществления своей деятельности. Тем самым феномен социально-

го партнерства лежит в позитивной плоскости человеческого бытия и в качестве такового является ценностью, обеспечивающей прогрессивный характер социокультурной динамики, совершенствование системы социальных связей и самой культуры в целом.

Структура системы социального партнерства зависит от конкретно-исторических условий и особенностей того или иного социума. Выделенные в исследовании пять основных модусов и шесть социально-онтологических уровней функционирования системы социального партнерства в современном российском обществе представляются характерными именно для него. В любом ином социуме-этнотипе модальность может быть несколько иной, что предполагает дальнейшее исследование морфологии данного феномена с учетом процессов глобализации и интернационализации различных сфер жизнедеятельности современного человека.

Специфика нынешнего состояния системы социального партнерства в российском обществе отслежена авторами по различным линиям его развития (власть — личность, власть — общество, власть — бизнес, власть — бизнес, работник и т. д.). Особое внимание обращено на взаимоотношения между личностью и властью, поскольку именно эта плоскость в структуре социального партнерства наименее отрегулирована и вызывает наибольшие вопросы и конфликты. В связи с необходимостью включения этого уровня социальной онтологии в анализ феномена социального партнерства в работе формулируется тезис о недостаточности перехода к правовому государству, поскольку формирование правовых норм до сих пор остается в компетенции узкого круга социальных субъектов. Необходимо формирование социального государства, которое представляет собой органичное сочетание институтов представительной и прямой демократии, обеспечивающее органичность и самой системы социального партнерства. На данном этапе своего развития данная система остается дискретной, слабо организованной и во многих отношениях контрпродуктивной.

Имманентность феномена социального партнерства принципам солидарности и сотрудничества, коллективизма, на основе которых само социальное партнерство может быть наиболее эффективным, обосновывается автором с помощью анализа того аксиологического поля,

в котором возникают и развиваются различные формы социального партнерства. Наличие в основании системы социального партнерства ряда универсальных принципов человеческого общежития (принцип эквивалентного обмена результатами деятельности, золотого правила этики, принципа сохранения и продолжения жизни, принципа общественного договора и проч.) позволяют рассматривать социальное партнерство в качестве переходной формы от одних менее развитых форм социального взаимодействия к другим, более высокоорганизованным и эффективным. В такой трактовке феномена социального партнерства снимается значительная часть противоречий между его сторонниками и критиками, поскольку процесс приближения к более совершенным формам социального взаимодействия предполагает нахождение некоего консенсуса, наличие общего стремления к решению данной проблемы или то, что И. А. Ильин называл «волей к совершенству», «духовным деланием».

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Абалкин Л. И. К самопознанию России. М., 1995.
2. Абдеев Р. Ф. Философия информационной цивилизации. М.: Владос, 1994.
3. Абрамов А. И. Метафизика любви и философия сердца в русской философской культуре // Философия любви: в 2 т. М., 1990. Т. 1.
4. Абульханова-Славская К. А. Деятельность и психология личности. М., 1980.
5. Абовин-Егидес П. М. Философия самоуправления. М., 1997.
6. Агацци Э. Человек как предмет философии // Вопросы философии. 1989. № 2.
7. Ажимов Ф. Е. Онтолого-метафизические проекты современной западноевропейской философии // Вопросы философии. 2007. № 9.
8. Алашеев С., Варшавская Е., Карелина М. Занятость и поведение домохозяйств: адаптация к условиям перехода к рыночной экономике в России. М., 1998.
9. Алексеева Е. Ю. Институционализация взаимоотношений власти, бизнеса и общества в современной России: автореф. дис. ... канд. социол. наук. М., 2008.
10. Ален (Э. О. Шартье). Суждения: пер. с фр. М.: Республика, 2000. 399 с.
11. Андреев Ю. П. Социальные институты // Философская жизнь Урала. Проблемы общей и социальной онтологии / под ред. В. И. Кашперского. Екатеринбург: УГТУ-УПИ, 1999. С. 164–179.
12. Анохин П. К. Философские аспекты теории функциональных систем. М., 1988.
13. Ансофф И. Стратегическое управление: пер. с англ. М.: Экономика, 1989. 519 с.
14. Антропология социального творчества / под ред. К. П. Стожко. Екатеринбург: ИД «Стягъ», 2011.
15. Анцыфирова Л. А., Соснин В. А. Идентификация // Российская социологическая энциклопедия. М., 1998.

16. *Апресян Р. Г.* Вид на профессиональную этику // *Общепрофессиональная этика. Ведомости. Вып. 25* / под ред. В. И. Бакштановского, Н. Н. Карнаухова. Тюмень: НИИ ПЭ ТГНГУ, 2004.
17. *Апресян Н. Г.* Добро и польза // *Этическая мысль: Науч.-публиц. чтения* / общ. ред. А. А. Гусейнова. М., 1992.
18. *Аристотель.* Никомахова этика / *Аристотель. Сочинения: в 4 т.* М.: Мысль, 1984. Т. 4.
19. *Арлычев А. Н.* Качественный аспект мира и его познание. М.: Наука, 2001.
20. *Арон Р.* Этапы развития социологической мысли: пер. с фр. М., 1992.
21. *Аронов Р. А.* Об основах «нового способа мышления» о явлениях природы // *Вопросы философии.* 2001. № 5.
22. *Асеев В. Г.* Мотивация поведения и формирование личности. М.: Мысль, 1976.
23. *Аузан А.* Социалистическое самоуправление в экономике. М.: Политиздат, 1987.
24. *Ахиезер А.* Россия: Критика исторического опыта. Новосибирск: ИД «Сибирский хронограф». 1997.
25. *Багрова Е. В.* Феномен межчеловеческого взаимопонимания в условиях социокультурного многообразия современного Севера: автореф. дис. ... канд. филос. наук. Тюмень, 2007.
26. *Бакштановский В. И., Согомонов Ю. В.* Прикладная этика: идея, основания, способ существования // *Вопросы философии.* 2007. № 9. С. 39–49.
27. *Бакштановский В. И., Согомонов Ю. В.* Этика и этос воспитания. Тюмень: НИИ ПЭ ТГНГУ, 2002.
28. *Бакшуттов В. К.* Философская антропология. Екатеринбург: УрГУ, 1998.
29. *Барулин В. С.* Социальная философия: в 2 ч. М. 1993.
30. *Барулин В. С.* Социально-философская антропология. М., 1994.
31. *Барулин В. С.* Социально-философская антропология: Общие начала социально философской антропологии. М.: Онега, 1994.
32. *Бастиа Ф.* Экономические гармонии. Избранное: пер. с фр. М.: ЭКСМО-Пресс, 2007. 1200 с.

33. *Бахтин М. М.* Проблемы творчества Достоевского // *Махлин В. Л.* Михаил Бахтин: Философия поступка. М., 1990.
34. *Белоцерковский В.* Самоуправление. Будущее человечества или новая утопия. М., 1992.
35. *Бердяев Н. А.* Философия неравенства. Письма к недругам по социальной философии // *Русская философия собственности XVIII–XX вв.* СПб.: Ганза, 1993.
36. *Бердяев Н. А.* Самопознание. Опыт философской автобиографии. М.: Мысль, 1991. 421 с.
37. *Бердяев Н. А.* Судьба человека в современном мире // *Новый мир.* 1990. № 1.
38. *Бердяев Н. А.* Философия свободы. Смысл творчества. М., 1989.
39. *Бердяев Н. А.* Смысл творчества // http://www.vusnet.ru/biblio/archive/berdjaev_smisl
40. *Березин С. Л.* Самоутверждение и его роль в нравственном воспитании личности: автореф. дис. ... канд. филос. наук. Свердловск, 1973.
41. *Берви-Флеровский В. В.* Избранные экономические произведения: в 2 т. Т. 1. М., 1958.
42. *Бернацкий В. О.* Человек, его ценностные ориентации // *Становление человека как субъекта социального творчества: монограф. исследование. Материалы философ. Секции Всерос. науч.-практ. конф. «Общество. Экономика. Труд. Культура. Человек.* Омск. 1997.
43. *Бессонов Б. Н.* Методологическое своеобразие социально-гуманитарного знания. М.: МГУК, 1999.
44. *Бессонова О. Э.* Вектор институционального развития России: от квазирынка к либеральному раздатку // *Экономическая социология.* 2008. Т. 9. № 2.
45. *Библер В. С.* Мышление и творчество. Введение в логику мысленного диалога. М., 1975.
46. *Бине А.* Введение в экспериментальную психологию: пер. с фр. СПб.: Типография Сойкина, 1985.
47. *Блауг М.* Экономическая мысль в ретроспективе: пер. с англ. М.: Дело-ЛТД, 1994.
48. *Богданов А. А.* Тектология. Всеобщая организационная наука: в 2 т. М.: Экономика, 1989.

49. *Богданов А. А.* Вопросы социализма: Работы разных лет. М.: Политиздат, 1990.

50. *Богданов А. А.* Эмпириомонизм: Статьи по философии. М.: Республика, 2003. 400 с.

51. *Боднар Э. Л., Бауэр Е. Я.* Исследование психологической предрасположенности личности к конфликтам // Психологический вестник Уральского государственного университета. Вып. 8. Екатеринбург: Урал. ун-т, 2009.

52. *Бойко Е. И.* Механизмы умственной деятельности: Динамические временные связи. М., 1976.

53. *Бородай Ю. М.* Эротика — смерть — табу. Трагедия человеческого сознания. М., 1996.

54. *Бубер М.* Два образа веры. М.: АСТ, 1999. 464 с.

55. *Бубер М.* Проблема человека. М., 1992.

56. Буддизм. Четыре благородных истины. М.: ЭКСМО-Пресс; Харьков: Фолио, 1999. 992 с.

57. *Будкина Е. К.* Социальная ответственность в системе управления российскими корпорациями: автореф. дис. ... канд. социол. наук. М., 2006.

58. *Будева Л. П.* Комплексные проблема человека. М., 1989.

59. *Бузгалин А. В.* Переходная экономика. Курс лекций по политической экономии. М.: МГУ, 1994.

60. *Бузгалин А.* Противоречия самоуправления, централизма и самостоятельности в плановом хозяйстве. М.: МГУ, 1988.

61. *Букалов А. В., Карпенко О. Б., Чикирисова Г. В.* О распределении соционических типов в различных производственных коллективах // Соционика, ментология и психология личности. 2000. № 1. С. 1–23.

62. *Булгаков С. Н.* Философия хозяйства. М.: Наука, 1990.

63. *Булгаков С. Н.* Свет невечерний. Созерцания и умонастроения. М., 1917.

64. *Булгаков С. Н.* Героизм и подвижничество: Из размышлений о религиозной природе русской интеллигенции // Вехи; Интеллигенция в России. Сб. ст. 1909–1910. М., 1991.

65. *Бутаков А. В.* Социальное самоуправление: сущность, основные черты // Становление человека как субъекта социального твор-

чества: материалы Всероссийской научно-практической конференции. Омск, 1997.

66. Бьюкенен Дж. Политика без романтики // Вехи экономической мысли: в 5 т. Экономика благосостояния и общественный выбор. Т. 4. СПб.: «Экономическая школа». 2007.

67. Бьюкенен Дж. Границы свободы. Между анархией и Левиафаном // Нобелевские лауреаты по экономике. М.: Парус Альфа, 1977.

68. Бьюкенен Дж. Смерть Запада: пер. с англ. М.: АСТ, 2003.

69. Васильев Л. С. Феномен собственности — власти. К проблеме типологии докапиталистических структур / В кн.: Типы общественных отношений на Востоке в средние века. М., 1992.

70. Вебер М. Образ общества / Вебер М. Избранное: пер. с нем. М.: «Акад. книга», 1994.

71. Вебер М. Протестантская этика и дух капитализма: пер. с нем. М.: Наука, 1990.

72. Веблен Т. Теория праздного класса: Экономическое изучение институтов. пер. с англ. М.: Прогресс, 1990.

73. Венедиктова В. И. О деловой этике и этикете. М.: Фонд «Правовая культура», 1994.

74. Ветошкин А. П., Стожко К. П. Философия экономики. Екатеринбург: Урал. ун-т, 2001. 334 с.

75. Витаньи И. Общество. Культура. Социология. пер. с венг. М., 1984.

76. Витгенштейн Л. Логико-философский трактат: пер. с англ. М., 1958.

77. Вишневский Ю. Р., Ковалёва А. И., Луков В. А., Ручкин Б. А., Шапко В. Т. Практикум по социологии молодежи. М., 2000.

78. Войскунский А. Е. Я говорю, мы говорим: Очерки о человеческом общении. М.: Знание, 1990.

79. Всемирная энциклопедия философии / под ред. А. А. Грицанова. М.: АСТ, 2001.

80. Вышеславцев Б. Русский национальный характер // Русский мир: сборник. М.: ЭКСМО-Пресс; СПб.: «Terra Fantastica», 2003. С. 621–640.

81. Вышеславцев Б. П. Сердце в христианской и индийской мистике // Вопросы философии. 1990. № 4.

82. Гаинуллина Ф. И. Становление системы социального партнерства в республике Татарстан (политологический анализ): автореф. дис. ... д-ра п. н. М., 1999.

83. Гаджиев К. С. Опыт введения в политологию // Полис. 1992. № 1/2.

84. Гегель Г. В. Ф. Феноменология духа // Сочинения: в 14 т. М., 1959. Т. 4.

85. Гегель Г. В. Ф. Энциклопедия философских наук: в 3 т. М. 1975–1977. Т. 1 // Гегель Г. Работы разных лет: в 2 т. Т. 2. М., 1973. С. 65.

86. Гегель Г. В. Ф. Наука логики: в 3 т. М., 1971.

87. Генкин Б. М. Экономика и социология труда. М.: Норма, 1998.

88. Гладышев В. И. Компенсаторное общение. Екатеринбург: УрГУ, 1999.

89. Голенко З. Т., Витюк В. Т., Черных А. Н. Гражданское общество в России: теория, история и современность // Социальное расслоение и социальная мобильность. М., 1999.

90. Гольбах П. А. Избранные произведения: в 2 т. М.: Политиздат, 1963. Т. 1.

91. Гончаров С. З. От технической цивилизации к культуре // Экономика и культура: Межвуз. сб. науч. тр. Екатеринбург: УрГУ, 2000. С. 408–420.

92. Гончаров С. З. Воспитание инженеров-педагогов как субъектов социального творчества // Формирование инженерно-педагогических кадров: Воспитание творчеством. Свердловск.: СИПИ, 1989. С. 4–19.

93. Гончаров С. З. Логика мышления и аксиология сердца. Екатеринбург: РГППУ, 2006. 460 с.

94. Гордон Л. А. Социальная адаптация в современных условиях // Социс. 1994. № 8/9.

95. Горшков М. Российское общество в условиях трансформации (социологический анализ). М., 2000.

96. Государство и бизнес: институциональные аспекты. М., 2006.

97. Государственно-частное предпринимательство в образовании: сборник / науч. ред. О. П. Молчанова, А. Я. Лившиц. М.: КДУ, 2009.

98. Готлиб А. С. Социально-экономическая адаптация россиян: опыт сочетания количественной и качественной методологии в отдельно взятом исследовании // Социология. М., 2000. № 12.

99. Григорьев А. В. Антропология: От организмов к техносфере. М.: Либроком, 2009. 480 с.
100. Григорян Б. Т. Философская антропология: Краткий очерк. М.: Мысль, 1982.
101. Громыко Ю. В. Деятельностный подход: новые линии исследований // Вопросы философии. 2001. № 2.
102. Гуленко В. Менеджмент слаженной команды. М.: Астрель, 2005. 110 с.
103. Гумилев Л. Н. Конец и вновь начало. М.: Современник, 1994.
104. Гуревич П. С. Философия культуры. М.: МГУ, 1994.
105. Гуревич П. С. Философская антропология. М., 1997.
106. Гусейнов А. А., Апресян Р. Г. Этика. М., 1998.
107. Гусейнов А. А. Золотое правило нравственности. М.: Мысль, 1982.
108. Гусейнов А. А. Мораль и насилие // Вопросы философии. 1990. № 5.
109. Гусейнов А. А. Сослагательное наклонение морали // Вопросы философии. 2001. № 5.
110. Гуссерль Э. Кризис европейских наук и трансцендентальная философия // Вопросы философии. 1992. № 7.
111. Гэлбрейт Дж. К. Новое индустриальное общество: пер. с англ. М.: АСТ, 2004. 602 с.
112. Гэлбрейт Дж. К. Экономические теории и цели общества. М.: Прогресс, 1979.
113. Давыдов Ю. Н. Введение. Стабилизационное сознание в век кризиса: его основополагающие категории // История теоретической социологии. Т. 4. М., 1997.
114. Даль Р. А. Введение в экономическую демократию. М.: Наука, 1991.
115. Декарт Р. Избранные философские произведения. М., 1963.
116. Делез Ж. Логика смысла: пер. с фр. М., 1995.
117. Дельгадо Х. Мозг и сознание: пер. с фр. М., 1971.
118. Денисова Л. В. Догматическое обоснование метафизических систем. Омск, 1999.
119. Деркач А. А., Кузьмина Н. В. Акмеология: Пути достижения вершин профессионализма. М.: РАУ, 1993.

120. Долгов К. М. От Кьеркегора до Камю: Очерки европейской философско-этической мысли XX века. М., 1990.

121. Достоевский Ф. М. Дневник писателя. Избранные страницы. М., 1989.

122. Древнекитайская философия: в 2 т. Т. 1. М., 1972.

123. Дробницкий О. Проблемы нравственности. М., 1977.

124. Дробышев А. А. Противоречивость социальных основ гуманизма // Становление человека как субъекта социального творчества. Монограф. исследование. Материалы философ. Секции Всерос. науч.-практ. конф. «Общество. Экономика. Труд. Культура. Человек. Омск, 1997.

125. Дубко С. Л. Социальная справедливость // Этическая мысль: Науч.-публицистические чтения. М., 1988.

126. Дубнов А. П., Дубовцев В. А. Философия преступности. Екатеринбург: ИД «Ява», 1999.

127. Дьюи Дж. Цели и средства // Этическая мысль: Научно-публицистические чтения. М., 1992.

128. Дьюи Дж. Реконструкция в философии. Проблемы человека: пер. с англ. М.: Республика, 2003. 494 с.

129. Дюркгейм Э. О разделении общественного труда: пер. с фр. М.: Фолис, 2000.

130. Дюркгейм Э. Самоубийство: Социологический этюд / пер. с фр. с сокр.; под ред. В. А. Базарова. М.: Мысль, 1994.

131. Евангелие (от Матфея). М: ИД «Очарованный странник», 2005.

132. Европейская социальная хартия. Страсбург, 1996.

133. Европейский твиннинг: «Сохранение памятников истории и культуры на основе государственно-частного партнерства». Кн. 1. М.: Дипак, 2007.

134. Емельянов Б. В., Новиков А. И. Русская философия серебряного века. Екатеринбург: УрГУ, 1995.

135. Ерасов Б. С. Социальная культурология. М.: Аспект-Пресс, 1996. 591 с.

136. Ершов Ю. Г. Право, государственная служба и проблемы модернизации российского общества // Философская жизнь Урала. Проблемы общей и социальной онтологии. Екатеринбург: УГТУ-УПИ, 1999.

137. *Ефимова С. В.* Правдоискательство как феномен культуры // Культура и цивилизация: матер. всерос. науч.-практ. конф. Екатеринбург, 2001.
138. *Ефрем Сирий Преподобный.* Избранные творения. М.: Сретенский монастырь, 2006.
139. *Жид Ш.* Основы политической экономии. М.: «Кооперативный мир», 1918.
140. *Зборовский Г. Е.* Общая социология. Курс лекций. 2-е изд., доп.. Екатеринбург, 1999.
141. *Зеньковский В. В.* История русской философии: в 2 т. Ростов н/Д.: Феникс, 1999.
142. *Злобин Н. С.* Культура и духовное производство // Проблемы теории культуры. М., 1980.
143. *Зонди Л.* Учебник экспериментальной диагностики побуждений. Кишинева, 1995
144. *Зомбарт В.* Буржуа. Этюды по истории духовного развития современного экономического человека: пер. с нем. М.: Раритет, 1994. 320 с.
145. *Иванов С. А.* Социальное партнерство как феномен цивилизации. М., 2002.
146. *Иванчук Н. В.* Технологии зла в манипуляторной деятельности. Екатеринбург: Полиграфист, 2000.
147. *Ильенков Э. В.* Диалектическая логика. М.: Политиздат, 1984.
148. *Ильенков Э. В.* Философия культуры. М., 1991.
149. *Ильин И. А.* Путь к очевидности: Сочинения. М.: ЭКСМО-Пресс, 1998. 912 с.
150. *Ильин И. А.* Основы христианской культуры // Ильин И. А. Собр. соч.: в 10 т. Т. 1. М., 1993.
151. *Ильин И. А.* Философия как духовное делание // Собр. соч.: в 10 т. Т. 3. М., 1994.
152. *Ильин И. А.* Философия как духовное делание // Русская философия. Конец XIX — начало XX века. СПб.: С.-Петербургский ун-т, 1993.
153. *Ильин И. А.* Аксиомы религиозного опыта // Собр. соч.: в 10 т. Т. 1. М., 1993.
154. *Ильин И. А.* О чувстве ответственности // Ильин И. А. Наши задачи: в 2 т. Т. 2. М., 1992.

155. Ильин И. А. О частной собственности // Русская философия собственности. XVIII–XX вв. СПб.: Ганза, 1993.
156. Институциональная экономика / под ред. А. Олейника. М.: Инфра-М, 2005. 704 с.
157. Иоанн, митрополит. Одоление смуты. Слово к русскому народу. СПб., 1995.
158. Иоанн, митрополит. Русская симфония. СПб., 2002.
159. Ионин Л. Г. Масса и власть сегодня (актуальность Э. Канетти) // Вопросы философии. 2007. № 3. С. 3–14.
160. Исаев А. А. Артели в России // Антология социально-экономической мысли в России: дореволюционный период. СПб.: РХГИ, 2000.
161. Каменских Н. В., Стожко К. П. Русское хозяйство: Философский аспект анализа. Екатеринбург: Урал. ун-т, 1999
162. Камю А. Миф о Сизифе. Эссе об абсурде // Ницше Ф., Фрейд З., Фромм Э., Камю А., Сартр Ж.-П. Сумерки богов. М., 1989.
163. Камю М. Бунтующий человек: пер. с фр. М.: Политиздат, 1999.
164. Кант И. Критика чистого разума / Кант И. Сочинения: в 6 т. М., 1965. Т. 3.
165. Кант И. Трактаты и письма. М.: АН СССР, 1980.
166. Кара-Мурза С. Г. Манипулирование сознанием. М.: ЭКСМО-Пресс, 2005.
167. Карнеги Д. Как завоевывать друзей и оказывать влияние на людей: пер. с англ. М.: Прогресс; Минск: Полымя, 1990. 670 с.
168. Карсавин Л. П. Пролегомены к изучению личности // Русская философия. Конец XIX — начало XX вв. СПб.: С.-Петербург. ун-т, 1993.
169. Карсавин Л. П. Философия истории. СПб., 1993.
170. Кассирер Э. Философия Просвещения. М., 2004.
171. Касьянова К. О русском национальном характере. М., 1994.
172. Категории диалектики: Теоретико-методологические проблемы / под ред. И. Я. Лойфмана, В. В. Кима. Екатеринбург: УрГУ, 2003. 255 с.
173. Качество жизни: диалектика духовного и социального / под ред. К. П. Стожко. Екатеринбург: Урал. ин-т бизнеса, 2007. 653 с.
174. Кашницкий С. Е. Руководство по практической соционике: шестнадцать граней социона. М.: Астрель, 2003.

175. *Келле В., Ковальзон М.* Формы общественного сознания. М., 1959.

176. *Ким В. В.* Знаковая ситуация и процесс общения / *Философская жизнь Урала. Проблемы общей и социальной онтологии.* Сб. науч. тр. / под ред. В. И. Кашперского. Екатеринбург: Урал. тех. ун-т УГТУ-УПИ, 1999.

177. *Кирдина С. Г.* X — эффективность и X — экономика: синтез теоретических подходов // *Экономический вестник Ростовского государственного университета*, 2007. Т. 5. № 2.

178. *Клини С.* Введение в метаматематику. М.: Иностран. лит-ра, 1957.

179. *Коган Л. Н.* Цель и смысл жизни человека. М.: МГУ, 1984.

180. *Коган Н. Л.* Теория информационного взаимодействия: Философско-социологические очерки. Новосибирск, 1991.

181. *Козлова Н. Н.* Средства коммуникаций и общественные отношения: грани взаимодействия // *Философские науки*. 1990. № 9.

182. *Коломак А. И.* Свобода и ответственность в современном мире: автореф. дис. ... канд. филос. наук. Ставрополь. 2006. 22 с.

183. *Конфуций.* Уроки мудрости. Сочинения. М.: ЭКСМО-Пресс; Харьков: «Фолио», 1998. 958 с.

184. *Конева Л. А., Конева А. В.* Антропологические идеи в русской религиозной философии. Самара: СамГУ, 1995.

185. Конкуренция и труд. Теоретико-экономические и социально-философские аспекты: колл. монография / под ред. М. В. Федорова. Екатеринбург: Стягъ, 2010. 351 с.

186. Конкуренция и ответственность. История. Теория. Практика: монография / под ред. К. П. Стожко. Екатеринбург: Урал. ун-т, 2010. 592 с.

187. *Кочеткова Л. Н.* Социальное государство: консервативный проект Лоренца фон Штейна / Россия: путь к социальному государству. материалы Всероссийской научной конференции (Москва, 6 июня 2008 г.). М.: Научный эксперт, 2008.

188. *Кравченко А. И.* Социология Макса Вебера: Труд и экономика. М.: ИД «На Воробьевых», 1997.

189. *Кропоткин П. А.* Этика. Избранные труды. М.: Республика, 1991.

190. *Кругман П.* Великая ложь. Сбиваясь с пути на рубеже нового века: пер. с англ. М.: «АСТ». 2004. 474 с.

-
191. Кузнецов П. А. Адаптация как функция развития личности. Саратов, 1991.
192. Культура, нравственность, религия. Материалы круглого стола // Вопросы философии. 1989. № 11.
193. Культура социальной ответственности: Теория и практика / под ред. К. П. Стожко. Екатеринбург: Уральский институт бизнеса. 2009. 530 с.
194. Кун Т. Структура научных революций: пер. с англ. М.: АСТ, 2002. 608 с.
195. Кун С. Структура научных революций: пер. с англ. М., 1975.
196. Курц П. Запретный плод. Этика гуманизма: пер. с англ. М.: Гнозис, 1993. 240 с.
197. Кьеркегор С. Страх и трепет: пер. с дат. М., 1993.
198. Лавров И. В. Понимание и менталитет в экономическом поведении // Известия Урал. гос. ун-та. 2004. № 9.
199. Лангер С. Философия в новом ключе: пер. с фр. М.: Республика, 2000. 287 с.
200. Лапшин И. И. Философия изобретения и изобретение в философии. М.: Республика, 1999. 399 с.
201. Латфуллин Г. Р. Развитие самоуправления хозяйствующих организаций: автореф. дис. ... д-ра эконом. наук. М., 1995.
202. Левада Ю. Координаты человека. К итогам изучения «Человека советского» // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2001. № 1
203. Леви-Строс К. Путь масок: пер. с фр. М.: Республика, 2000. 399 с.
204. Леви-Строс К. Структурная антропология: пер. с фр. М., 1983.
205. Леви-Строс К. Первобытное мышление: пер. с фр. М.: Республика, 1999. 392 с.
206. Левицкий Л. Не благотворительность, а социальная ответственность // www.russia-today.ru / 2007 / no 07 / 07 society. htm.
207. Лейнг Р. Разделенное «Я»: пер. с англ. М., 1994.
208. Ленин В. И. Полное собрание сочинений. М.: Политиздат, 1962.
209. Леонтович В. В. История либерализма в России. 1762–1914 гг. М.: Русский путь, 1995.

210. Леонтьев А. Н. Деятельность. Сознание. Личность. М., 1975.
211. Либоракина М., Флямер М., Якимец В. Социальное партнерство. Заметки о формировании гражданского общества в России. М.: Школа культурной политики, 1996.
212. Литвак М. Е. Командовать или подчиняться? Психология управления. Ростов н/Д: Феникс, 1997. 288 с.
213. Литвиненко И. Ю. Мотивационные типологические установки // Соционика, ментология и психология личности. 2001. № 4.
214. Лосев А. Ф. Знак, символ, миф. М.: Мысль, 1982.
215. Лойфман И. Я. Основополагающие определения сущего // Философская жизнь Урала. Проблемы общей и социальной онтологии. Альманах. Екатеринбург: УрГУ, 1996.
216. Лойфман И. Я. Мировоззренческие штудии. Екатеринбург: УрГУ, 2001.
217. Лосский Н. О. Бог и мировое зло. М.: Республика, 1994. 432 с.
218. Лосский Н. О. Условия абсолютного добра. М.: Политиздат, 1991. 368 с.
219. Лосский Н. О. Чувственная, интеллектуальная и мистическая интуиция. М.: Республика, 1995. 400 с.
220. Лук А. Н. Психология творчества. М.: Наука, 1979.
221. Луман Н. Формы помощи в процессе изменения общественных условий // Социологический журнал. 2000. № 1/2. С. 16–35.
222. Лупьян Я. А. Барьеры общения — стрессы. Ростов н/Д, 1991.
223. Львов Д. С., Овсиенко Ю. В. О основных направлениях социально-экономических преобразований // Экономическая наука современной России. 1999. № 3.
224. Любутин К. Н., Пивоваров Д. В. Диалектика субъекта и объекта. Екатеринбург: Урал. ун-т, 1993. 490 с.
225. Любутин К. Н. Философия в современном мире // Двенадцать лекций по философии. Екатеринбург: УрГУ, 1996.
226. Макиавелли Н. Государь: пер. с ит. М.: Гослитиздат, 1934.
227. Макиавелли Н. История Флоренции. 2-е изд. М.: Наука, 1987. 448 с.
228. Мамардашвили М. К. Проблема человека в философии / О человеческом в человеке. М., 1994.

229. *Мамут Л. С.* Политико-правовое учение Гоббса // История политико-правовых учений. М., 1996.

230. *Маркарян Э.* Системные исследования человеческой деятельности // Вопросы философии. 1972. № 10.

231. *Маркарян Э. С.* О генезисе человеческой деятельности и культуры. Ереван: АН АССР, 1973.

232. *Маркс К., Энгельс Ф.* наброски к критике политической экономии // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. Т. 1. М., 1955.

233. *Маркс К.* Тезисы о Фейербахе // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. Т. 3. М., 1955.

234. *Маркс К.* Экономико-философские рукописи 1844 года // Сочинения. 2-е изд. Т. 42. М., 1962.

235. *Маркс К.* Немецкая идеология // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 3. М., 1955.

236. *Маркузе Г.* Одномерный человек: Исследование идеологии Развитого Индустриального Общества: пер. с англ. М.: «Reefl-book», 1994. 368 с.

237. *Марцева Л. М.* Труд в контексте российской цивилизации. Омск: ОмГУПС, 2002.

238. *Маршалл А.* Принципы экономической науки. М.: Прогресс, 1993.

239. *Маршев В. И.* История управленческой мысли: учебник. М.: МГУ, 2005. 731 с.

240. *Маслоу А.* Теория человеческой мотивации. СПб.: Евразия, 1999.

241. *Матвеева А. И.* Факторы и проблемы социальной адаптации молодых специалистов в Свердловской области / Образование как фактор социализации: проблемы современности: монография / под ред. Гребенщикова. М.: Спутник, 2010.

242. *Махлуп Ф.* Производство и распространение знаний в США: пер. с англ. М.: Прогресс, 1966.

243. *Мертон Р.* Социальная теория и социальная структура // Социологические исследования. 1992. № 2.

244. *Мертон Р. К.* Социальная структура и аномия: Социальная теория и социальная структура // Социс. 1992. № 2–4.

245. *Мерцалов В.* Логика антропогенеза. Происхождение человека еще не завершено. М.: Алетейя, 2008. 296 с.
246. Методологическое основание социально-гуманитарного знания / под ред. Б. Н. Бессонова. М.: МГУК, 1999. 120 с.
247. *Мизес Л. фон.* Человеческая деятельность. Трактат по экономической теории: пер. с нем. Челябинск: Социум, 2005. 878 с.
248. *Милль Дж. С.* Основы политической экономии: в 3 т. М.: Прогресс, 1980–1981.
249. *Мирошников Ю. И.* Аксиологическая структура социокультурной коммуникации. Екатеринбург: Банк культурной инициативы, 1998. 160 с.
250. *Мирзоян Г. В.* Социальное партнерство в российском обществе. автореферат дис. ... д-ра филос. наук. Ростов н/Д, 2010.
251. *Михеев В. А.* Основы социального партнерства: теория и политика: учебник для вузов. М.: Экзамен, 2001.
252. *Моль А.* Социодинамика культуры: пер. с англ. М.: Прогресс, 1973.
253. *Моторина Л. Е.* Философская антропология. М.: Академический Проект, 2009. 270 с.
254. Мудрость тысячелетий. Энциклопедия. М.: Олма-Пресс, 2006.
255. *Мунье Э.* Манифест персонализма: пер. с фр. М.: Республика, 1999. 559 с.
256. *Мур Дж. Дж.* Природа моральной философии: пер. с англ. М.: Республика, 1999. 351 с.
257. *Муслумов Р. Р.* Психологические механизмы развития правового сознания личности // Проблемы формирования и развития образовательного потенциала современной России. Материалы Всероссийской научно-практической конференции. Шадринск: ШГПИ, 2010.
258. *Налимов В. В.* Спонтанность сознания. Вероятностная теория смыслов и смысловая архитектура личности. М.: Академический проект, 2010. 399 с.
259. *Налчаджан А. А.* Социально-психологическая адаптация личности (формы, схемы, стратегии). Ереван, 1988.
260. *Наумова Н. Ф.* Социологические и психологические аспекты целенаправленного поведения. М.: Наука, 1988.

261. Нарский И. С. Проблема «значения значения» в теории познания // Проблематика знака и значения. М., 1969.
262. Неловский Н. Право и ценности. М.: Прогресс, 1987.
263. Немцов Б. Е. Исповедь бунтаря. М.: Партизан, 2007. 186 с.
264. Несбит Дж. Мегатренды: пер. с англ. М.: АСТ, 2003.
265. Нецадин А., Горин Н., Тульчинский Г., Царева И. Экспертный институт / www.info.ru. 2001.
266. Нисканен В. А. Бюрократы и политика // Вехи экономической мысли: в 5 т. Экономика благосостояния и общественный выбор. Т. 4. СПб.: Экономическая школа, 2007.
267. Ницше Ф. Антихристианин // Сумерки богов. Сб. / под ред. А. А. Яковлева. М., 1989.
268. Ницше Ф. Сумерки идолов или как философствуют молотом / Ницше Ф. Сочинения: в 2 т. М., 1990. Т. 2.
269. Новак М. Дух демократического капитализма. Минск: Лучи Софии, 1997. 544 с.
270. Новые направления в социологической теории / пер. с англ. М.: Прогресс, 1978.
271. Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. М.: Фонд экон. кн. «Начала», 1997.
272. Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации: Федеральный закон № 131-ФЗ. М.: Юридическая книга», 2009.
273. Овчинников Н. Ф. Знание — болевой нерв философской мысли (К истории концепции знания от Платона до Поппера) // Вопросы философии. 2001. № 2.
274. Ожегов С. И. Словарь русского языка. М.: БСЭ, 1973.
275. Ойкен В. Основные принципы экономической политики: пер. с нем. М.: Прогресс, 1995. 496 с.
276. Опыт российской модернизации XVIII–XX века. М., 2000.
277. Орлова Т. С. Креативность экономического сознания. Екатеринбург: УрГУ, 2004. 366 с.
278. Ортега-и-Гассет Х. Эстетика. Философия культуры: пер. с нем. М., 1991.

279. *Пазина О. Е.* Социальная ответственность личности в современном обществе: автореф. дис. ... канд. филос. наук. Ниж. Новгород, 2007.

280. *Пан В. В.* Человек, его сущностные силы // Становление человека как субъекта социального творчества. Матер. Всерос. конф. «Общество. Экономика. Труд. Культура. Человек». Омск: ИД «Диалог Сибирь», 1997. С. 7–14.

281. *Панарин А. С.* Революция или реформация? (Революционная эсхатология и цивилизованная повседневность) // Из истории реформаторства в России: философско-исторические очерки. М., 1991.

282. *Пантин П. К.* Драма противостояния демократия — либерализм в старой и новой России // Полис. 1994. № 3.

283. *Парсонс Т.* О социальных системах: пер. с англ. М.: Академический проект, 2002. 832 с.

284. *Парсонс Т.* О структуре социального действия: пер. с англ. М.: Академический проект, 2002. 832 с.

285. *Парсонс Т.* Система координат и общая теория систем действия: культура, личность и место социальных систем // Американская социальная мысль. Тексты. М.: Мысль, 1994.

286. *Партнерство: Словарь — справочник / Киселев В. Н., Смольников В. Г. М.: Экономика, 1999.*

287. *Перегудов С. П.* Социальная ответственность бизнеса: реальность или фикция? // Социальная сфера: публичные и частные начала. Материалы симпозиума. Екатеринбург: УрГУ, 2002. С. 97–109.

288. *Петровский В. А.* Личность в психологии. Ростов н/Д, 1996.

289. *Пиаже Ж.* Речь и мышление ребенка. Государственное учебно-педагогическое издательство, М.; Л., 1932 [Электронный ресурс]: Режим доступа: <http://www.detskiysad.ru/ped/piaget.html>

290. *Пивоваров Д. В., Минаева Н. С.* Понятия сознательного и бессознательного: психологический аспект // Психологический вестник Уральского государственного университета. 2009. № 7.

291. *Платон.* Государство // Платон: соч.: в 4 т. М.: Мысль, 1994. Т. 3.

292. *Платонов О.* Русский труд. М.: Современник, 1991.

293. *Поланьи М.* Личностное сознание: пер. с англ. М.: Социс, 1999.

294. Полтерович В. М. Институциональные ловушки и экономические реформы // Экономика и математические методы. 1999. Т. 35. № 2.

295. Поляков Н. Л. От трудового общества к информационному: Западная социология об изменении социальной роли труда. М., 1990.

296. Попова И. П. Маргинальность: Социологический анализ. М., 1996.

297. Портер М. Конкурентная стратегия: пер. с англ. М.: Альбина Бизнес Букс, 2005. 454 с.

298. Пригожин И., Стенгерс И. Порядок из хаоса. Новый диалог человека с природой. М., 1986.

299. Пригожин А. И. Нововведения: стимулы и препятствия (социальные проблемы инноватики). М.: Политиздат, 1980.

300. Прохорова Н. Г. Социальная ответственность как конкурентное преимущество развития бизнеса // Экономика региона. 2007. № 18.

301. Радаев В. В. Что такое экономическое действие // Экономическая социология. 2002. Т. 3. № 5.

302. Радаев В. В. К обоснованию поведения человека в социологии. М.: Ин-т социологии, 1997.

303. Радаев В. В. Экономическая социология. М.: ГУ ВШЭ, 2005. 603 с.

304. Рассел Б. Словарь разума, материи, морали. М.: Республика, 1999.

305. Рассел Б. Человеческое познание, его сфера и границы: пер. с англ. М.: Республика, 2000. 464 с.

306. Рашкова Р. Т. Ватикан и современная культура. М., 1989.

307. Резник Ю. М. Гражданское общество как феномен цивилизации. Часть II. Теоретико-методологические аспекты исследования. М.: МГСУ «Союз», 1998.

308. Рейковский Я. Личность в условиях общественно-исторической перестройки // Психология личности в социалистическом обществе: Активность и развитие личности. М., 1989.

309. Репке В. Коренные вопросы хозяйственного порядка // Теория хозяйственного порядка. Фрайбургская школа и немецкий либерализм: пер. с нем. М.: Экономика. 2002.

310. *Рих А.* Хозяйственная этика: пер. с нем. М., 1996.
311. *Рогачев С. В.* Социальное государство как институт публичной сферы // Социальная сфера: Публичные и частные начала. Материалы симпозиума. Екатеринбург: Урал. ун-т, 2002.
312. *Роджерс К.* К науке о личности // История зарубежной психологии. М.: МГУ, 1986.
313. *Родионова Л. Н.* Организационно-экономическое обеспечение надежности функционирования финансово-промышленной системы. автореф. дис. ... докт. экон. наук. СПб., 1998.
314. *Розенфельд У. Д.* Антропологическая философия в России: проблемы начального этапа развития / Апология русской философии. Сб. ст. к 70-летию проф. Б. В. Емельянова. Екатеринбург: Урал. ун-т, 2005.
315. *Розин В. М.* Субъект действия, взаимодействия, познания: Психологические, философские, социокультурные аспекты. Воронеж, 2001.
316. *Ролз Дж.* Теория справедливости: пер. с англ. Новосибирск, 1995.
317. *Ромм М. В.* Адаптация личности в социуме: Теоретико-методологический аспект. Новосибирск, 2002.
318. *Россман В.* Разум под лезвием красоты // Вопросы философии. 1999. № 12.
319. *Росс Л., Нисбет Р.* Человек и ситуация. Уроки социальной психологии. М., 2000.
320. *Рубинштейн С. Л.* Проблемы общей психологии. М., 1976.
321. *Рубин Ю. Б.* Конкуренция: Упорядоченное взаимодействие в профессиональном бизнесе. М.: Маркет-ДС, 2006.
322. *Руссо Ж. Ж.* Об общественном договоре. Трактаты. М.: Канон-пресс, 1998.
323. *Рывкина Р. В.* Образ жизни населения России: социальные последствия реформ 90-х годов // СОЦИС. 1998. № 4.
324. *Сартр П.* Бытие и ничто. Опыт феноменологической онтологии: пер. с фр. М.: Республика, 2002.
325. *Сартр П.* Экзистенциализм это гуманизм // Сумерки богов. Сб. / сост. А. А. Яковлев. М., 1989.
326. *Селезнев М. А.* Социальная ситуация и социальный кризис как категория социальной диалектики // Методологические проблемы социальной диалектики. Новосибирск, 1984.

327. Селигмен Б. Основные течения современной экономической мысли: пер. с англ. Ч. 1. М.: Прогресс, 1968.
328. Смелзер Н. Социология: пер. с англ. Ростов н/Д: Феникс, 1994.
329. Смит А. Исследование о природе и причинах богатства народа // Антология экономической классики / ред. А. И. Столяров: в 2 ч. Ч. 1. М.: «Эконов», 1993.
330. Соболева И. Социальная ответственность бизнеса: глобальный аспект и российские реалии // Вопросы экономики. 2005. № 10. С. 90–102.
331. Соловьев В. С. Спор о справедливости.: Сочинения. М.: ЭКСМО-Пресс; Харьков: Фолио, 1999. 864 с.
332. Соловьев В. С. Оправдание Добра // Русская философия собственности. XVIII–XX вв. СПб.: Ганза, 1993.
333. Соловьев В. С. Тайна прогресса / Соловьев В. С. Сочинения: в 2 т. М.: Мысль, 1988.
334. Соловьев Э. Ю. Соловьев В. С. Чтения о богочеловечестве // Соловьев В. С. Собр. соч.: в 10 т. Т. 3. СПб., 1912.
335. Сорокин П. А. Социальная и культурная динамика: пер. с англ. М.: Астрель, 2006. 1176 с.
336. Сорокин П. А. Общедоступный учебник социологии. Статьи разных лет. М.: Наука, 1994.
337. Сорокин П. А. Современное состояние в России // Новый мир. 1992. № 4.
338. Сото Э. Иной путь: пер. с исп. М., 1995.
339. Социальная ответственность бизнеса: актуальная повестка / под ред. С. Е. Литовченко, М. И. Корсакова. М.: Ассоциация менеджеров, 2003.
340. Социальная психология и этика делового общения / под ред. В. Н. Лавриненко. М.: Культура и спорт, 1995.
341. Социальная идентификация личности / под ред. В. А. Ядова. М.: РАН История социологии, 1993.
342. Социальное партнерство в профессиональном образовании: методологические и организационные аспекты / под ред. С. А. Иванова и Г. В. Борисовой. СПб.: Скифия, 2003.

343. Социо-Логос: Выпуск 1. Общество и сферы смысла / пер. с англ., нем., франц., сост., общ. ред. и предисл. В. В. Винокурова, А. Ф. Филиппова. М.: Прогресс, 1991.
344. *Спивак В. А.* Корпоративная культура: Теория и практика. СПб., 2001.
345. *Спиркин А. Г.* Сознание и самосознание. М., 1972.
346. Сравнительное исследование и законы по вопросам социального партнерства: сборник материалов / авт. и сост. К. Ньюман. Киев, 2000.
347. *Степин В. С.* Философская антропология и философия. науки. М., 1992
348. *Стиглер Дж. Дж.* Совершенная конкуренция: Исторический ракурс // Вехи экономической мысли / под ред. В. М. Гальперина. Т. 2. СПб.: Экономическая школа, 2000.
349. *Стожко К. П.* Экономическое сознание. Екатеринбург: УрГУ, 2002. 426 с.
350. *Стожко К. П., Тарасова О. В., Новожилов А. Е., Маяков Н. Н.* Социальная диалектика предпринимательства: Личность. Самоуправление. Культура. Творчество. Екатеринбург: УрГУ, 2005. 238 с.
351. *Струве П. Б.* Интеллигенция и народное хозяйство // Вопросы философии. 1992. № 12.
352. *Струве П. Б.* Patriotica: Политика, культура, религия, социализм / сост. В. Н. Жукова, А. П. Полякова. М.: Республика, 1997. 527 с.
353. Субъект действия, взаимодействия, познания: Психологические, философские, социокультурные аспекты. Матер. науч.-практ. конф. М.; Воронеж, 2001.
354. *Суриков К. А., Пугачева Л. Г.* Ум, в котором мы живем. М.: Либроком, 2008; режим доступа <http://USSR.ru>
355. Творческий универсум русской культуры / под ред. В. И. Копалова. Екатеринбург: УрГУ, 2008.
356. Тейяр де Шарден П. Феномен человека. Вселенская месса: пер. с фр. М.: Айрис-Пресс, 2002. 352 с.
357. Ткаченко И. Н. Эволюция внутрифирменных корпоративных отношений. Екатеринбург: Ин-т экономики УрО РАН, 2001. 310 с.

358. Тойнби А. Цивилизация перед судом истории: пер. с англ. М.; СПб., 1991.
359. Толстой Л. Н. Дневники. 1895–1910 гг. // Толстой Л. Н. Собрание сочинений: в 20 т. М., 1964. Т. 20.
360. Тотомианц В. Участие в прибыли и коммерческое партнерство. Петроград, 1915.
361. Тоффлер Э. Третья волна: пер. с англ. М.: АСТ, 1999. 784 с.
362. Тоффлер Э. Метаморфозы власти: пер. с англ. М.: ООО «Издательство АСТ», 2003.
363. Тростников В. православная цивилизация. М.: ИД «Сибирский цирюльник», 2004.
364. Трудовой кодекс Российской Федерации от 30 декабря 2001 г. № 197-ФЗ. М.: Политиздат, 2012.
365. Туган-Барановский М. И. К лучшему будущему. М., 1996.
366. Туган-Барановский М. И. Социальные основы кооперации. М., 1989.
367. Уильямсон О. Экономические институты капитализма. Рынки, фирмы, «отношенческая» контрактация: пер. с англ. СПб., 1996.
368. Унадзе Д. Н. Экспериментальные основы психологии установок. Тбилиси, 1961.
369. Федоров Н. Философия общего дела. М.: Знание, 1982.
370. Фейербах Л. Избранные философские произведения: в 2 т. М., 1955.
371. Философия: учебник / под ред. А. Ф. Зотова, В. В. Миронова, А. В. Разина. М.: Академ. проект, 2004. 688 с.
372. Финогентов В. Н. Онтологический статус и методологическое значение понятия «социальный регулятор» // Философская жизнь Урала. Проблемы общей и социальной онтологии. Альманах / под ред. В. И. Кашперского. Екатеринбург: УГТУ-УПИ, 1999.
373. Филатов В. И. Социально-онтологические основания целостности человека. М.: МГУК, 2001. 311 с.
374. Фихте И. Г. О достоинстве человека // Фихте И. Г. Сочинения: в 2 т. Т. 1. СПб., 1993.
375. Флоренский П. А. Столп и утверждение истины: в 3 т. М., 1990.

376. *Флоренский П. А.* Культ, религия и культура // Русская философия. Конец XIX — начало XX вв. Антология. СПб.: С.-Петербург. ун-т, 1993.
377. *Франселла Ф., Баннистер Д.* Новый метод исследования личности: Руководство по рецептурным личностным методам: пер. с англ. М.: Прогресс, 1987.
378. «Фрайбургская школа» и немецкий неолиберализм. Теория хозяйственного порядка: пер. с нем. М.: Экономика, 2002.
379. *Франк С. Л.* С нами Бог. М.: АСТ, 2003. 750 с.
380. *Франк С. Л.* По ту сторону «правого» и «левого» // Новый мир. 1990. № 4.
381. *Франк С. Л.* Духовные основы общества. Нью-Йорк, 1988.
382. *Франк С. Л.* Философия и жизнь. М., 1910.
383. *Фрейд З.* Психология бессознательного: Сборник произведений. М.: Просвещение, 1990.
384. *Фрейд З.* Я и ОНО: пер. с англ. М., 1990.
385. *Фрейд З.* Будущее одной иллюзии // Сумерки богов / сост. А. А. Яковлев. М., 1989.
386. *Фромм Э.* Иметь или быть: пер. с нем. М., 1991.
387. *Флоренский П. А.* У водоразделов мысли / Флоренский П. А. Сочинения: в 3 т. Париж, 1981. Т. 1.
388. *Фролов С. С.* Основы социологии. М., 1997.
389. *Фролов И. Т.* Перспективы человека. М., 1983.
390. *Фролов И. Т.* Жизнь и познание. М., 1981.
391. *Фромм Э.* Иметь или быть. М.: Академический проект, 1976.
392. *Фромм Э.* Бегство от свободы. М., 1990. С. 223.
393. *Фромм Э.* Человек для себя: пер. с нем. Минск, 1992.
394. *Фромм Э.* Душа человека: пер. с нем. М., 1992.
395. *Фрэзер Дж.* Золотая ветвь: пер. с англ. М.: Политиздат, 1980.
396. *Фуко М.* Надзирать и наказывать (Рождение Тюрьмы). М., 1999.
397. *Фукуяма Ф.* Доверие. Социальные добродетели и создание благосостояния // Новая индустриальная волна на Западе. Антология / под ред. В. Л. Иноземцева. М., 1999.
398. *Фукуяма Ф.* Доверие. Социальные добродетели и путь к процветанию: пер. с англ. М.: «АСТ», 2004.

399. Фурман Ф. М. «Индустрия» американской филантропии: ее настоящее и будущее // Известия Урал. гос. ун-та. 2004. Вып. 15. № 29. С. 153–158.
400. Хабермас Ю. Демократия, разум, нравственность: пер. с англ. М., 1995.
401. Хайдеггер М. Время и бытие. М.: Прогресс, 1993.
402. Хайдеггер М. Феноменология. Герменевтика. Философия языка: пер. с нем. М., 1993.
403. Хайек Ф. Познание, конкуренция и свобода: пер. с нем. М.: Пневма, 1992.
404. Хайек Ф. фон. Происхождение и действие нашей морали // ЭКО 1991. № 12.
405. Хайдеггер М. Феноменология. Герменевтика. Философия языка: пер. с нем. М., 1993.
406. Хекхаузер Х. Мотивация и деятельность: пер. с нем: в 2 т. М.: Наука, 1986.
407. Хюбнер К. Истина мифа: пер. с нем. М.: Республика, 1996. 448 с.
408. Чагин Б. А. Структура и закономерности общественного сознания. Л., 1982.
409. Чемберлин Э. Теория монополистической конкуренции: пер. с англ. М.: Экономика, 1996.
410. Чуринов Н. М. Совершенство и свобода. Новосибирск: СО РАН, 2006. 712 с.
411. Шабатура Л. Н. Онтогенез традиции. Екатеринбург: УрГУ, 2002. 264 с.
412. Шабатура Л. Н. Социогенез традиции. Екатеринбург: УрГУ, 2003. 209 с.
413. Шабатура Л. Н., Шадрин С. З. Экономическая культура в структуре гуманитарного знания. Екатеринбург: УрГУ, 2002. 144 с.
414. Шастико А. Е. Неонституциональная экономическая теория. М. 1999.
415. Шаталова Н. И. Трудовой потенциал работника. М.: ЮНИТИ, 2003. 399 с.
416. Шацкий К. Утопия и традиция: пер. с пол. М., 1990.

417. Швальбе Б., Швальбе Х. Личность, картера, успех: пер. с нем. М.: Прогресс-Интер, 1993.
418. Щербакова Г. В. Убеждение в его отношении к знанию и вере. Томск, 1984.
419. Шерозия А. Е. Психика, сознание, бессознательное. Тбилиси, 1979.
420. Щербинин М. Н. Искусство и философия в генезисе смыслообразования (Опыт эстетической антропологии). Тюмень: ТГУ, 2005. 312 с.
421. Шишкин А. Ф. Человеческая природа и нравственность. М.: Мысль, 1979.
422. Шопенгауэр А. Свобода воли и нравственность. М., 1992.
423. Шопенгауэр А. Афоризмы житейской мудрости: пер. с нем. М.: АСТ, 1999.
424. Шопенгауэр А. Мир как воля и представление: пер. с нем. М.: Прогресс, 1992.
425. Штафф А. Введение в семантику. М., 1963.
426. Шумихина Л. А. Генезис русской духовности. Екатеринбург: УрГУ, 1998.
427. Шумпетер Й. А. Капитализм, социализм, демократия // Шумпетер Й. А. Теории экономического развития. Капитализм, социализм и демократия: пер. с англ. М.: Эксмо, 2007.
428. Щепаньский Я. Элементарные понятия социологии / общ. ред. и послеслов. акад. А. М. Румянцева; пер. с польск. М. М. Гуренко. М.: Прогресс, 1969.
429. Энциклопедия менеджмента. Справочник. Социальное партнерство. Социальное партнерство в социально-трудовой сфере как общественное явление // <http://besonus.narod.ru/partnership.htm>. 2005.
430. Энциклопедия мудрости. М.: ИД «Росса», 2010.
431. Эбеджанс С. Г., Важнов М. Я. Производственный феномен ГУЛАГА // Вопросы истории. 1994. № 6.
432. Эрн В. Ф. Христианское отношение к собственности // Русская философия собственности. XVIII–XX вв. СПб.: Ганза, 1993.
433. Юнг К. Г. Психика: структура и динамика: пер. с нем. М.: АСТ, 2005. 416 с.

434. Юнг К. Г. Психологические типы: пер. с нем. М.: АСТ, 2006. 761 с.
435. Яковенко Б. В. Путь философского познания // Русская философия. Конец XIX — начало XX вв. Антология. СПб.: С.-Петербург. ун-т, 1993.
436. Якимец В. Н. Межсекторное социальное партнерство: основы, теория, принципы, механизмы. М: «Эудиториал УРСС», 2004.
437. Якимец В. Н., Никовская Л. И., Коновалова Л. Н. Теория и практика межсекторного социального партнерства в России: монография. М.: ГУУ, 2004.
438. Янжул И. И. Экономическое значение честности: Забытый фактор производства // Янжул И. И. Избранные труды. М.: Наука, 2005.
439. Ярошевский М. Г. История психологии. От античности до середины XX века. М., 1997.
440. Adorno T. The Authoritarian Personality. — N. Y., 1950.
441. Jonas H. Das Princip Verantwortung. Versuch einer Ethics technologische Zivilisation / Jonas H. F. A. M. Suhrkamp. 1994.
442. Harris P. R., Morran R. T. Managing Cultural Differences. Gulf Publishing Company. 1991.
443. North D. A Conceptual Framework for Interpreting Human History. Working paper. December 2006 — <http://www.nber.org/papers/w127954>
444. Polanyi K. The livelihood of man. New York: Acad. Press, 1977;
445. Putterman L. The Firm as Association versus the Firms as Commodity: Efficiency, Rights and Ownership // Economics and Philosophy. Vol.4; n 2. pp 244–267.
446. Shils E. The Calling of Sociology // Theories of Society. Foundations of Modern Sociological Theory. N.-Y. 1961.
447. Totalitarianism. Proceeding of Conference Held of the American Academy of Arts and Science. March 1953. — Cambridge (Mass), 1954.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	3
Глава 1	
ФЕНОМЕН	
СОЦИАЛЬНОГО ПАРТНЕРСТВА В КОНТЕКСТЕ	
ДУХОВНОГО САМООПРЕДЕЛЕНИЯ ЛИЧНОСТИ	4
Глава 2	
ОСНОВНЫЕ ВИДЫ СОЦИАЛЬНОГО ПАРТНЕРСТВА	
В ПРОЦЕССЕ СОЦИАЛЬНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ	81
Глава 3	
ТРАНСФОРМАЦИЯ СОЦИАЛЬНОГО ПАРТНЕРСТВА	
В РЕАЛИЯХ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА.....	107
Заключение	150
Библиографический список.....	153

Научное издание

Матвеева Алла Ивановна

СОЦИАЛЬНОЕ ПАРТНЕРСТВО: ЦЕЛЬ ИЛИ СРЕДСТВО

Монография

Подписано в печать 29.04.2016. Формат 60х84/16.
Гарнитура Charter. Бумага офсетная.
Усл.-печ. л. 10,5. Уч.-изд. л. 12,0. Тираж 500 экз.

Отпечатано в типография издательства «Бук»
420029, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25